

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

Большое собрание
сочинений
В ОДНОМ ТОМЕ

Полное собрание сочинений (ЭКСМО)

Говард Лавкрафт

**Большое собрание
сочинений в одном томе**

«ЭКСМО»

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лавкрафт Г. Ф.

Большое собрание сочинений в одном томе / Г. Ф. Лавкрафт —
«Эксмо», — (Полное собрание сочинений (Эксмо))

ISBN 978-5-04-181843-2

Добро пожаловать в мир Г.Ф. Лавкрафта! В нём вы окунётесь в атмосферу беспредельного ужаса перед неведомыми силами и почувствуете трепет прикосновения к сверхъестественному. Имя Говарда Филлипса Лавкрафта прогремело на весь мир, как эталон литературы ужаса. Фигура писателя окружена покровом домыслов, мифов и загадок. И действительно, чтобы создать свою вселенную, свой мир, разительно отличающийся от реального, надо было обладать неукротимой фантазией и смелостью безумца. При чтении его творений не покидает ощущение, что Зазеркалье совсем рядом, стоит только сделать один шаг, и ты очутишься в неведомом и жутком мире... Лавкрафт смешал обыденную действительность и вселенский кошмар, показал столкновение простого человека с непостижимыми, а порой и смертельно опасными созданиями. Дагон, Ктулху, Йог-Сотот и многие другие темные божества, придуманные им в 1920-е годы, приобрели впоследствии такую популярность, что сотни творцов фантастики, включая Нила Геймана и Стивена Кинга, до сих пор продолжают расширять его мифологию. Из последнего в 2022 году вышел сериал «Кабинет редкостей Гильермо дель Торо», где два эпизода основаны на рассказах Лавкрафта. В сборник вошли как самые известные рассказы писателя, так и многие давно не переиздававшиеся рассказы.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-181843-2

© Лавкрафт Г. Ф.

© Эксмо

Содержание

Мифы Ктулху	7
Храм	7
Дагон	15
Безымянный город	18
Праздник	25
Мгла над Инсмутом	31
Зов Ктулху	74
Данвичский кошмар	94
Шепчущий из тьмы	118
Хребты безумия	162
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Говард Филлипс Лавкрафт

Большое собрание сочинений в одном томе

- © Алякринский О., перевод на русский язык, 2023
- © Брилова Л., перевод на русский язык, 2023
- © Володарская Л., перевод на русский язык. Наследник, 2023
- © Дорогокупля В., перевод на русский язык, 2023
- © Лихачёва С., перевод на русский язык, 2023
- © Чарный В., перевод на русский язык, 2023
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Мифы Ктулху

Храм

(Рукопись, обнаруженная на побережье Юкатана)

Двадцатого августа 1917 года я, Карл Хейнрих, граф фон Альт-берг-Эренштайн, капитан-лейтенант Императорских военно-морских сил, командующий подводной лодкой U-29, вверяю эту бутылку с рукописью водам Атлантики в неизвестном мне месте; вероятно, его координаты 20 градусов северной широты и 35 градусов восточной долготы; здесь, на дне океана, покоится мое обездвиженное судно. Я поступаю так потому, что желаю обнародовать некоторые необычайные обстоятельства случившегося – сам я не выживу, и обстановка вокруг настолько же необычная, насколько зловещая, включая не только непоправимую поломку субмарины, но и то, что моя железная германская воля подорвана самым катастрофическим образом.

Днем 18 июня, как было доложено по радиосвязи на субмарину U-61, направлявшуюся в Киль, мы торпедировали британское грузовое судно «Виктори», следовавшее из Нью-Йорка в Ливерпуль, на 45 градусах 16 минутах северной широты и 28 градусах 34 минутах западной долготы, позволив экипажу эвакуироваться на спасательных шлюпках, чтобы снять кинофильм для министерского архива. Корабль тонул чрезвычайно зрелищно: корма погрузилась первой, форштевень высоко вздымался над водой, пока корпус погружался перпендикулярно океанскому дну. Наша кинокамера не упустила ни малейшей детали, и мне очень жаль, что столь прекрасная пленка никогда не попадет в Берлин. Затем мы потопили шлюпки из палубных орудий и совершили погружение.

Поднявшись на поверхность с заходом солнца, мы обнаружили на палубе труп моряка, чьи пальцы невероятно крепко сжимали релинг. Бедняга был молод, черноволос и обладал крайне привлекательной внешностью; вероятно, то был итальянец или грек, несомненно, принадлежавший к экипажу «Виктори». Очевидно, он искал спасения на нашей лодке, вынужденной потопить его судно – еще одна жертва войны, навязанной фатерлянду английскими свиносообаками. Наши люди обыскали его на предмет сувениров и нашли в кармане его бушлата весьма странную статуэтку из слоновой кости в виде головы юноши, увенчанной лавровым венком. Лейтенант Кленце, мой сослуживец, был убежден в том, что она имеет большую историческую и художественную ценность, и оставил ее себе. Ни он, ни я не могли понять, каким образом она оказалась у простого матроса.

Когда тело выбросили за борт, произошло два события, чрезвычайно обеспокоивших членов нашего экипажа. Глаза мертвеца были закрыты, но, когда его тащили к борту, они широко распахнулись, и многих позабавила нелепая иллюзия неотрывного и насмешливого взгляда, смотревшего на склонившихся над телом Шмидта и Циммера. Боцман Мюллер, человек пожилой, мог бы думать своей головой, не будь он суеверным эльзасским боровом, но так впечатлился увиденным, что следил за погружившимся в воду трупом и впоследствии клялся, что видел, как на небольшой глубине мертвец стал совершать плавательные движения и быстро поплыл на юг под волнами. Кленце и я были не в восторге от этих крестьянских бредней, и мы строго отчитали команду, в особенности Мюллера.

На следующий день сложилась непредвиденная ситуация, вызванная недомоганием некоторых подводников. Очевидно, его причиной являлся нервный срыв, вызванный длительным походом, – их мучили кошмары. Кое-кто из них имел оглушенный вид и был безразличен ко всему; убедившись в том, что они не симулянты, я освободил их от служебных обязанностей. Море было беспокойным, и мы опустились на глубину, где не так ощущалось волнение. Здесь

было относительно тихо, несмотря на то что нам повстречалось загадочное южное течение, не отмеченное на морских картах. Стоны больных порядком раздражали нас, но мораль остальных членов экипажа не пострадала, и нам не пришлось прибегать к крайним мерам. Мы планировали оставаться на месте для перехвата лайнера «Дакия», маршрут которого нам сообщили агенты нашей разведки в Нью-Йорке.

Когда мы всплыли на поверхность, то обнаружили, что волны были уже не такими большими. На севере над горизонтом дымил линкор, но благодаря значительному расстоянию между нами и нашей способности погружаться мы были в безопасности. Куда больше нас волновали слова боцмана Мюллера, начавшего буйствовать с наступлением ночи. Его ребячество внушало отвращение – он болтал о том, что видел мертвецов, проплывающих за иллюминаторами и пристально смотревших на него, что в раздутых трупах он опознал моряков с победоносно затопленных нами судов, и над всеми предводительствовал найденный нами юноша, которого мы сбросили за борт. Эти слова ввергали всех в трепет и звучали ненормально, так что мы заковали его в кандалы и подвергли порке. Команда не одобрила подобное наказание, но необходимо было поддерживать дисциплину. Также мы отклонили просьбу делегации во главе с матросом Циммером о том, чтобы выбросить странную статуэтку из слоновой кости в океан.

Двадцатого июня матросы Бем и Шмидт, заболевшие накануне, окончательно помешались. Я пожалел о том, что в состав экипажа не включили врача, так как жизни германских граждан бесценны, но их неистовый бред о некоем ужасном проклятии самым пагубным образом нарушал дисциплину, и пришлось прибегнуть к радикальным мерам. Экипаж угрюмо отреагировал на случившееся, но благодаря этому успокоился Мюллер, больше не доставлявший нам хлопот. Вечером мы освободили его, и он молча приступил к своим обязанностям.

Последующую неделю мы провели в беспокойном ожидании «Дакии». Напряжение усилилось после исчезновения Мюллера и Циммера, несомненно, совершивших самоубийство, не в силах справиться с гнетущим страхом, хотя никто не видел, как они покидали лодку. Я был рад избавиться от Мюллера, так как даже его молчание оказывало дурное влияние на команду. С тех пор все члены команды избегали разговоров, словно затаив некий страх. Многим нездоровилось, но буйных не было. Из-за постоянного напряжения терпение лейтенанта Кленце истощилось и каждая мелочь раздражала его, как, например, стая дельфинов, сопровождавшая U-29, и все усиливающееся южное течение, не отмеченное на наших картах.

Спустя некоторое время мы поняли, что упустили «Дакию». Подобное иногда случается, и мы были скорее довольны, нежели разочарованы, так как могли возвращаться в Вильгельмсхафен. Днем двадцать восьмого июня мы взяли курс на северо-восток и следовали ему, невзирая на несколько комичные столкновения с невероятно возросшим количеством дельфинов.

Взрыв в машинном отделении в два часа ночи стал для всех полной неожиданностью. Вся техника работала безотказно, весь экипаж исправно выполнял свои обязанности, но чудовищный удар сотряс судно от носа до кормы. Лейтенант Кленце бросился в машинное отделение, обнаружив, что уничтожен топливный бак и почти весь двигатель; судовые механики Раабе и Шнайдер погибли мгновенно. Положение наше было угрожающим – несмотря на то что система регенерации воздуха и шлюзовой затвор не пострадали и мы могли всплывать и погружаться, используя сжатый воздух и аккумуляторные батареи, управлять субмариной не было никакой возможности. Использовать спасательные шлюпки значило отдаться в руки врага, беспричинно ожесточившегося против нашей великой германской нации. Радиопередатчик не работал с тех пор, как мы связывались с германской подлодкой, атаковав «Виктори».

С того момента, как случилась авария, и до второго июля мы непрерывно дрейфовали на юг без каких-либо планов и не встретили ни одного судна. С учетом пройденного нами расстояния удивительным было то, что дельфины все еще следовали за подлодкой. Утром второго июля мы заметили линкор под американским флагом, и командой овладело беспокойство; многие желали сдаться. В конце концов лейтенанту Менце пришлось застрелить матроса

Траубе, наиболее рьяно выражавшего свои антигерманские настроения. На время волнения прекратились, и мы погрузились незамеченными.

На следующий день с юга плотной стаей налетели птицы, и океан вздыбился. Задрав люки, мы следили за развитием ситуации, пока не стало ясно, что необходимо погружаться, иначе нас опрокинет волнами. Давление воздуха и заряд батарей падали, и мы хотели избежать нерационального расходования наших скромных ресурсов, но выбора не было. Переждав на небольшой глубине несколько часов, мы решили подняться, так как волнение несколько стихло. Здесь нас ждало новое бедствие – мы не могли всплыть наверх, несмотря на все усилия механиков. Команду страшила перспектива подводного заточения, снова слышались разговоры о статуэтке лейтенанта Кленце, но всех успокоил вид пистолета. Мы стремились занять этих бедняг какой угодно работой, хотя возня с машинами и была бессмысленной.

Кленце и я спали посменно, и в пять утра четвертого июля во время моего сна на судне поднялся бунт. Оставшиеся шестеро матросов подозревали, что мы окончательно потерялись; эти свиньи, разозленные позавчерашним отказом сдаться американцам, впали в безумие, круша все вокруг. Они рычали, словно звери, коими и являлись, без разбора ломая инструменты и мебель, неся полный бред о проклятой статуэтке из слоновой кости и темноволосом юноше, что, уплывая, провожал их взглядом. Лейтенанта Кленце будто парализовало, и он не оказывал сопротивления – впрочем, чего еще ждать от изнеженного, женоподобного уроженца Рейнланда? Я застрелил всех шестерых, как того требовали обстоятельства, и лично убедился в том, что никто не выжил.

Мы избавились от тел при помощи парных люков; теперь нас было лишь двое. Кленце заметно нервничал и постоянно пил. Было решено, что мы постараемся протянуть как можно дольше, благо наши запасы провианта и кислорода не пострадали от рук этих взбесившихся свинских собак. Наши компасы, эхолоты и остальные чувствительные приборы были выведены из строя, и отныне мы могли лишь догадываться о нашем местонахождении при помощи часов, календаря и того, что могли заметить сквозь иллюминаторы или из рубки, пока дрейфовали. Заряда аккумуляторных батарей, к счастью, должно было хватить надолго как для освещения отсеков, так и для прожектора. Последним мы пользовались часто, но видели лишь дельфинов, плывших параллельно нашему курсу. К этим дельфинам у меня возник научный интерес: обыкновенный *Delphinus delphis*, являясь китообразным млекопитающим, неспособен обходиться без воздуха, но я наблюдал за одним из них в течение двух часов и не видел, чтобы он поднимался на поверхность.

Шло время, и мы с Кленце решили, что продолжаем дрейфовать на юг, постепенно погружаясь все глубже и глубже. Мы отмечали, что за флора и фауна встречалась нам, и в свободное время читали об увиденном в принадлежавших мне справочниках. Не могу не отметить скудость научных познаний моего товарища. Его склад ума был совершенно не прусским; он был подвержен ничемным фантазиям и выдумкам. На него странно влияла неотвратимость приближавшейся смерти, и он часто молился за упокой мужчин, женщин и детей, отправленных нами на дно, забывая о том, что все, совершенное ради германского государства, есть благо. Вскоре его душевное здоровье заметно пошатнулось – он часами смотрел на статуэтку из слоновой кости и плел небылицы о том, что покоится в морских глубинах, затерянное, позабытое. Иногда в качестве психологического эксперимента я задавал ему наводящие вопросы, в ответ выслушивая бесконечные поэтические цитаты и истории о затонувших кораблях. Мне было жаль его, так как мне тяжело видеть страдания германца, но он был не из тех, с кем можно достойно встретить смерть. Касательно себя у меня не было сомнений, так как я знал, что фатерлянд почтит мою память, а мои сыновья, по моему подобию, станут настоящими мужчинами.

Девятого августа мы изучали океанское дно при помощи нашего мощного прожектора. Оно было холмистым, по большей части покрытым водорослями и усеянным моллюсками.

Повсюду встречались осклизлые объекты загадочного вида, утопавшие в морской траве и ракушках; Кленце объявил, что это старинные корабли, нашедшие свое последнее пристанище. Его смутила тупоконечная возвышенность из твердого вещества с плоскими гранями и гладкой поверхностью, почти на четыре фута возвышавшаяся над дном. Я сказал, что это обломок скалы, но Кленце казалось, что он покрыт резьбой. Затем он задрожал и отвернулся, будто испугавшись чего-то, но не мог объяснить, чего именно, отвечая, что его лишили самообладания бескрайность, темнота, древность и загадочность океанской бездны. Рассудок его ослаб, но я всегда остаюсь германцем, сразу отметив два обстоятельства: корпус U-29 великолепно выдерживал давление водной толщи и дельфины по-прежнему были рядом, несмотря на то что большинство натуралистов признает невозможным существование высших форм жизни на такой глубине. Я был уверен в том, что переоценил ее, но, так или иначе, мы должны были погрузиться достаточно глубоко, чтобы эти явления можно было счесть необыкновенными. На юг мы двигались с прежней скоростью, судя по моим наблюдениям за океанским дном и оценке скорости фауны в верхних слоях.

Двенадцатого августа в пятнадцать минут четвертого несчастный Кленце совершенно обезумел. Он находился в рубке, управляя прожектором, пока я сидел в другом отсеке с книгой. Вдруг он появился рядом; лицо его, обычно бесстрастное, исказилось. Я привожу здесь его слова, подчеркивая те, которые он выделял: «Он зовет! Он зовет! Я слышу! Идем!» Он взял со стола статуэтку, сунув ее в карман, схватил меня за руку, пытаясь увлечь меня к палубному трапу. Я сразу понял, что он хочет открыть люк и выбраться наружу; подобная непредсказуемая, самоубийственная выходка застала меня врасплох. Я воспротивился, пытаясь успокоить его, но это лишь разозлило его, и он сказал: «Медлить нельзя, *идем*, лучше раскаяться и получить прощение, чем отринуть *его* себе на погибель!» Тогда я пошел иным путем, прямо сказав ему, что он сошел с ума и что он жалкий безумец. Бесполезно. Он вскричал: «Если я и безумец, то лишь *его* милостью! Да сжалятся боги над тем, кто в своей черствости способен сохранить рассудок до ужасного конца! Идем, безумствуй, пока зов *его* все еще милостив!»

Эта вспышка ярости, должно быть, охладила его воспаленный мозг – он смягчился и стал просить, чтобы я отпустил его, если не хочу следовать за ним. Все прояснилось – он был германцем, но в то же время рейнландским простолюдином, к тому же опасным сумасшедшим. Выполнив его самоубийственную просьбу, я немедленно избавил бы себя от того, кто больше не был моим товарищем, но представлял угрозу. Я спросил, не отдаст ли он мне статуэтку, но ответом мне был столь жуткий хохот, что я не осмелился повторять свою просьбу. Тогда я спросил, не желает ли он оставить хотя бы прядь волос на память для своей семьи в Германии на тот случай, если меня все же спасут, но он вновь захохотал. Он взобрался по трапу, и, соблюдая необходимые временные интервалы, я открыл шлюз, тем самым обрекая его на верную смерть. Когда я увидел, что он покинул судно, я включил прожектор, пытаясь разглядеть его тело и понять, расплющило ли его давлением согласно теории или труп остался нетронутым, как те дельфины. Однако я не сумел разглядеть тело покойного товарища, так как вокруг рубки скопилось невероятное количество этих животных.

В тот вечер я пожалел, что тайком не вытащил статуэтку из кармана бедняги Кленце, так как одно лишь воспоминание о ней пленяло меня. Я никак не мог забыть прекрасную голову юноши, увенчанную лавром, хоть по натуре своей я не творческий человек. Также я сожалел о том, что лишился единственного собеседника. Хотя мой ум был куда острее, Кленце был лучше, чем ничего. В ту ночь я плохо спал, гадая, насколько близок мой конец. Без сомнения, шансов на спасение практически не было.

На следующий день я поднялся в рубку и по обыкновению приступил к исследованию при помощи прожектора. На севере картина оставалась неизменной с тех пор, как четыре дня назад мы впервые увидели дно, но я заметил, что U-29 теперь двигалась медленнее. Обратив луч к югу, я увидел, что дно океана стало более пологим, местами встречались каменные блоки

удивительно правильной формы, будто расставленные согласно некоему плану. Лодка погружалась медленно, океан становился все глубже, и я был вынужден повернуть прожектор так, чтобы луч смотрел вертикально вниз. Так как я сделал это слишком резко, отсоединился провод, и я потратил не одну минуту на починку, пока долина внизу не осветилась снова.

Я не подвержен эмоциям, но то, что открылось мне в электрическом свете, поразило меня. Воспитанный в лучших традициях прусской Kultur, я не должен был испытать подобное потрясение, так как геология и предания повествуют о том, как менялись океаны и целые континенты. Подо мной раскинулись стройные ряды величественных, в разной степени разрушенных зданий; подобный архитектурный стиль был мне незнаком. Многие из них, вероятно, были построены из мрамора, сверкая белым в свете прожектора; общая картина представляла собой гигантский город на дне узкой долины с многочисленными храмами и виллами, стоявшими отдельно, на склонах холмов. Крыши домов провалились, колонны были разрушены, но ничто не могло затмить духа и великолепия незапамятной древности.

Наконец-то мне повстречалась Атлантида, которую я считал почти что мифом, и я превратился в самого ревностного исследователя. На дне долины когда-то текла река – я более тщательно изучил его и увидел остатки мостов и набережных из камня и мрамора, террасы и валы, некогда цветущие и прекрасные. Энтузиазм превратил меня в подобие сентиментального идиота, каким являлся злополучный Кленце, и слишком поздно заметил, что южное течение больше не увлекает подлодку и U-29 медленно приближается к затонувшему городу, подобно аэроплану, летящему над земными городами там, наверху. Кроме того, я увидел, что стая необычных дельфинов исчезла.

Примерно через два часа субмарина легла на мощеную площадь неподалеку от скалистого склона долины. С одной стороны я мог видеть весь город, полого спускавшийся к руслу реки, с другой, в манящей близости, – превосходно сохранившийся, богато украшенный фасад величественного здания, очевидно храма, высеченного в скале. Могу лишь строить догадки о том, кто создал столь титаническое сооружение. За невероятных размеров фасадом с великим множеством окон, очевидно, скрывался массив храма в глубине скалы. В его центре разверзлась гигантская дверь в обрамлении вакхических горельефов; к ней вела впечатляющая каменная лестница. Наиболее поразительными были гигантские колонны и фриз, украшенные скульптурами непередаваемой красоты, вероятно, изображавшими идеализированные пасторали и процессии жрецов и жриц со странными церемониальными предметами в руках, поклонявшихся лучезарному богу. Мастерство исполнения было феноменальным, стиль в общих чертах напоминал эллинистический, но обладал удивительной индивидуальностью, оставляя впечатление немыслимой древности и, скорее, будучи наиболее далеким предком греческого искусства. Я не сомневался в том, что каждая деталь этого колоссального сооружения была высечена в девственной скале, бывшей частью гряды, обрамлявшей долину, но я не мог вообразить, сколь необъятным было внутреннее пространство. Быть может, сердцем его была пещера или несколько пещер. Ни годы, ни погружение под воду не оставили следа на первозданной величавости этой внушающей благоговение храмины – да, это мог быть только храм, – и сейчас, спустя тысячи лет, он, невидимый и незапятнанный, покоился среди бесконечной ночи в безмолвной бездне океана.

Не помню, сколько часов я провел, изучая затонувший город со всеми его зданиями, аркадами, статуями и мостами и колоссальный храм, прекрасный и загадочный. Хоть я и знал, что смерть близка, меня пожирало любопытство, и я безостановочно светил прожектором. Его луч открыл мне множество деталей, но не мог пробиться за разверстый зев двери вырубленного в скале храма, и спустя некоторое время я выключил ток, понимая, что энергию необходимо экономить. Свет был уже не таким ярким, как в начале дрейфа. В предчувствии скорого погружения во мрак мое желание проникнуть в тайны глубин все возрастало. Я, германец, должен первым ступить на эту землю, спавшую целую вечность!

Я достал и тщательно осмотрел металлический водолазный скафандр, поэкспериментировав с настройками портативного регенератора воздуха и электроэнергии. Хотя выход через парный люк в одиночку и будет сопряжен с некоторыми трудностями, полагаю, что моих умений хватит, чтобы преодолеть все препятствия и оказаться в мертвом городе.

Шестнадцатого августа я успешно покинул борт U-29, с трудом прокладывая себе путь к древней реке по разрушенным, утопающим в иле улицам. Ни скелетов, ни иных человеческих останков я не нашел, но значительно обогатил свои знания обнаруженным скульптурам и монетам. Об этом говорить я не стану, лишь упомяну, что был невероятно восхищен культурой, находившейся в зените славы, когда на просторах Европы бродили пещерные люди и никто не взирал на воды Нила, текущие к морю. Кто-то другой, прочитав эту рукопись, если ее когда-нибудь найдут, должен разгадать тайны, о которых я говорю лишь вскользь. Заряд батареи падал, и я вернулся на субмарину, решив заняться исследованием храма на следующий день.

Семнадцатого числа желание проникнуть в таинственный храм стало еще сильнее, но меня постигло великое разочарование: я обнаружил, что все необходимое для восполнения заряда портативного фонаря было уничтожено свиньями-бунтовщиками. Гневу моему не было предела, но мой германский здравый смысл воспреещал мне отправляться в непроглядную тьму без должной подготовки, так как я мог оказаться в логове какого-нибудь неописуемого морского чудовища или навсегда затеряться в лабиринте коридоров. Все, что мне оставалось, – включить слабеющий прожектор U-29 и при его помощи взойти по ступеням, чтобы изучить наружное убранство храма. Луч входил в дверной проем под острым углом, и я заглянул внутрь, пытаясь что-либо разглядеть, но усилия мои были тщетны. Не видно было даже потолка, и хотя я шагнул внутрь, ощупывая пол посохом, пройти дальше не решился. Более того, впервые в жизни меня обуял беспросветный страх. Я понял, почему пал духом несчастный Кленце, так как храм притягивал меня все сильнее, но слепой ужас охватывал меня при мысли о том, что лежало в этих затопленных залах. Вернувшись на субмарину, я выключил свет и предавался размышлениям в полной темноте. Отныне энергию стоило расходовать лишь в крайних случаях.

Всю субботу восемнадцатого августа я провел в крошечной тьме, мучимый мыслями и воспоминаниями, грозившими сломить мою германскую волю. Кленце обезумел и погиб прежде, чем достиг этого зловещего реликта из невообразимо далекого прошлого, и звал меня с собой. Хранила ли судьба мой рассудок лишь потому, что мне был уготован чудовищный, невыносимый конец, о котором не смел и думать никто из рода человеческого? Ясно одно – нервы мои расшатались, и мне следовало отбросить подобные измышления, свойственные лишь слабым.

Ночью мне не удалось заснуть, и я включил свет, презрев будущее. Плохо, что батареи сядут раньше, чем воздух и провизия. Я вновь задумался о самоубийстве и долго смотрел на свой пистолет. Должно быть, к утру я уснул, так как вчера днем проснулся в темноте и обнаружил, что заряд батарей иссяк. Одну за другой я жег спички, отчаянно жалея о недальновидности, с которой мы израсходовали наш скудный запас свечей.

Когда погасло пламя последней из растраченных мною спичек, я в полной тишине сидел без света. Думая о том, что смерть моя неизбежна, я воспроизводил в памяти предшествующие события, и во мне пробудилась доселе дремавшая мысль, от которой содрогнулся бы более суеверный и слабый человек. *Голова лучезарного бога среди храмовых скульптур была идентична статуэтке из слоновой кости, которую забрал у моря мертвый моряк, а бедный Кленце вернул ее назад.*

Меня слегка ошеломило это открытие, но страха я не испытывал. Лишь недалекий ум спешит объяснить нечто исключительное и сложное при помощи примитивных суеверий. Да, совпадение было странным, но я мыслил слишком здраво, чтобы искать в этих обстоятельствах

отсутствовавшую логику или проводить невероятные ассоциации между потоплением «Виктори» и моим нынешним бедственным положением. Чувствуя, что мне необходим отдых, я принял снотворное и поспал еще немного. Мое душевное состояние, должно быть, отражалось в моих снах – мне слышались вопли тонущих и виделись лица мертвецов, прижатые к стеклам иллюминаторов. Среди них было и живое, насмешливое лицо юноши со статуэткой из слоновой кости.

Мне следует описать свое пробуждение с осторожностью, так как мои нервы были на пределе и галлюцинации определенно мешались с реальными событиями. Моя болезнь представляет крайний интерес, и я сожалею, что не подвергнусь обследованию компетентных германских специалистов. Едва я открыл глаза, как меня охватило всепоглощающее желание пойти в храм, и оно становилось все сильнее, но я автоматически противился ему благодаря дремавшему страху. Затем я увидел *свет* вопреки тому, что батареи издохли. Он исходил из иллюминатора, обращенного к храму, – вода за ним флуоресцировала. Во мне вновь пробудилось любопытство, так как я знал, что ни один глубоководный организм не способен испускать подобное свечение. Перед тем как я смог изучить это явление, случилось нечто, заставившее меня усомниться в том, верно ли мне служат мои чувства. Это была слуховая галлюцинация: ритмический, мелодический гимн достигал моих ушей сквозь полностью звуконепроницаемый корпус U-29, словно снаружи пел дикий, но прекрасный хор голосов. Убедившись в собственной ненормальности и том, что нервы мои сдали, я зажег спичку и принял большую дозу бромида натрия, благодаря которому я успокоился, и иллюзия пения развеялась. Но свечение никуда не делось, и я с трудом подавил ребяческое желание подойти к иллюминатору, чтобы увидеть его источник. Оно выглядело совершенно реальным, и с его помощью я вскоре смог различать знакомые предметы, окружавшие меня, как и пустой флакон бромида натрия, хоть я и не знал, куда поставил его. Последнее обстоятельство меня озадачило, и я пересек отсек, коснувшись стекла. Оно было на том же самом месте, где я его видел. Мне стало ясно, что свет был частью галлюцинации столь сильной, что не было надежды на то, что я смогу с ней бороться, и, не сопротивляясь ей, я отправился в рубку, чтобы найти источник свечения. Быть может, это другая подводная лодка, а с ней – шанс на спасение?

Будет хорошо, если читатель не сочтет все последующее правдой, так как последующие события попирают законы природы, а следовательно, являются вымышленным плодом моего истощенного ума. Поднявшись в рубку, я увидел, что воды вокруг освещены куда слабее, чем я предполагал. Поблизости не было ни флуоресцирующих животных, ни водорослей, и спускавшийся к реке город тонул в непроглядной черноте. То, что я увидел потом, не было ни впечатляющим, ни ужасным и не испугало меня, хоть я и потерял последнюю надежду на сохранность своего рассудка. *Дверь и окна высеченного в скале храма испускали яркие лучи, словно где-то там, в глубине, сияло могучее пламя алтаря.*

Все последующие события хаотичны. Пока я смотрел на сверхъестественный свет, исходящий из двери и окон храма, меня начали одолевать причудливые видения – настолько сумасбродные, что я не знаю, с чем их связать. Мне чудилось, что я различаю некие объекты в храме, одни из них двигались, другие нет; и снова мне слышался тот гимн, что звучал после моего пробуждения. Меня кружило в водовороте ужасных мыслей, в самом центре которого был утонувший юноша и лицо из слоновой кости, точь-в-точь такое же, как на фризях и колоннах стоявшего передо мной храма. Я думал о несчастном Кленце, о том, где покоилось его тело вместе с образом, что он унес с собой в море. Он силился о чем-то меня предупредить, но я не внял ему, ведь он был недалеким рейнландцем и сошел с ума от того, что любой пруссак перенесет с легкостью.

Дальше все просто. Мой порыв отправиться в храм стал необъяснимым, властным приказом, которому невозможно не подчиниться. Мои действия больше не подконтрольны моей германской воле – с ее помощью я способен выполнять лишь простые действия. Безумие, овла-

девшее Кленце, было столь сильным, что он отправился в океан безо всякой защиты, но я родился в Пруссии, и здравый смысл все еще не покинул меня, и воспользуюсь тем немногим снаряжением, что еще функционирует. Когда я понял, что должен идти, я подготовил мой водолазный скафандр, шлем, регенератор воздуха, чтобы без промедления воспользоваться ими, и поспешно взялся за составление хроники событий, надеясь, что однажды она увидит свет. Я запечатаю рукопись в бутылке и вверю ее водам океана, так как навсегда покидаю борт U-29.

Во мне нет страха, невзирая на все, о чем вещал безумец Кленце. То, что я видел, не может быть правдой, и я знаю, что мой помутившийся разум угаснет, когда закончится кислород. Свет в храме – явная иллюзия, и я умру спокойно, как германец, в этих черных, забытых глубинах. Демонический хохот, достигающий моего слуха, пока я пишу, является плодом моего слабеющего мозга. Я с должным тщанием облачусь в скафандр и храбро взойду по ступеням к этому первобытному святилищу, безмолвной тайне неизмеримых глубин и бесчисленных лет.

1920

Дагон

Я пишу в необычном душевном состоянии, потому что вечером меня не станет. Без гроша в кармане, без лекарства, которое только и может делать мое существование сносным, я не могу терпеть пытку жизнью и выпрыгну из окна на убогую улицу. Не считайте меня слабовольным или дегенеративным из-за моей зависимости от морфия. Когда вы прочитаете эти наспех написанные страницы, то, наверное, поймете, хотя вряд ли поймете до конца, почему произошло так, что я должен или забыться, или умереть.

Это случилось в одном из самых необъятных и редко посещаемых участков Тихого океана. Пакетбот, на котором я был вторым помощником капитана, стал жертвой немецкого рейдера. Война только начиналась, и морские силы гуннов еще не совсем деградировали, так что наше судно стало их законным трофеем, а мы, то есть команда, – пленниками, к которым относились со всевозможным вниманием и уважением. Наши захватчики оказались столь беззаботны, что не прошло и пяти дней, как мне удалось ускользнуть на маленькой шлюпке с достаточным запасом пищи и воды.

Когда я остался один в открытом море, то имел весьма смутное представление о том, где нахожусь. Навигатор из меня неважный, поэтому по солнцу и по звездам я лишь приблизительно определил свое местоположение чуть южнее экватора. О долготе я не знал ничего, и в поле моего зрения не было ни одного острова, не говоря уж о материке. Погода стояла хорошая, и не помню, сколько дней я плыл без всякой цели под обжигающим солнцем в ожидании увидеть какой-нибудь корабль или обитаемую землю. Однако ни корабля, ни земли не было, и я начал впадать в отчаяние от своего одиночества в бескрайней синеве.

Перемена наступила, пока я спал, и мне никогда не узнать, как все было, потому что мой беспокойный, тревожимый кошмарами сон оказался долгим. Когда же я наконец проснулся, то обнаружил, что тону в вязком черном болоте, которое, как исчадие ада, раскинулось, сколько хватало глаз, а моя лодка неподвижно застыла довольно далеко от меня.

Нетрудно представить, как я должен был изумиться такой чудовищной и неожиданной перемене пейзажа, но на самом деле я больше испугался, чем удивился, потому что и в воздухе, и в гнили я чувствовал нечто зловещее, от чего у меня стыла кровь в жилах. Кругом все было усеяно костями разложившихся рыб и другими менее годными для описания предметами, которые торчали из отвратительной бескрайней слякоти. Нечего и надеяться, что мне удастся словами передать неопишуемую бесплодную неохватную мерзость, существовавшую в абсолютной тишине. Я ничего не слышал и ничего не видел, кроме черного липкого ила, и этот тихий однородный пейзаж подавлял меня, внушая тошнотворный страх.

Солнце ослепительно сверкало в небе, которое показалось мне почти черным в своей безоблачной жестокости, словно оно отражало чернильное болото у меня под ногами. Когда я вполз в лодку, то сообразил, что только одна теория может объяснить мое тогдашнее положение. Благодаря какому-то беспрецедентному вулканическому извержению дно океана поднялось наверх, выставив напоказ то, что миллионы лет было скрыто в его бездонных глубинах. Причем поднялось оно основательно, так как я не слышал ни малейшего движения волн, сколько ни напрягал слух. Не было здесь и морских охотников, охочих до падали.

Несколько часов, пока солнце медленно пересекало небо, я, размышляя таким образом, провел в лодке, которая лежала на боку и давала немного тени. Понемногу грязь подсыхала и в недалеком будущем должна была стать вполне проходимой. Ночью я спал, но мало, а на другой день приготовил что-то вроде мешка для пищи и воды и стал ждать, когда можно будет начать поиски пропавшего моря и возможного спасения.

На третье утро земля совсем высохла. От рыб стояла ужасающая вонь, однако мои мысли были заняты куда более серьезными вещами, чтобы обращать на это внимание, и я смело отпра-

вился к неведомой цели. Весь день я упорно двигался на запад в направлении довольно высокого холма вдалеке, который был выше остальных в этой пустыне. Ночью я отдыхал, а утром опять шел в направлении холма, хотя он почти не приблизился со вчерашнего дня. На четвертый вечер я был у его подножия, и он оказался куда выше, чем можно было предположить изначально. От меня его отделяла долина, из-за которой он еще резче контрастировал с остальным пейзажем. Слишком усталый, чтобы лезть наверх, я заснул в его тени.

Не знаю, почему в ту ночь меня мучили жуткие сны, но вскоре над оставшейся на востоке равниной встала ущербная и на удивление выпуклая луна, и, проснувшись в холодном поту, я решил больше не спать. Посетившие меня кошмары были такие, что у меня не появилось желания вновь их увидеть. В свете луны я понял, как неразумно поступал, путешествуя днем. Мои переходы стоили бы мне меньшего труда в отсутствие обжигающего солнца, к тому же я вдруг ощутил в себе силы подняться на вершину, испугавшую меня на закате дня, и, подобрав мешок, двинулся в путь.

Я уже говорил, что монотонный холмистый пейзаж внушал мне непонятный ужас, однако, насколько я помню, он стал еще сильнее, когда я залез на вершину и заглянул в бездонную яму или каньон с другой стороны горы, черные глубины которого луна была не в силах одолеть. Мне показалось, что я стою на краю земли и заглядываю в непостижимый хаос вечной ночи. Забавно, но мне вспомнился «Потерянный рай» и как Сатана карабкается там по ночным кручам.

Луна поднималась все выше, и привидевшаяся мне крутизна уже меня не пугала. Там было вполне достаточно уступов, чтобы обеспечить безопасный спуск, а через пару сотен футов склон вообще стал совершенно пологим. Побуждаемый непонятными даже мне самому мотивами, я не без труда спустился со скалы и заглянул в стигийские глубины, куда не достигал свет.

Почти сразу мое внимание привлекло нечто на противоположном крутом склоне примерно в сотне футов от меня. Этот одинокий и довольно большой предмет светил белым светом в лучах восходящей луны. Я постарался уверить себя, что вижу обыкновенный, хотя и очень большой, камень, однако сразу и отчетливо осознал – и сам он, и его положение на склоне горы дело рук не одной природы. Более пристальный осмотр наполнил меня чувствами, которые я не могу описать, ибо, несмотря на исполинские размеры и пребывание в пропасти на морском дне с тех самых времен, когда мир был еще молод, камень, вне всякого сомнения, представлял собой отличной формы монолит, который познал на себе искусство и, может быть, поклонение живых и мыслящих существ.

Одновременно испуганный и взволнованный, как это бывает с учеными или археологами, я более пристально взгляделся в то, что меня окружало. Приблизившаяся к зениту луна таинственно и ярко светила над высокими кручами, которые были окружены глубокой расселиной, подтверждая тот факт, что основная масса воды находилась в глубине и, растекаясь в разных направлениях, едва не лизала мои ноги. С другой стороны расселины волны омывали подножие циклопического монолита, на поверхности которого я уже разглядел надписи и грубые скульптуры. Надписи были сделаны незнакомыми и не похожими ни на какие виденные мною в книгах иероглифами, в основном состоявшими из обыкновенных водных символов – рыб, угрей, спрутов, раков, моллюсков, китов и всего остального в том же роде. Несколько символов представляли неизвестные современному миру морские формы, которые я уже видел на поднятом со дна иле.

Резьба поразила меня красотой и необычностью. По другую сторону разделяющих нас вод я отлично видел очень большие барельефы, которые непременно вызвали бы зависть Доре. Думаю, они изображали человека, по крайней мере подобие человека, хотя эти существа резвились, как рыбы в каком-то морском гроте, или молились на монолитное святилище тоже глубоко под водой. Я не смею подробно описывать их лица и тела, потому что от одного лишь воспоминания едва не лишаюсь чувств. Придумать такое было бы не под силу даже По и Бул-

веру. Общим обликом они чертовски походили на людей, несмотря на перепончатые руки и ноги, невероятно большие и мягкие губы, стеклоподобные выпученные глаза и другие черты, менее приятные для воспоминаний. Довольно странно, что они были изображены непропорционально своему фону и окружению, например, в одной из сцен это существо убивало кита, который был совсем ненамного больше его. Я обратил внимание, как я уже сказал, и на их фантастичность, и на их огромность и вскоре решил, что вижу воображаемых богов одного из примитивных приморских племен, последний представитель которого сгинул задолго, за много веков до появления неандертальца. Пораженный этим неожиданным проникновением в прошлое, которое недоступно даже самому смелому антропологу, я пребывал в смятении, а луна тем временем высвечивала для меня странные изображения.

Неожиданно я увидел его. Слегка вспенив воду, оно поднялось над ее темной поверхностью прямо передо мной. Огромное, словно Полифем, отвратительное, громадное чудовище из кошмарного сна метнулось к монолиту, обвило его гигантскими чешуйчатыми руками и, опустив голову, дало волю каким-то непонятным словам. Мне показалось, что я схожу с ума.

Почти не помню, как я спускался с горы и как бежал обратно к лодке. Кажется, я много пел и смеялся, когда уже не мог петь. Смутно вспоминаю довольно сильный шторм, который начался вскоре после того, как я возвратился к лодке, по крайней мере я уверен, что слышал раскаты грома и все остальное, чем природа выражает свою ярость.

Разум вернулся ко мне в больнице в Сан-Франциско, куда меня доставил капитан американского корабля, заметивший посреди океана одинокую лодку. В бреду я много разговаривал, однако на мои слова почти не обращали внимания. Ни о каком извержении в Тихом океане мои спасители ничего не знали, а я не видел смысла настаивать на том, во что они все равно не смогли бы поверить. Однажды я разыскал известного этнографа и напугал его необычными вопросами о старинной легенде филистимлян, в которой рассказывается о Дагоне, боге-рыбе, но вскоре я понял, что он безнадежно нормальный человек, и оставил его в покое.

По ночам, особенно когда светит ущербная и выпуклая луна, он постоянно является мне. Я попробовал морфий. Наркотик подарил мне временное облегчение, зато теперь я его вечный и отчаявшийся раб.

Пришла пора покончить с этим, тем более что я написал подробный отчет о происшедшем для ознакомления или развлечения моих приятелей. Часто я спрашиваю себя, а не было ли все это чистейшей фантазмагорией – лихорадочным бредом бежавшего из немецкого плена и перегревшегося на солнце человека? Так я спрашиваю себя, и тогда ко мне приходит отвратительное видение. Без содрогания я не могу даже думать о море, так как тотчас вспоминаю безымянных существ, которые, возможно, в это время ползают и барахтаются в вязком болоте, поклоняются древним каменным идолам или вырезают свои отвратительные подобию на подводных обелисках из мокрого гранита. Я вижу в снах тот день, когда они восстанут из глубин и утащат в своих вонючих когтях остатки хилого, изможденного войной человечества. Я вижу в снах тот день, когда земля утонет, а черное дно океана и адское подземелье окажутся наверху.

Конец близок. Снаружи слышен шум, словно в дверь бьется большое и необычно скользкое существо. Ему меня не достать. Боже, *рука!*

Окно! Окно!

1919

Безымянный город

Приближаясь к безымянному городу, я ощущал проклятие, тяготевшее над ним. Путь вел меня через выжженную долину, полную ужасов, и в свете луны я увидел, как зловеще он вздымался над песками, словно труп, наспех присыпанный землей. Страхом сочились обветшалые, вековечные стены этого свидетеля потопа и пращура старейшей из пирамид, и незримая аура толкала меня прочь, призывая отступить от древних и гибельных тайн, которые не дозволено видеть смертным и завесу которых ни один из них не отважился приподнять.

В отдаленной части Аравийской пустыни лежит этот город без имени, рассыпаясь в прах, и молчат его стены, почти скрытые песками бесчисленных веков. Он был здесь еще до того, как заложили Мемфис, до того, как в печах обжигали кирпичи Вавилона. Нет легенды столь древней, что сохранила бы его настоящее имя, неоткуда узнать, кипела ли в нем жизнь, но чей-то шепот у ночного костра, бормотание старух в шатрах шейхов могли поведать, что ни одно из племен пустыни не смело приблизиться к нему, и никто не знал почему. Этот город видел во сне поэт-безумец, Абдул Альхазред, прежде чем сложил загадочные строки:

Не мертво то, что в вечности покой
Сумело обрести, со сменой эпох поправши саму смерть.

Мне следовало бы догадаться, что арабы не зря сторонятся этого места, живущего в преданиях, но не виденного никем из живущих, но я, отринув все предрассудки, пустился к цели неторной дорогой, оседлав верблюда. Лишь я один узрел его, лишь на моем лице отпечатался весь ужас, что открылся мне, и меня одного бросает в дрожь, едва ночной ветер стучится в окно. Приблизившись к нему, я ощутил его взгляд из пугающих глубин бесконечного сна, лучом луны оледенивший мое сердце в этой жаркой пустыне. Окинув его взглядом, я позабыл о всякой радости, свойственной первооткрывателю, и спешил с верблюда, решив войти в город на заре.

Тянулись часы, наконец небо на востоке посерело, поблекли звезды, и горизонт зарозовел, зазолотился. Завыл ветер, взметнув песок над древними камнями, хотя на небе не было ни облака, и бескрайние дюны были бестревожны. Внезапно над краем пустыни вознеслось слепящее солнце, видневшееся сквозь песчаную бурю, уносившуюся за горизонт, и я, дрожа, словно объятый лихорадкой, услышал мелодичный лязг металла из далеких глубин, приветствовавший огненный диск, как колоссы Мемнона с берегов Нила. В ушах звенело, и в смятении, охватившем меня, я медленно правил верблюдом сквозь пески, приближаясь к безмолвному городу, который из всех живущих видел лишь я один.

Скитаясь меж бесформенных руин, я не мог отыскать ни единого барельефа, ни одной надписи, что поведала бы мне о людях – людях ли? – что возвели эти стены и жили здесь так давно. Мне становилось не по себе от того, насколько древним было все вокруг, и я тщился обнаружить хоть какой-то признак того, что город действительно был создан силами людей. Сами пропорции зданий, черты их вселяли в меня тревогу. Я взял с собой немало инструментов и принялся за раскопки, но продвигался крайне медленно, не обнаружив ничего стоящего. Когда спустилась ночь и взошла луна, я ощутил дуновение ледяного ветра, и страх погнал меня прочь из развалин. Когда я покидал пределы древних стен, песчаный вихрь забурился за моими плечами, танцуя на серых камнях, хотя пустыня вокруг была спокойной, и сияла луна.

Вереница кошмарных снов мучила меня до самого пробуждения, когда на заре я вновь услышал тот металлический звук. Я увидел, как лучи красного солнца пронизали песчаный вихрь, рассеявшийся над стенами города, заметив, что пустыня вокруг была по-прежнему спокойна. Снова я отправился к руинам, мрачно гнездившимся среди песка, словно вели-

кан-людоед в укывище, и снова мои поиски реликвий забытой расы не принесли плода. В полдень я прекратил раскопки, а затем принялся отмечать направления стен и улиц, очертания исчезнувших зданий. Некогда город этот был в самом деле велик, и я гадал о природе подобного величия. Воображение мое создавало картины времен, что изгладились даже из памяти халдеев, я вспоминал Проклятый Сарнат в земле Мнар на заре человечества, вспоминал Иб, высеченный из серого камня до прихода людей.

В своих исканиях я с радостью обнаружил место, где каменное ложе подобием скалы возносилось над песком, обещая мне доступ к тайнам допотопной расы. На возвышении этом я безошибочно различал приземистые каменные дома или сооружения культа, залы которых еще могли хранить следы бесследно минувших эпох, когда все, что когда-то украшало стены снаружи, исчезло под натиском песка и ветров.

Слишком узки, почти скрыты песками были темные провалы рядом со мной, но мне удалось расчистить один из них при помощи заступа и протиснуться в него, освещая путь к ожидавшим меня тайнам при помощи факела. Оказавшись внутри, я понял, что здание, куда я проник, было храмом, и стены его носили знаки, оставленные расой, населявшей город до того, как пустыня стала пустыней. Здесь были примитивные алтари, колонны и ниши, все необычно низкие, и хоть я не заметил ни скульптур, ни фресок, множество камней помечали символы, высеченные чьей-то рукой. Потолок был настолько низким, что я с трудом стоял на коленях, но зал был настолько большим, что свет моего факела не достигал его края. Добравшись до отдаленных уголков его, я содрогнулся: некоторые из алтарей и символов намекали на позабытые, отвратительные, необъяснимые ритуалы, и я задумывался о природе людей, создавших этот храм и проводивших их. Осмотрев все помещение, я выполз наружу, воодушевленный тем, что могли скрывать другие подобные храмы.

Близилась ночь, но увиденное пробудило во мне любопытство, пересилившее страх, и я не бежал от длинных теней, смутивших мой разум в свете луны, когда я впервые увидел безымянный город. В сумерках я расчистил другой завал, и с новым факелом пробрался внутрь, вновь увидев неясные символы на камнях, мало чем отличавшиеся от тех, что я видел в предыдущем храме. Зала была столь же низкой, но намного меньше, и заканчивалась очень узким проходом, уставленным загадочными алтарями. Я осматривал их, когда вой ветра и крик верблюда снаружи нарушили тишину, понудив разузнать, что могло испугать животное.

Ярким лунным светом были залиты руины безыскусных строений и плотное облако песка, взметнувшееся с порывистым, но уже ослабевавшим ветром над одним из холмов передо мной. Я знал, что верблюда встревожил этот холодный ветер, и хотел уже увести его в укрытие, когда заметил, что ветер над холмом вдруг совершенно стих. Это поразило и испугало меня, но я немедленно вспомнил о столь же внезапно возникавших песчаных бурях, увиденных мной на восходе, заключив, что для здешних мест это обыденное явление. Я решил, что ветер дул из расщелины, что вела в пещеру, и осмотрел песок, чтобы проследить его направление, определив, что он исходил из храма к югу от меня, едва различимого. Я побрел к нему, сражаясь с песчаным ветром, и он становился все ближе, возвышаясь над окружающими строениями, а вход в него был не так сильно занесен спекшимся песком. Сразу войти я не сумел – ледяной ветер необычайной силы едва не погасил мой факел. Этот загадочный поток все струился наружу, яростным дыханием взметая песок, разбрасывая его над причудливыми руинами. Вскоре он ослаб, и песок осыпался, и вновь настала тишина, но что-то таилось меж призрачных камней, и когда я взглянул на луну, казалось, она трепетала, словно в отражении встревоженных вод. Беспричинный страх овладел мной, но жажда знаний была сильнее, и едва утих ветер, я устремился навстречу породившей его черной расщелине.

Снаружи этот храм выглядел больше всех, что я уже обыскал, вероятно, он был высечен в пещере, раз вход в него нес ветер из подземных глубин. Здесь я мог стоять в полный рост, но жертвенники и алтари были все такими же низкими. На стенах и под потолком я впервые

увидел следы изобразительного искусства древней расы, причудливо выющиеся мазки, почти истершиеся в прах, а на двух алтарях со все нарастающим волнением обнаружил прихотливо сплетенный резной узор. В свете моего факела крыша имела слишком правильный вид, вряд ли природа ее была естественной, и я дивился искусству доисторических камнетесов. Их мастерство было неоспоримо.

Следующая яркая вспышка моего чудесного путеводного огня указала мне столь желанный путь в исторгавшие ветер глубины, и я предательски ослаб, увидев, что то была рукотворная дверь, врезанная в скалу. Я осветил себе путь, уводивший вниз по крохотным, крутым ступеням. Они всегда являются мне в моих снах, эти ступени – я постиг их назначение. Тогда они даже не казались мне ступенями – лишь слабой опорой для ног на крутом спуске. Мой разум одолевала безумные мысли, слова и предостережения арабских прорицателей будто бы неслись над пустыней из ведомых людям земель в землю, на которую никто из них не осмеливался ступить. Всего лишь миг, и сомнения мои отступили, и я, миновав портал, начал осторожно спускаться по крутым ступеням лестницы.

Только в ужасных наркотических грезах или умопомрачении мог кому-либо привидеться подобный спуск. Узкий проход, которому не было конца, вел меня вниз, словно на дно ужасного призрачного колодца, и свет факела над моей головой не достигал глубин, навстречу которым я шел. Я потерял счет времени, забыв свериться с часами, и ужаснулся, осознав, сколь долгим был мой спуск. Ступени меняли направление и крутизну, наконец я достиг узкого прямого прохода, держа факел над головой и ощупывая камни пола ступнями. Здесь нельзя было встать даже на колени. Затем я снова почувствовал крутизну бесчисленных ступеней под ногами, когда слабеющее пламя моего факела наконец угасло. Когда я заметил это, я все еще держал его над головой, как если бы он все еще горел. Мне не давал покоя инстинкт искателя необычного и неизвестного, тот, что заставил меня скитаться по земле, в ее далеких, древних, запретных уголках.

Во тьме мне виделись фрагменты желанного сокровища, дьявольского знания, изречения безумного араба Альхазреда, вселяющие ужас апокрифические сочинения Дамаския, печально известные строки из немыслимого «Образа Мира» Готье де Меца. Я вновь и вновь цитировал их, бормоча об Афрасиабе и демонах, плывших с ним по течению Окса, вновь и вновь нараспев читал одну и ту же строчку из лорда Дансени: «Безответная чернота бездны». Когда спуск стал почти что отвесным, я начал напевать что-то из Томаса Мора, пока не устрасился собственных слов:

О бездна черных волн, о мрак,
 Что полнится, как ведьмы варевом,
 Полночным зельем в лунном зареве,
 Склонясь над ней, искал для переправы сил,
 На самом горизонте мглы я зрил
 Блестящий, будто из стекла, причал,
 Вознесшийся над пеленою вод,
 Там смертный трон, покрытый скверной, тьму венчал,
 Исторгнут бездной, нечестивый плод.

Казалось, время перестало существовать, когда под ногами я вновь ощутил ровный пол, оказавшись в помещении, где потолок был чуть выше, чем в двух храмах где-то невообразимо далеко наверху. Стоять в полный рост я не мог, лишь ползти на коленях, и так, окруженный тьмой, я двигался неизвестно куда. Скоро я понял, что попал в узкий проход, в нишах стен которого стояли ящики из полированного дерева и стекла. Эти находки в подобном месте эпохи палеозоя вселяли ужас, и я содрогнулся. Ящики эти были горизонтально расставлены с

равными промежутками, имели продолговатую форму, и омерзительным образом походили на гробы. Пытаясь сдвинуть два-три из них с места, чтобы осмотреть тщательнее, я обнаружил, что они надежно закреплены.

Проход казался длинным, и я устремился вперед, и то, как я двигался во мраке, ужаснуло бы любого наблюдателя: ползком, от стены к стене, ощупывая их и эти ящики, чтобы убедиться, что я держусь намеченного пути. Я уже привык ориентироваться при помощи осязания, почти забыв о тьме вокруг, и чувства рисовали мне бесконечный ряд из дерева и стекла так живо, как если бы я видел его. А затем, в единый миг смятения, я увидел.

Не могу сказать, когда мои видения слились с реальностью, но я приближался к источнику неведомого подземного свечения и различал смутные очертания прохода и ящиков. Все выглядело так, как я и представлял, пока свечение было слабым, но стоило ему усилиться, как я понял, насколько слабым было мое воображение. Зала эта была не грубым реликварием прошлого, как храмы там, наверху, но памятником неопишуемой, необычайной искусности. Насыщенные, словно живые, фантастически смелые узоры и картины сплетались в сеть настенной росписи, которую нельзя было описать словами. Ящики из необычного золотистого дерева с крышками прозрачайшего стекла заключали в себе мумифицированных существ, чей облик превосходил самые безумные видения.

Доподлинно передать то, как выглядели эти твари, невозможно. Они походили на ящеров, и в то же время в очертаниях тел угадывалось и что-то от крокодилов, что-то тюлень, и то, с чем не приходилось встречаться ни одному из палеонтологов. Размерами они приближались к человеку небольшого роста, конечности венчали подобия ступней с подобными человеческим пальцами. Но причудливей всего были их головы, нарушавшие все известные законы природы. Сравнить их было не с чем – в один миг я вспомнил черепа кошек, лягушек, мифических сатиров и людские. У самого Зевса не было такого колоссального, мощного лба, а рога, отсутствие носа и челюсти аллигатора ставили их обладателей вне всяческих классификаций. Я некоторое время сомневался в подлинности мумий, подозревая, что то были искусно сделанные идола, но вскоре решил, что это в самом деле некий вид эпохи палеогена, когда в городе еще теплилась жизнь. Их нелепый облик еще сильнее подчеркивали дорогие одежды на некоторых телах, затейливо украшенные золотом, камнями и неизвестными сверкающими металлами.

Эти пресмыкающиеся твари, должно быть, значили очень много для тех, кто сотворил эти ошеломляющие фрески и роспись на стенах и потолке. С непревзойденным мастерством художник отразил мир их городов и садов, где все было создано для их удобства, и я не мог отвязаться от мысли, что картины их жизни были аллегорией, иносказательно повествующей о развитии той расы, что поклонялась им. Я убеждал себя в том, что эти создания были для них тем же, чем волчица для римлян или тотемное животное для индейского племени.

Передо мной предстала поразительная история безымянного города, история могучей метрополии на морском берегу, владычествовавшей над миром до того, как из океанских вод поднялся Африканский континент, о времени невзгод, наставшем, когда море ушло и плодородная долина превратилась в пустыню. Я видел победоносные войны, поражения и бедствия и, наконец, ужасную борьбу с пустыней, когда тысячи жителей города, здесь изображенных в виде рептилий, были вынуждены невероятным образом пробиваться сквозь земную твердь навстречу новому миру, о котором гласили пророчества. Все это выглядело настолько же невероятно, насколько было правдоподобным, и несомненной была связь этой повести с моим умопомрачительным спуском в эти глубины. На фресках я частично узнавал проход, который преодолел.

Продолжая двигаться ползком навстречу свечению, я осматривал картины заката той эпохи – исход расы, что десять миллионов лет царила в безымянном городе и долине, расы, чей дух был надломлен, исторгнутый из той колыбели, что знали их тела, куда они пришли на заре земных лет, высекая в девственных скалах эти святыни, которые никогда не переставали

читать. Свет становился ярче, и теперь я мог пристально изучать фрески, памятуя о том, что эти немислимые рептилии изображали неизвестную расу людей, и подумать над обычаями тех, кто населял безымянный город. Многие казалось мне загадочным, необъяснимым. Цивилизация, владевшая письменной речью, достигла больших высот, нежели неизмеримо более поздние Египет и Халдея, но на полотнах ее жизни загадочным образом отсутствовали некоторые подробности. Я не мог найти ни сюжетов о смерти от естественных причин, ни о погребальных ритуалах, за исключением посвященных войнам, насилию и болезням, и не мог понять причины, стоявшей за подобными недомолвками. Видимо, взлелеянная идея иллюзорной вечной жизни служила вдохновением этим художникам прошлого.

Близился конец прохода, и попадавшиеся мне фрески становились все более насыщенными и изощренными, основываясь на контрасте меж опустевшим безымянным городом, превращавшимся в руины, и новой обетованной землей в подземных глубинах, к которой раса проложила этот путь. На них город в пустынной долине был залит лунным светом, над павшими стенами сиял ее золотой нимб, приоткрывая непревзойденное величие минувших времен, изображенное призрачным, ускользящим. Сцены новой, райской жизни, диковинность которых граничила с неправдоподобием, запечатлели потаенный мир вечного дня, чудесных городов, холмов и долин неземной красоты. Увидев последнюю фреску, я подумал, что искусство перестало служить ее создателю. В манере живописца сквозил недостаток мастерства, а то, что он запечатлел, было несравнимо даже с самыми невероятными из ранних работ. То была летопись упадка древнего народа, в своем изгнании ожесточившегося против верхнего мира. Телесный упадок людей, изображенных в виде священных рептилий, все нарастал, но дух их расы, витавший над пустынными руинами в свете луны, становился сильнее. Истощенные жрецы, представленные рептилиями в вычурных одеяниях, слали проклятия земному воздуху наверху и всем, кто им дышал, а одна из последних, чудовищных сцен изображала примитивного вида человека, быть может, выходца из древнего Ирема, Города Колонн, разорванного на части существами старшей расы. Я вспоминал, как боятся арабы безымянного города, и был рад тому, что на этом сюжете роспись на стенах и потолке оборвалась.

Наблюдая страницы истории на этих стенах, я почти добрался до конца этой залы с низким потолком и увидел ворота, из которых исходило свечение. Подобравшись еще ближе, я закричал от изумления – настолько ошеломительным было зрелище, открывшееся мне. Не освещенные залы лежали передо мной, нет, то была единая, бескрайняя сияющая бездна, подобная морю облаков в лучах солнца, что может открыться тому, кто покорил вершину Эвереста. За моей спиной остался проход столь тесный, что я едва мог передвигаться ползком, а впереди лежал необъятный подземный сверкающий океан.

Вниз в эту бездну вела еще одна крутая лестница, подобная тем, по которым я уже спускался, но на глубине в несколько футов я уже не мог ничего разглядеть за мерцающей дымкой. По левую руку от меня была массивная, необычайно толстая дверь из бронзы, украшенная фантастическими барельефами, закрыв которую можно было отрезать весь этот подземный мир света от склепов и проходов, проложенных в скале. Еще раз взглянув на ступени, я не отважился идти по ним дальше. Коснувшись двери, я не сдвинул ее и на волос. Тогда я опустился на каменный пол: смертельная усталость одолевала меня, но даже она не могла унять мой бурлящий ум, полный самых невероятных предположений.

Так я лежал, закрыв глаза, предоставленный собственным мыслям, и многое из увиденного на фресках обретало новый, ужасный смысл – сцены, изображавшие безымянный город в дни его славы, зелень долины вокруг, далекие земли, куда ходили с караванами его купцы. Аллегорические образы ползучих тварей не давали мне покоя, ведь их образы присутствовали на каждой из важнейших страниц истории, и я не мог понять почему. Безымянный город изображался так, словно был создан для рептилий. Я думал над тем, каковы были его настоящие размеры и как велик он был, и над загадками его руин, в которых побывал. Любопытным было

то, что и храмы, и их коридоры были настолько низкими, и, без сомнений, те, кто создал их, подобным образом чтили богоподобных пресмыкающихся, передвигаясь в них так же, как и рептилии. Видимо, самая суть религиозных отправлений состояла в этой имитации. Но ни одна из теорий не объясняла того, почему и проходы между залами были столь низкими, ведь там совершенно нельзя было выпрямиться. Страх вновь овладел мной, едва я вспомнил отвратительные мумии, что были совсем рядом. Разум порой рождает занятные ассоциации, и я задрожал при одной мысли о том, что помимо несчастного, разорванного на куски на той последней фреске, среди всех реликвий и следов доисторической эпохи лишь я один был человеком.

Но, по обыкновению, страх, гнездившийся в моем мятежном естестве, сменился любопытностью: сияющая бездна и то, что могло таиться в ней, было вызовом, достойным величайшего исследователя. Я не сомневался в том, что крутые ступени вели в мир загадок и тайн, и надеялся найти там памятники, созданные рукой человека, которые тщетно искал в темных проходах. Их стены украшали картины невероятных городов и долин здесь, в подземелье, и воображение уже рисовало мне картины колоссального великолепия руин, ожидавших там, внизу.

На самом деле боялся я не будущего, а прошлого. Даже все кошмары моего пути ползком среди мертвых рептилий и допотопных фресок, на глубине многих миль под известным мне миром, приведшего меня в иной мир, мир туманного, призрачного света, не могли сравниться со смертным ужасом, что внушал мне древний дух этого места. Древний столь неизмеримо, что, казалось, им пропитаны были эти камни, эти храмы безымянного города, свидетеля времен океанов и континентов, забытых человечеством, но невероятным образом сохранившихся на стенах, где порой мелькали смутно знакомые очертания. О том, что случилось со времен написания последнего из этих полотен, после краха презиравшей смерть расы, не мог поведать никто из людей. В этих кавернах и в сверкающей подо мной пучине некогда бурлила жизнь, теперь же я был один среди памятников прошлого, и я дрожал при мысли о том, сколько бесчисленных веков они несли здесь свою безмолвную стражу.

Внезапно я вновь был сражен вспышкой ужаса, подобного тому, что обьял меня при первом взгляде на смертную пустынную долину и безымянный город под холодной луной, и невзирая на изнеможение, я резко поднялся с пола, уставившись на черный туннель, уводивший наверх, к внешнему миру. Мной овладело то же предчувствие, как и в те ночи, когда я избегал городских стен, необъяснимое, не дававшее мне покоя. Мгновением позже я пережил еще большее потрясение, отчетливо услышав звук, нарушивший абсолютную, гробовую тишину, царившую в этих глубинах. Раздался стон, глубокий, гулкий, словно голос сонмища обреченных душ, исходивший оттуда, куда был устремлен мой взгляд. Он становился все громче, жутким эхом отзываясь в узких туннелях, и я ощутил нарастающий поток холодного воздуха, вероятно, струившегося из туннелей, что вели в город наверху. Его дуновение освежило меня, и я немедленно вспомнил о бурях, что поднимались над зевом подземной бездны, стоило солнцу закатиться или взойти над горизонтом, ведь именно этот ветер открыл мне тайну этих туннелей. Взглянув на часы, я понял, что близился рассвет, и приготовился выдержать ураганный натиск ветра, что стремился обратно, чтобы вечером вновь вырваться наружу. Страх мой припустился – явления природы развеяли мрачные мысли о неизведанном.

Все неистовее становился ночной ветер, струясь навстречу земным глубинам. Я пал ничком, вцепившись в дверь, из страха быть сметенным в сияющую бездну. Однако ветер был столь силен, что я и в самом деле мог сорваться в пропасть, и в воображении моем теснились все новые ужасные картины. Натиск разъяренной стихии порождал во мне неопишуемые чувства, и вновь я сравнивал себя с тем несчастным на страшной фреске, растерзанным в клочья неведомой расой, ведь в демоническом шквале, что терзал мое тело, словно когтями, я ощущал мстительный гнев, порожденный его бесплодными усилиями. Остатки рассудка покидали меня – я яростно кричал, и крик этот тонул в завываниях призраков бури. Я пытался ползти, проти-

виться убийственному течению, но безрезультатно – медленно и неотвратно я соскальзывал навстречу неизвестному. И вот уже разум мой сдался, и я, простершись ниц, вновь и вновь повторял загадочные строки безумца Альхазреда, кому город без имени являлся в кошмарах:

Не мертво то, что в вечности покой
Сумело обрести, со сменой эпох поправши саму смерть.

Одним лишь неумолимым, зловещим богам пустыни ведомо, что на самом деле случилось тогда, в минуты моей неопишуемой борьбы во тьме, какая преисподняя исторгла меня назад, в мир живых, где я никогда не смогу забыть, дрожа на ночном ветру, пока не уйду в забвение, или меня не поглотит нечто более ужасное. Чудовищным, невозможным, невероятным было то, что я видел, – неподвластным человеческому рассудку, разве лишь в самые черные, предрассветные часы бессонных ночей.

Я упомянул, что сила ветра была поистине адской, демонической, и в его отвратительном вое слышалась вся нескрываемая злоба времен, что канули в небытие. Этот хаотический сонм голосов в бесформенном потоке, бурлившем передо мной, мой пульсирующий мозг превращал в членораздельную речь, что звучала уже за моей спиной, и в той неизмеримо глубокой могиле, где бессчетные века покоились эти реликты, вне мира живых, где занималась заря, я услышал ужасные проклятия и нечеловеческий рык тварей. Обернувшись, над светящейся призрачной бездной я увидел силуэты, неразличимые во тьме туннеля – стремительный поток кошмарных, дьявольских тварей во всеоружии, чьи морды искажала ненависть, бесплотных демонов, что могли принадлежать лишь к одной расе – рептилий безымянного города.

Когда утихла буря, меня швырнуло навстречу омерзительной тьме земного чрева – за последней из тварей с лязгом затворилась великая дверь из бронзы, и оглушительный грохот металла возносился все выше, приветствуя взошедшее солнце, словно колоссы Мемнона на нильских берегах.

1921

Праздник

*Efficiūt Daemones, ut quae non sunt, sic tamen quasi sint, conspicienda
hominibus exhibeant.*
Lactantius¹

Я оказался далеко от дома, на восточном побережье, и море меня зачаровало. В сумерках слышно было, как оно тяжело бьется о камни, и я знал, что оно скрыто от меня всего лишь одной горой, на которой причудливо извивались и корчились ивы на фоне проясняющегося неба с первыми вечерними звездами. Повинуясь воле моих предков, призвавших меня в расположенный у подножия горы старый город, я шел по одинокой, убранной первым снежком дороге туда, где Альдебаран сверкал между деревьями над самым древним городом, которого я еще ни разу не видел, но о котором часто мечтал.

Был канун праздника Юлтайд, и, хотя теперь его называют Рождеством, все в глубине души знают, что он старше Вифлеема и Вавилона, старше Мемфиса и вообще человечества. Приближался Юлтайд, и я наконец-то приехал в старый приморский город, в котором мои предки жили и праздновали запрещенный праздник, наказав своим сыновьям праздновать его раз в сто лет, чтобы не угасла память об их тайных знаниях. История моей семьи началась давно, гораздо раньше, чем те триста лет, когда была заселена здешняя земля. Да и странными были мои предки. Диковатые и малоразговорчивые, они явились из тихих южных садов, в которых росли орхидеи, и говорили на другом языке, прежде чем выучились языку голубоглазых рыбаков. Теперь мои родичи рассеяны, и их объединяют лишь таинственные обряды, которых они не понимают. Я единственный, исполняя завет, приехал в тот вечер в старый рыбацкий город, ибо помнят только бедные и одинокие.

В наступивших сумерках я увидел раскинувшийся у подножия горы зимний Кингспорт – заснеженный город с древними флюгерами и шпилями, с островерхими крышами и колпаками дымовых труб, с пристанями и мостами, с ивовыми деревьями и кладбищами, с нескончаемым лабиринтом крутых узких улочек и увенчанной церковью головокружительной горой посередине, на которую время не посмело посягнуть, с бесчисленными стоящими на разных уровнях и под разными углами, словно разбросанные детские кубики, домами в колониальном стиле. Над посеребренными зимой двускатными крышами парила на седых крыльях древность. Окошки над дверьми и небольшие окна на фасадах домов высвечивали в морозных сумерках цепочку до Ориона и других таких же исстари известных звезд. А там, где гнили пристани, тяжело билось о камни море, невидимое и вечное море, из которого в незапамятные времена вышли люди.

Возле дороги, где она круто шла вверх, неожиданно выросла куда более высокая гора – совершенно голая и даже не припорошенная снегом, и я увидел кладбище с черными надгробиями, вылезавшими, как привидения, из белого покрывала и похожими на гниющие ногти гигантского трупа. На дороге я не заметил никаких следов и не встретил ни одного человека, но иногда мне казалось, будто я слышу в порывах ветра далекий скрип виселицы. В 1692 году здесь казнили за колдовство четверых моих предков, но я не знаю, где именно.

Когда дорога вывела меня на склон горы, смотрящий на море, я ожидал услышать веселый вечерний гомон, но кругом царило безмолвие. Я подумал, что у здешних пуритан могут быть собственные рождественские обычаи и не исключено, что они теперь погружены в тихие молитвы. Итак, не слыша никаких доказательств предрождественского веселья и не видя ни

---

¹ «Силы зла могут заставить людей поверить в такие вещи, которых не существует в действительности». Лактанций (ок. 250 – ок. 320; римский философ и оратор, в 303 г. принявший христианство и подвергнутый за это гонениям).

одного человека, я продолжал путь мимо домов, из которых не доносилось ни звука, но в которых горел свет, мимо кирпичных оград, туда, где на безлюдных и немощеных улицах, скудно освещенных занавешенными окнами, поскрипывали на соленом морском ветру вывески старинных лавок и кабаков и поблескивали смешные дверные молотки.

Я видел карты города и знал, как выйти к дому моих предков. Мне говорили, что меня узнают и приветят, ведь деревенские обычаи долговечнее городских, и я торопливо шагал по Бэк-стрит к Серкл-корт, а потом по свежему нетронутому снежку на единственной уложенной камнем площади к Грин-лейн, где она сворачивает за рынок. Старые карты меня не подвели, хотя с троллейбусной линией в Аркхеме что-то напутали, потому что я не заметил над головой никаких проводов. Впрочем, снег все равно запорошил бы рельсы. Я был рад, что пошел пешком, потому что сверху заснеженный город выглядел удивительно красиво, а теперь мне еще не терпелось постучать в построенный до 1650 года дом моих предков со старинной двускатной крышей и выступающим верхним этажом – седьмой дом слева по Грин-лейн.

Когда я приблизился к нему, в ромбовидных окнах горел свет, и по их очертаниям я понял, что дом остался в точности таким, каким был в прежние времена. Верхний этаж нависал над узкой, поросшей травой улицей, почти соприкасаясь с верхним этажом дома напротив, так что я оказался почти что в туннеле, когда остановился возле каменного крылечка, на которое не падал снег. Тротуаров тут не было, и к входным дверям многих домов вели высокие, в два пролета лестницы с железными перилами. Для меня это было странное зрелище. Прежде я не бывал в Новой Англии и ничего подобного никогда не видел, но мне понравилось, и понравилось бы еще больше, если бы на снегу были следы, по улицам ходили люди и хоть на нескольких окнах не были опущены занавески.

Когда я стукнул в дверь старинным железным молотком, то почувствовал страх. Наверное, он уже копился во мне из-за непонятного моего наследства, из-за холодного вечера и из-за тишины в этом древнем городке со странными обычаями. Когда же на мой стук ответили, я совсем перепугался, потому что не слышал шагов перед тем, как дверь со скрипом отворилась. Но страх скоро прошел, такое у стоявшего в дверях старика в халате и шлепанцах было милое лицо. Показав мне знаком, что он немой, старик написал забавное старинное «добро пожаловать» на восковой дощечке, которую не забыл с собой прихватить.

Он провел меня в освещенную свечами комнату с низким потолком и массивными нависающими балками, уставленную темной мебелью семнадцатого столетия. Прошлое здесь было как живое, во всех своих подробностях. Я увидел пещерообразную печь и прятку, возле которой спиной ко мне сидела, согнувшись, старуха в огромной шали и чепце мешком и молча работала, несмотря на приближающийся праздник. В комнате почти неуловимо пахло сыростью, и я удивился, почему никому не приходит в голову разжечь огонь. Мне показалось, что кто-то сидит на скамье с высокой спинкой, поставленной слева против занавешенных окошек, хотя я не был в этом уверен. Увиденное мне не очень понравилось, и я вновь ощутил исчезнувший было страх, причем страх становился тем сильнее, чем дольше я всматривался в благостное лицо старика, поначалу успокоившее меня, а теперь ужасавшее своей благостью. Застывшие в неподвижности глаза и восковая кожа навели меня на мысль, что это и не лицо вовсе, а дьявольская маска. Тем временем слабые ручки, почему-то в перчатках, в самых милых выражениях писали на дощечке просьбу немного подождать, потому что пока еще не время идти на праздник.

Показав мне на кресло и на кучу книг, старик ушел, а я сел к столу, решив и вправду почитать, и увидел, что все книги старые и порченые временем. Среди них были давнее издание «Чудес науки» старика Морристера, чудовищный том «Saducismus Triumphatus» Джозефа Гланвиля, напечатанный в 1681 году, ужасная «Daemonolatreia» Ремигия, увидевшая свет в 1595 году в Лионе, и, самое страшное, никогда не упоминаемый «Necronomicon» безумного араба Абдула Альхазреда в запрещенном переводе на латынь Олаяуса Вормия. Эту книгу я

никогда в глаза не видел, но о ней шепотом рассказывали самые отвратительные вещи. Никто со мной не заговаривал, и я слышал только какой-то скрип с улицы и жужжание колеса, потому что молчавшая старуха в колпаке ни на мгновение не прерывала своей работы. И комната, и книги, и люди внушали мне болезненное беспокойство, однако легенды моих предков более или менее подготовили меня к необычным празднествам, поэтому я решил ждать. Итак, я взялся за чтение «Necronomicon» и скоро был совершенно поглощен проклятой книгой, мысль и содержание которой были слишком отвратительны для здравомыслящего человека и мне не нравились, как вдруг мне показалось, будто закрыли одно окно напротив скамьи, тайком распахнутое незадолго до этого. Но прежде я услышал жужжание, однако не жужжание старухиной прялки. Это продолжалось недолго. Старуха все так же, не отрываясь, пряла, старинные часы громко отбивали время, и я, забыв о людях на скамье, вновь погрузился в страшное чтение, как вдруг в комнату вошел старик в свободном старинном одеянии и уселся на скамье так, что я не мог его видеть. Ожидание становилось все более неприятным, и богохульная книга у меня в руках лишь усиливала мое волнение. Но вот пробило одиннадцать часов. Старик встал, скользнул к стоявшему в уголке массивному резному сундуку и достал из него два плаща с капюшонами. Один он надел сам, а другой накинул на старуху, покончившую наконец со своей бесконечной пряжей. Оба направились к входной двери. Старуха еле плелась да еще хромала, а старик, подхватив ту самую книгу, которую я читал, кивнул мне, натягивая капюшон на свое неподвижное лицо или маску.

Мы вышли в не освещенный лунной лабиринт старинных улочек, как раз когда один за другим гасли огни за занавешенными окнами и Сириус – Песья Звезда – злобно глядел на толпу закутанных в плащи людей, появляющихся из дверей и образующих чудовищные процессии. Они заполнили все улицы и медленно двигались мимо скрипящих вывесок и допотопных фронтонов, мимо соломенных крыш и ромбовидных окон, разделяясь на отдельные ручейки, когда попадали в узкие проходы между домами, и снова соединяясь в поток, заполняющий все пространство под нависающими верхними этажами ветхих домов и скользящий по площадям и церковным дворам в неверном свете фонарей, напоминавших жутковато-пьяные созвездия.

Я следовал в молчаливой толпе за моими немymi проводниками. Меня пихали локтями, которые казались мне непонятно мягкими, прижимали к ненормально податливым животам и грудям, но я не видел ни одного лица и не слышал ни одного слова. Вверх, вверх, вверх тянулись жутковатые колонны, и я заметил, что они сходятся в одной точке, сводя вместе все обезумевшие улицы на вершине самого высокого холма в центре города, где стояла большая белая церковь. Я обратил на нее внимание, когда в нарождающихся сумерках смотрел с горы на Кингспорт и содрогался, потому что Альдебаран, как мне показалось, несколько мгновений балансировал на вершине призрачного шпиля.

Возле церкви было много свободного пространства, половину которого занимал церковный двор с призрачными колоннами, а половину – мощеная площадь, порывами ветра почти полностью очищенная от снега и ограниченная угрюмой чередой старых домов с двускатными крышами и нависающими верхними этажами. Над могилами плясали огни смерти, освещающая отвратительную перспективу, в которой не было места теням. Из той части церковного двора, где дома не загромождали обзор, я увидел сверкание звезд над портом, хотя сам город был погружен во тьму. Правда, время от времени на какой-нибудь улочке зажигался фонарь и извилистым путем спешил к толпе, безмолвно исчезавшей в церкви. Я ждал, пока все скроются в черном проеме, включая опоздавших. Старик тянул меня за рукав, но я решил быть последним. Переступая порог переполненного храма, перед тем как оказаться в пугающе-неведомой тьме, я оглянулся на оставляемый мною мир, и в эту минуту фосфоресцирующий нездоровый свет с церковного двора осветил всю вершину. Я содрогнулся. Хотя сильный ветер смел почти весь снег, все же его немного осталось возле двери, но когда я посмотрел назад, то не увидел на нем ни одного следа, даже моих следов не было.

Внутри церковь была почти погружена во мрак, несмотря на зажженные фонари, ибо большая часть толпы, бесшумно пройдя между высокими скамьями, уже исчезла в люке, который отвратительно разинул пасть перед самой кафедрой проповедника. Я молча шел следом за всеми к стертым ступеням темного душного склепа. Извилистая очередь ночных ходоков была ужасна, но, когда я увидел, как они друг за другом исчезают в старинном склепе, она показалась мне еще ужаснее. Потом я обратил внимание, что лестница круто идет вниз, а мгновением позже сам вместе со всеми шагнул по зловещим ступеням из шершавого камня в сырость и непонятную вонь, и узкая винтовая лестница бесконечно вилась в глубь холма, оставляя позади мокрый камень и осыпающийся известняк. Спуск происходил в пугающей тишине, а немного погодя я заметил, что стены и лестница вроде бы стали другими, словно вырубленными в каменной глыбе. Но больше всего меня пугали бесшумные шаги множества ног и отсутствие даже самого тихого эха. Оказавшись еще ниже, я увидел боковые проходы или норы, которые выходили в нашу таинственную шахту из неведомой тьмы. Скоро их стало очень много, и подземные катакомбы начали вызывать у меня ощущение непонятной угрозы, тем более что едкий гнилой запах сделался почти непереносимым. Я понимал, что мы идем под горой и под Кингспортом, и содрогался от ужаса, осознавая, насколько город стар и сколько зла скопилось под ним.

Неожиданно появился слабый неверный свет, и я услышал коварный плеск не знающих солнца вод. Меня вновь охватила дрожь, ибо мне не нравилось все происходившее, и я горько пожалел о том, что мои предки позаботились известить меня о своем празднике. Когда лестница и шахта несколько расширились, я услышал новый звук, тоненький жалобный стон флейты, и передо мной раскинулся беспредельный простор подземного мира – необъятный ноздреватый берег, освещенный столпом бледно-зеленого пламени и омываемый широкой маслянистой рекой, которая поднималась из неведомой бездны, чтобы влиться в черные воды вечного океана.

Задыхаясь и почти теряя сознание, я смотрел на этот нечестивый Эреб гигантских поганок, лепрозоидный огонь и болотистый поток и видел, как люди в капюшонах встают полукругом возле огненной колонны. Вот он, Юлтайд, который старше человека и переживет человека, доисторический обряд, посвященный солнцестоянию и весне, побеждающей снег, обряд огня и вечной зелени, света и музыки. Он совершался в адском подземелье на моих глазах. Пришедшие кланялись большому пламени и бросали в воду горсти клейкого сока растений, сверкающего зеленью на зеленом свете. Я это видел и видел, как нечто бесформенное, расплывшееся в отдалении, беззвучно дует в рожок, но, когда оно дуло в него, мне казалось, я слышу приглушенное губительное хлопанье невидимых крыльев во враждебной мне и непроницаемой тьме. Но больше всего меня испугал выбрасываемый из немыслимых глубин, словно из жерла вулкана, огненный столб без тени, какая полагается здоровому пламени, покрывающий отвратительной ядовитой прозеленью азотистый камень. От этого огня не исходило тепло, наоборот, в нем был холод смерти и тления.

Старик, который привел меня, теперь стоял возле самого огненного столба и, повернувшись лицом к толпе, неуклюже изображал ритуальное действо. В определенные моменты все низко ему кланялись, особенно когда он поднимал над головой отвратительный «Necronomicon», и я тоже кланялся вместе со всеми, потому что меня призывали сюда мои предки. Потом старик подал знак едва заметному в темноте музыканту, и он сменил свое почти неслышное гудение на другое, тоже почти неслышное, но в ином ключе, отчего я неожиданно ощутил еще больший ужас и низко наклонился к покрытой лишаями земле, потеряв голову от страха, но не перед этим миром и не перед каким-либо другим, а перед безумными пространствами между звездами.

Из немыслимой тьмы позади гангренозного ледяного пламени, из адских бездн, по которым шел путь маслянистой реки, нежданно и неслышно явилась пляшущая орда покорных

дрессированных гибридных существ с крыльями, каких никогда не видел и даже не мог бы вообразить ни один нормальный человек. Это не были ни вороны, ни кроты, ни канюки, ни муравьи, ни любительницы крови – летучие мыши, ни изуродованные люди. Я не могу вспомнить, да и зачем? Хромая, шлепали они на перепончатых лапах, помогая себе такими же перепончатыми крыльями, и едва приблизились к празднующей толпе, как существа в плащах с капюшонами стали хватать их и громоздиться на них, и один за другим они скакали прочь по берегу неосвященной реки, исчезая в ужасных ямах и штольнях, где ядовитые ручьи вскармливали страшные запретные потоки.

Старуха, которая пряталась в доме, исчезла вместе с толпой, а старик остался, но только потому, что я отказался последовать за всеми, когда он показал мне на одно из крылатых существ. У меня подогнулись колени, стоило мне заметить, что музыкант исчез, зато рядом терпеливо ждут два зверя. Я отпрянул, и старик, достав стило и восковую дощечку, написал, что он представляет моих предков, которые в этих древних местах учредили культ Юла, что мне было назначено возвратиться сюда и что тайные обряды еще впереди. Все это он написал старинным письмом, а так как я еще медлил, то он достал из складок своего широкого одеяния перстень с печаткой и часы – и то и другое с фамильным гербом, – желая убедить меня в том, что он в самом деле тот, за кого себя выдает. Лучше бы он этого не делал, ибо известные мне семейные документы сообщали о часах, положенных в могилу моего прапрапрадедушки в 1698 году.

Тогда старик откинул капюшон и показал мне на фамильные черты своего лица, отчего я задрожал еще сильнее, так как не сомневался, что вижу дьявольскую восковую маску. Крылатые звери принялись нетерпеливо возить лапами по лишайнику, и, насколько я заметил, старик тоже стал проявлять нешуточное беспокойство. Когда же один из зверей двинулся было прочь, старик стремительно обернулся и схватил его, но с того, что было его лицом, слетела маска. И тогда, так как это чудовище из ночного кошмара загораживало каменную лестницу, по которой мы спустились в подземелье, я бросился в маслянистую адскую реку, которая, бурля, вливалась в море. Я бросился в гнилое варево подземных кошмаров прежде, чем мои истошные крики привлекли ко мне внимание скрытых в чумных водах черных легионов.

В больнице мне рассказали, что меня случайно заметили на рассвете в порту Кингспорта – полузамерзшего, но из последних сил цеплявшегося за доску, посланную мне счастливым случаем. Еще мне рассказали, что на развилке я свернул не в ту сторону и свалился с утеса в Орандж-Пойнт, о чем им стало известно из моих следов на снегу. Я не мог спорить, потому что утром все было не таким, как вечером. Все было не таким. В огромные окна я видел море крыш, и лишь одна из пяти сохранилась от прежних времен, а с улицы доносился шум троллейбусов и машин. Они утверждали, что я в Кингспорте, и я не мог им ничего возразить. Но когда, услышав, что больница расположена возле старой церкви на Центральном холме, я потерял сознание, меня перевезли в Аркхем в больницу Святой Марии, где мне могли обеспечить лучший уход. Здесь мне понравилось, потому что врачи оказались людьми терпимыми и с широкими взглядами и даже достали для меня из библиотеки Мискатоникского университета строго хранимую там книгу «Necronomicon» Абдула Альхазреда. Правда, они говорили об «остром психозе» и советовали мне выбросить из головы все беспокойные мысли.

Итак, я прочитал страшную главу, вдвойне содрогаясь, потому что не узнал из нее ничего нового. Я сам все видел, что бы ни говорили следы на снегу, но совсем забыл, где видел. И не было никого в часы моего бодрствования, кто бы мог напомнить мне, где я это видел, однако над моими снами властвует страх из-за слов, которые я не смею повторить. Тем не менее я стараюсь быть храбрым и процитирую здесь один-единственный параграф, в меру моих способностей переведенный мною на английский язык с весьма странной вульгарной латыни.

«Подземные каверны, – пишет сумасшедший араб, – существуют не для любопытных глаз, ибо их чудеса ужасны. Проклята та земля, на которой мертвые мысли живут в новых

воплощениях, и порочен тот разум, что не имеет головы. Мудро сказал Ибн Скакабао, что счастлива та могила, в которой не лежит колдун, и счастлив тот ночной город, в котором все колдуны обращены в прах. В старину говорили, что душа, купленная дьяволом, не спешит из кладбищенской глины, но кормит и учит червя, который ест, пока из гнили не появится ужасный росток жизни, пока бездумные мусорщики не навощат его искусно, чтобы рассердить, и не раздуют, чтобы раздражить. Огромные норы роют втайне там, где нужно быть земным порам и где научаются ходить те, кто должен ползать».

1925

Мгла над Инсмутом

I

Зимой 1927—28 гг. чиновники федерального правительства провели секретное расследование неких странных событий, произошедших в старом портовом городке Инсмут, в штате Массачусетс. Впервые известие об этом было предано огласке в феврале, после серии рейдов и арестов, за которыми последовала серия поджогов и взрывов — конечно, с соблюдением надлежащих предосторожностей — огромного числа обветшалых, полусгнивших и, как считалось, пустующих домов возле заброшенных пирсов. Нелюбопытные обыватели сочли эти облавы очередным эпизодом сумбурной войны с алкоголем². Те же, кто более пристально следил за новостями, однако, были поражены лавиной арестов, пугающей численностью вооруженных отрядов, брошенных производить эти аресты, и таинственностью дальнейшей судьбы арестованных. Никто потом не слышал ни о судебных процессах, ни даже о предъявлении кому-либо внятных обвинений, как никто из задержанных не был впоследствии замечен ни в одной из тюрем страны. Распространялись какие-то туманные сообщения об эпидемии и концентрационных лагерях, а позднее — о распределении арестованных по разным военно-морским и армейским тюрьмам, но ничего конкретного так и не выявилось. Сам же Инсмут практически обезлюдел и лишь с недавних пор стал подавать первые признаки медленного возрождения.

Негодующие выступления ряда либеральных организаций спровоцировали долгие кулуарные дискуссии, после чего представителей общественности пригласили посетить ряд неких лагерей и тюрем. И в итоге все эти общества удивительным образом быстро присмирели и затихли. С газетчиками же справиться оказалось куда труднее, но и они, похоже, в конце концов пошли на сотрудничество с властями. Лишь одна газета — таблоид, который никто не принимал во внимание по причине его безалаберной редакционной политики, — написала про глубоководную субмарину, якобы выпустившую несколько торпед по морскому дну близ Дьяволова рифа. Но это заявление, случайно подслушанное в популярной у местных моряков прибрежной таверне, представляется надуманным; ведь невысокий черный риф лежал аж в полутора милях от Инмутской гавани.

Жители округа и соседних городов судачили меж собой о странностях Инсмута, но с чужаками не откровенничали. Вообще же разговоры о вымирающем и почти опустевшем Инсмуте ходили на протяжении чуть ли не целого века, и вряд ли можно было сказать про него нечто еще более пугающее и фантастичное, чем то, о чем люди тихо шептались и нехотя вспоминали в недавние годы. Многие события прошлого приучили их к скрытности, так что выпытывать у них что-нибудь было бесполезно. Кроме того, они и впрямь мало что знали; ибо бескрайние солончаковые болота, мрачные и безлюдные, отпугивали обитателей окрестных городков от посещения Инсмута.

Но я наконец собираюсь приподнять завесу молчания над теми событиями. Ибо, уверен, дело это настолько важное, что если я хотя бы намеком упомяну о находках, столь ужаснувших участников инмутского расследования, от этого не будет никакого вреда, ну разве что вызовет у публики отвращение и шок. Кроме того, эти находки, вероятно, можно объяснить по-разному. Не знаю, в полном ли виде история Инсмута была рассказана даже мне, но у меня есть веские причины не углубляться во все детали. Ибо мой рассказчик был теснее связан с этим делом, чем иной обыватель, и его рассказ подтолкнул меня к выводам, которые еще вынудят меня радикально изменить мою жизнь...

---

² В эти годы в США действовал «сухой закон». — Здесь и далее примечания переводчика.

Ведь это я спешно покинул Инсмут ранним утром 16 июля 1927 года, и именно я обратился к правительственным чиновникам с призывом провести расследование и предпринять срочные меры в связи со всеми этими событиями. Я держал язык за зубами, пока события еще были свежи в памяти и не существовало внятного объяснения их подоплеку и природы; но теперь, когда это уже дело прошлое и интерес общественности к нему схлынул, меня гложет странное желание поведать о нескольких страшных часах, проведенных мной в печально известном и объятom мглой тайны морском порту, где поселились смерть и богомерзкое уродство. Этот рассказ поможет мне восстановить веру в здравомыслие и убедить себя, что не я один пал жертвой кошмарных галлюцинаций. Он также поможет мне решиться на некий ужасный шаг, который мне еще предстоит сделать...

Я никогда не слышал об Инсмуте до того самого дня, как я увидел его в первый – и пока что последний – раз в жизни. Я отмечал достижение совершеннолетия³ поездкой по Новой Англии, положив себе целью изучение местных достопримечательностей и древностей и моей родословной, и планировал отправиться из старинного Ньюберипорта напрямик в Аркхем, родовое гнездо моей матушки. Автомобиля у меня не было, и я путешествовал на поездах, автобусах и перекладных, всегда выбирая самый дешевый маршрут. В Ньюберипорте мне посоветовали добраться до Аркхема поездом на паровозной тяге, и только оказавшись у железнодорожной кассы и опешив от дороговизны билета, я впервые услышал об Инсмуте. Тучный, с пройдошливой ухмылкой, билетер, который, судя по его говору, не был уроженцем здешних мест, посочувствовал моей бережливости и дал совет, не пришедший в голову никому из тех, кто консультировал меня перед дорогой.

– Я б на вашем месте поехал туда на старом автобусе, – сказал он раздумчиво, – правда, его тут не больно жалуют – ведь он идет через Инсмут – а вы, наверно, уже слышали о нем, – вот люди и не любят на нем ездить. Автобусную линию держит инсмутский житель – Джо Сарджент, – но здесь, да и в Аркхеме, наверно, пассажиров у него кот наплакал. Странно, что этот автобус вообще еще остался. Билеты на него хоть и дешевые, но я ни разу не видел в нем больше двух-трех пассажиров – никто, кроме инсмутцев, им и не пользуется. Отходит от площади – остановка перед аптекой Хэммонда – в десять утра и в семь вечера, если только не поменяли расписание. С виду жалкий драндулет – я на нем ни разу не ездил...

Вот так я впервые узнал о существовании объятom мглой Инсмута. Меня бы непременно заинтересовало любое упоминание городка, отсутствующего на обычных картах или не помянутого в современных путеводителях, и странная манера билетера говорить об этом городке так уклончиво вызвала у меня естественное любопытство. Городок, к которому местные жители испытывают столь явную неприязнь, подумалось мне, должен быть по меньшей мере своеобразным и заслуживающим внимания туриста. И коль скоро он находился по дороге на Аркхем, мне захотелось непременно сделать там остановку, поэтому я попросил билетера рассказать о городке поподробнее. Он согласился весьма охотно и начал вещать, не скрывая пренебрежительного отношения к теме своего монолога.

– Инсмут? Ну что тут сказать... чудной, доложу вам, городишко в устье реки Мануксет. Раньше, еще до войны 1812 года, это был большой город с морским портом, да в последние сто лет все там разладилось, одни воспоминания остались от былого величия. Теперь даже железнодорожного сообщения с ним нет – Бостонско-Мэнскую ветку туда так и не дотянули, а местная ветка от Раули уже много лет как бурьяном поросла.

Я вам так скажу: пустых домов там сейчас больше, чем осталось жителей, которые, считай, ничем уже и не занимаются, окромя ловли рыбы да омаров. Теперь вся торговля процветает либо здесь у нас, либо в Аркхеме, либо в Ипсвиче. Когда-то там было несколько фабрик, а

---

³ В США совершеннолетием считается 21 год.

теперь ничего не осталось, кроме одного аффинажного заводишки, да и тот раскошегаривается раз в год по обещанию.

Одно время, правда, этот аффинажный завод был крупным предприятием, и старик Марш, его владелец, был побогаче Пирпонта Моргана. Тот еще старый гусь! Теперь вот сидит сиднем дома. Люди говорят, у него к старости то ли кожная болезнь развилась, то ли какая-то деформация костей выявилась, вот он на людях и перестал появляться. Он приходится внуком капитану Оубеду Маршу, который и начал заниматься очисткой золота. А мать его была вроде как иностранка – говорят, с островов Южных морей... Знали бы вы, как все тут возбухли, когда он женился на девушке из Ипсвича, пятьдесят лет тому. Тут у нас всегда возбужают по поводу инсмутцев, и здешние и те, кто из соседних городов, всегда стараются скрыть свое кровное родство с инсмутскими. Но по мне, дети и внуки Марша выглядят не ужаснее прочих. Мне местные на них пальцем указывали... Хотя ежели подумать, то его старшие дети чего-то давненько не появлялись... А самого старика я вообще ни разу в жизни не видел.

А отчего все так взъелись на этот Инсмут? Ну, молодой человек, вы особенно не берите в голову все, что люди здесь говорят. Завести их трудно, а уж коли завелись, то не остановишь. Об Инсмуте всякие истории рассказывают – и все втихаря, украдкой, – считай, последние лет сто, и, по-моему, тут все дело в людском страхе, а больше ни в чем. Какие-то из этих историй вызовут у вас смех, и только – ну например, о том, будто старый капитан Марш обдeldывал делишки с дьяволом и переманивал бесенят из ада в Инсмут на жительство, или о каком-то дьявольском ритуале и жутких жертвоприношениях в каких-то укромных углах возле пирсов, на которые случайно наткнулись в 1845 году или вроде того... Сам-то я родом из Пантона, что в Вермонте, и во все эти бредни не верю.

Вам бы, правда, стоило послушать рассказы наших старожилов о черном рифе недалеко от берега – Дьяволов риф, так его называют. Он возвышается над морем и редко когда весь уходит под воду, но и островом его не назовешь. Говорят, на этом рифе обитает целое воинство дьяволов, которых изредка там замечают – они то лежат на нем, то прячутся в пещерах на его вершине. Весь этот Дьяволов риф – неровная, изрезанная волнами гряда скал в миле от берега или поболее, и уже на исходе торгового судоходства моряки обычно делали большой крюк, лишь бы не напороться на этот проклятый риф. Ну, то есть моряки, кто не был родом из Инсмута. А недолюбливали они старого капитана Марша за то, что он, по слухам, частенько высаживался на риф по ночам во время отлива. Ну, может, он и впрямь высаживался, потому как, доложу я вам, скалы там шибко занятные, или, может, он искал там спрятанную добычу пиратов, а может, даже и нашел что... Но еще люди говорили, что именно там он обдeldывал свои делишки с нечистой силой. И если хотите знать мое мнение, у этого рифа дурная слава именно из-за капитана Марша.

А было это еще до большой эпидемии 1846 года, которая выкосила больше половины жителей Инсмута. Тогда так и не установили, в чем причина их напастей, но по моему разумению, ту дурную болезнь к ним занесли морячки из дальних плаваний, из Китая или еще откуда-то. Страшная была болезнь, что и говорить, – из-за нее по городу бунты прокатились и творились всякие кошмарные дела, но я так думаю, за пределы города зараза не распространилась. Вот из-за этой самой болезни город зачах, а после так и не оправился. Сейчас там живут человек триста-четыреста, не больше.

Но скажу я вам, истинная причина дурного отношения к Инсмуту – обычные расовые предрассудки. И я не осуждаю тех, кто их разделяет. Я и сам терпеть не могу этих инсмутцев, и ни за какие коврижки к ним в город не поеду. Вы, должно быть, знаете – хотя, судя по вашему выговору, вы с Запада, – что в те времена очень много кораблей из Новой Англии вели торговлю в сомнительных портах у берегов Африки, Азии и на островах Южных морей и бог знает где еще, и привозили они с собой из плаваний сомнительных людишек. Вы, может, слышали о

моряке из Сейлема, который вернулся домой с женой-китайкой, и еще где-то на Кейп-Коде все еще обитает шайка туземцев с Фиджи.

Ну, и естественно предположить, что подобные чужаки понаехали в Инсмут. Городок всегда был напрочь отрезан от соседних поселков непроходимыми болотами да глубокими ручьями, так что мы толком и не знаем, как там у них обстоят дела. Но совершенно ясно, что старый капитан Марш наверняка привез домой каких-то диковинных существ, еще в те времена, когда все его три корабля выходили в море, то есть в двадцатые и тридцатые годы. Это факт: сегодня среди инсмутцев встречается немало субъектов, прямо скажем, безобразной внешности – не знаю, как вам объяснить, но увидишь таких – и вас в холодный пот бросает... Вы сразу заметите эту безобразность и в Сардженте, если поедете на его автобусе. У некоторых из них ненормально узкие головы, приплюснутые носы и выпученные блестящие глаза, которые никогда не закрываются, и с кожей у них явно что-то не так. Она огрубевшая и вся покрыта чешуйками, а шеи у них то ли в морщинах, то ли в складках. И лысеют они рано, уже в юности. Хуже всего выглядят взрослые мужчины. И вот еще что: я ни разу не видал их стариков! Это факт. Может, они сразу сдыхают, увидав себя в зеркале? Животные их тоже не выносят – раньше, когда еще не было автомобилей, у них лошади часто бесились.

Никто ни здесь, ни в Аркхеме или Ипсвиче не хочет с ними связываться, да и к ним тоже не подойди – когда они сами появляются тут в городе и когда кто-то из здешних пробует рыбачить в их водах. Странное дело: вблизи Инсмутской бухты всегда ходит рыба – крупная, жирная, а в других местах – ни рыбешки! Так вот стоит вам забросить там сеть – они на вас сразу налетят со всех сторон и погонят прочь! Раньше они приезжали сюда по железной дороге – потом, когда их ветку закрыли, стали ходить пёхом до Раули и там садились на поезд, а теперь пользуются вот этим автобусным маршрутом.

Да, есть в Инсмуте гостиница – называется «Гилман-хаус», но навряд ли тамошние условия будут вам по душе. Не советую туда даже заходить. Лучше переночуйте здесь, завтра утром отправляйтесь в Инсмут десятичасовым автобусом, а оттуда уедете в Аркхем вечерним автобусом, который отправляется в восемь. Приезжал туда пару лет назад один инспектор фабрик, так он снял номер в «Гилман-хаусе», и доложу я вам, очень неприятные впечатления у него остались от этого заведения. Похоже, у них там обретается сомнительный сброд, потому как тот инспектор слышал голоса из других номеров – притом что большинство номеров пустовало! – от которых у него мурашки по коже бегали. Ему почудилось, что лопочут иностранцы, но, по его словам, больше всего его напугал один голос, который время от времени вступал в разговор. Голос этот звучал так ненатурально – как он выразился, был похож на хлюпанье – и так страшно, что он не смог даже раздеться и лечь в кровать. Так и просидел до утра, не сомкнув глаз, и чуть свет пустился оттуда наутек. А голоса галдели всю ночь!

Этот инспектор, Кейси его фамилия, рассказывал, что инсмутцы наблюдали за ним во все глаза, словно выслеживали его и вроде как все время были начеку. Заходил он на аффинажный завод Марша – говорит, очень странное предприятие в здании старой сукновальной фабрики у нижних порогов Мануксета. Кейси повторил все то, что я и без него слышал. В бухгалтерских книгах у них черт ногу сломит, никаких следов какой бы то ни было деловой активности. Знаете, для нас всегда оставалось загадкой, откуда Марш берет золото, которое он там очищает. Они вроде никогда не занимались скупкой золота, а вот много лет назад их корабль вернулся в порт с большим грузом золотых слитков.

Еще люди говорили о диковинных драгоценностях, которыми моряки и работники аффинажного завода иногда приторговывали из-под полы – кто-то видел пару раз эти украшения на женщинах из рода Маршей. Люди решили, что, должно быть, старый капитан Оубед Марш выменял эти украшения у туземцев в каком-нибудь заморском порту, потому как он всегда перед плаванием закупал горы стеклянных бус и побрякушек, какие мореплаватели обычно брали с собой для торговли с туземцами. А кто-то считал – и до сих пор считает, – что он нашел-

таки пиратский клад на Дьяволовом рифе. Но вот что странно. Старый капитан уже шестьдесят лет как умер, и ни один большой корабль не выходил из инсмутского порта со времен Гражданской войны; но тем не менее семья Маршей, как я слышал, продолжает закупать стеклянные и резиновые безделушки для торговли с туземцами. Может, инсмутским жителям просто нравится напяливать их на себя и красоваться друг перед другом... хе-хе... Бог их знает, может, они сами уже стали такими же дикарями, как каннибалы Южных морей и гвинейские туземцы?

Та эпидемия сорок шестого года погубила лучших из лучших в их городе. Как ни посмотри, теперь там проживает сомнительный народец. И Марши, и прочие богатые семьи – такие же вырожденцы, как и прочие в Инсмуте. Я же говорю: во всем городе осталось не больше четырехсот жителей, притом что улиц и домов там не счесть сколько. По моему разумению, там осталось одно жалкое отродье, то, что в южных штатах называют «белой швалью» – хитрые, подлые, не признающие закон людишки, чья жизнь – сплошная тайна за семью печатями. Они вылавливают довольно много рыбы и омаров и вывозят улов грузовиками. Странно, что рыба косяками приходит только в их бухту, а больше – никуда.

Никто толком не знает, сколько там вообще жителей. Когда туда приезжают школьные инспекторы да переписчики населения, они им задают ту еще работку! И точно вам говорю: любопытным приезжим, которые суют нос в чужие дела, в Инсмуте не поздоровится! Я своими ушами слышал, что там исчезли несколько заезжих бизнесменов и чиновников, а еще рассказывали – и это факт! – об одном бедолаге, который там свихнулся и теперь сидит в Дэнверсе⁴. Во какого страха они напустили на парня!

Потому-то я и говорю: на вашем месте я бы туда не ездил на ночь глядя, и сам я не горю желанием туда ездить. Хотя, может, если поехать туда днем – риск не велик, но здешние будут хором вас отговаривать. Правда, ежели вам только посмотреть, что там и как, и ежели вы интересуетесь здешней стариной, то Инсмут – то, что вам надо!

Я провел несколько вечерних часов в публичной библиотеке Ньюберипорта в поисках сведений об Инсмуте. Когда я попытался обратиться с расспросами к местным жителям в лавках, таверне, в гаражах и в пожарной части, то выяснялось, что завести их еще сложнее, чем думал говорливый билетер на станции, и я решил не тратить время на уговоры перебороть свою замкнутость. Они отнеслись ко мне с необъяснимой подозрительностью, словно всякий, проявлявший живой интерес к Инсмуту, по их мнению, был отмечен печатью порока. Клерк местного отделения Ассоциации молодых христиан, куда я зашел, категорически осудил мое желание посетить столь жалкое и убогое место, и все, с кем я успел побеседовать в городской библиотеке, высказались в таком же духе. Мне стало ясно, что в глазах образованной части горожан Инсмут являл собой яркий пример общественного вырождения.

Найденные мной на библиотечных полках труды по истории округа Эссекс содержали немного сведений об Инсмуте, помимо того, что город был основан в 1643 году, перед Революцией вырос в крупный центр кораблестроения, в начале XIX века стал преуспевающим торговым портом, а позже превратился в фабричный городок, чьим основным энергетическим ресурсом была река Мануксет. Об эпидемии и волнениях 1846 года упоминалось мимоходом, точно они составляли самые позорные страницы в истории округа. О периоде упадка Инсмута тоже говорилось вскользь, хотя важность событий позднего периода его истории не вызывала сомнений. После Гражданской войны вся местная промышленность свелась к Аффинажной компании Марша, и торговля золотыми слитками оставалась последним видом некогда кипучей деловой активности города, помимо неизменного рыболовного промысла. При том что в связи с падением цен на рыбу и успешной конкуренцией со стороны крупных корпораций рыболовство приносило все меньше дохода, в районе Инсмутской гавани рыба не переводилась никогда. Иностранцы селились там редко, и я нашел ряд завуалированных свидетельств о

⁴ Психиатрическая лечебница в штате Массачусетс.

том, что поселения поляков и португальцев, пытавшихся осесть в этих краях, почему-то были оттуда изгнаны.

Наибольший мой интерес вызвало коротенькое упоминание о странных драгоценных изделиях, непонятно как связанных с Инсмутом. Эти драгоценности явно были у местной публики притчей во языцех, в частности, упоминались некие изделия, выставленные в музее Мискатоникского университета в Аркхеме и в зале экспозиций Исторического общества Ньюберипорта. Описания изделий были скудны и бессодержательны, но в них угадывалось подспудное указание на необычное происхождение этих украшений. В них, похоже, было нечто настолько необычное и будоражащее ум, что я уже не мог не думать о них и, несмотря на вечерний час, твердо решил увидеть своими глазами один из местных экспонатов – как было сказано в описании, это было крупное изделие причудливой формы, вероятно, нечто вроде тиары. Теперь оставалось только это как-то устроить.

Хранитель библиотеки дал мне записку для куратора Общества, мисс Анны Тилтон, жившей неподалеку, и после недолгих объяснений старушка оказалась столь любезна, что провела меня в уже закрытое для посетителей здание, благо было еще не слишком поздно. Коллекция оказалась и впрямь довольно впечатляющей, но, пребывая в волнении, я ни на что другое глядеть не мог, кроме как на угловой шкаф, в котором лежал странный предмет, поблескивающий в сиянии электрических ламп. Даже не обладая каким-то особо утонченным чувством прекрасного, я буквально вытаращил глаза при виде этого диковинного произведения, рожденного какой-то неземной богатой фантазией, которое покоилось на пурпурной бархатной подушечке. Даже теперь я едва ли смогу в точности описать увиденное мною, хотя это была, как явствовало из описания, своего рода тиара. Довольно высокая спереди и с довольно крупными и странно неровными боковинами, эта тиара словно предназначалась для головы причудливой эллиптической формы. Тиара почти что целиком была изготовлена из золота, хотя странный светлый глянец указывал на необычный сплав золота со столь же красивым металлом непонятной природы. Изделие находилось почти в идеальном состоянии, и можно было часами стоять перед ним и изучать изумительные, чарующе причудливые орнаменты – какие-то просто геометрические, другие выдержанные в морской тематике, – с изысканным мастерством вычеканенные или рельефно выбитые на поверхности.

И чем дольше я смотрел на этот предмет, тем больше он меня завораживал; и к этой завороженности примешивалось некое странное ощущение тревожности, непонятное и необъяснимое. Поначалу я решил, что мое волнение вызвано необычным характером тончайшего мастерства, казавшегося потусторонним. Все прочие произведения искусства, какие я видел когда-либо ранее, или были созданы в известных традициях культуры той или иной расы или народности, или же представляли собой нарочитые модернистские отклонения от любых узнаваемых норм. Но эта тиара не была ни тем ни другим. Ее несомненно создали в какой-то канонической технике, доведенной до высочайшего уровня совершенства, но эта техника была абсолютно далека от любого – европейского или азиатского, древнего или современного – стиля из тех, что я знал или чьи образцы я видел. Создавалось впечатление, что это филигранное творение мастера из иного мира.

Тем не менее потом я осознал, что охватившая меня тревога возникла под действием другого, вероятно, более мощного импульса, а именно изобразительных и математических мотивов в причудливых орнаментах тиары. Эти орнаменты словно намекали на далекие тайны и невообразимые бездны времени и пространства, а монотонно повторяющиеся в рельефных фигурах морские мотивы обрели вдруг почти что зловещую суть. Среди рельефных фигур угадывались сказочные чудовища, в ком причудливо сочетались жуткое уродство и бесстыдство и признаки рыб и земноводных, и они вызывали у меня некие навязчивые и неприятные псевдовоспоминания, как если бы это были некие таинственные образы, всплывшие из жут-

кой пучины первобытной прапамяти. Временами мне грезилось, что рельефные контуры этих нечестивых рыбожаб сочатся ядовитой эссенцией неведомого беспощадного зла.

Странным контрастом жутковатому виду тиары была ее короткая и прозаичная история, которую мне поведала мисс Тилтон. В 1873 году эту тиару буквально за гроши сдал в ломбард на Стейт-стрит пьяный житель Инсмута, вскоре после того зарезанный в уличной драке. Историческое общество выкупило тиару у хозяина ломбарда и сразу выставило на обозрение, отведя ей видное место в экспозиции. Экспонат снабдили этикеткой, на которой указали местом ее вероятного изготовления Восточную Индию или Индокитай, хотя эта атрибуция была откровенно произвольной.

Мисс Тилтон, сравнив все возможные гипотезы о происхождении тиары и ее появления в Новой Англии, была склонна считать, что изделие находилось в пресловутом пиратском кладе, найденном капитаном Оубедом Маршем. Справедливость ее мнения, между прочим, нашла подтверждение в настойчивых предложениях о выкупе тиары за огромные деньги, которые стали поступать Обществу от семейства Маршей, как только те прознали о ее местонахождении, и которые они неустанно делали по сей день, невзирая на решительный отказ Общества с ней расстаться. Выпроводив меня из здания, добрая старушка дала понять, что с пиратской версией происхождения состояния Маршей единодушно соглашались далеко не самые глупые жители этого края. Ее же собственное отношение к объятому мглой Инсмуту – где она никогда не бывала – было продиктовано отвращением к общине, которая в культурном смысле скатилась на самое дно. И она уверила меня, что слухи о распространенном в городе ритуале поклонения дьяволу отчасти подтверждались необычным тайным культом, укоренившимся там и охватившим приверженцев всех канонических вероисповеданий.

Этот культ назывался, как она выразилась, «Эзотерическим Орденом Дагона» и без сомнения был вульгаризированным квазиязыческим верованием, занесенным туда с Востока еще в прошлом веке, в то самое время, когда рыбные места Инсмута внезапно оскудели. Его распространение среди малограмотных простолюдинов было вполне естественно, если учесть неожиданное возвращение рыбного изобилия в инсмутских водах, и вскоре адепты этого культа стали пользоваться в городе огромным влиянием, полностью вытеснив местных франкмасонов и заняв под свою штаб-квартиру старый масонский храм на площади Нью-Чёрч-Грин.

Все это, по мнению набожной мисс Тилтон, служило разумным поводом игнорировать сей очаг упадка и деградации. Мне же, напротив, это показалось лишним доводом в пользу поездки. К моему любопытству доморощенного архитектора и историка теперь еще прибавился и азарт антрополога-любителя, и я, находясь в возбужденном предвкушении путешествия, почти всю ночь не сомкнул глаз в своей крошечной комнатухе в общежитии Молодых христиан.

II

Наутро около десяти часов я уже стоял, с небольшим саквояжем в руках, перед аптекой Хэммонда на старой площади Маркет-сквер. В ожидании инсмутского рейсового автобуса я наблюдал за горожанами: к остановке не подошел ни один, и люди в основном шатались без дела по улице или забредали в таверну «Айдиэл ланч» на противоположной стороне площади. Похоже, говорливый билетер ничуть не преувеличил неприязни, которую здешние жители испытывали к Инсмуту и его обитателям. Через несколько минут небольшой автобус, грязно-серого цвета и неописуемо дряхлый, протарахтел по Стейт-стрит, развернулся и затормозил у тротуара рядом со мной. Я сразу догадался, что именно этот автобус мне и нужен. Мою догадку подтвердила и прикрепленная к лобовому стеклу табличка с выцветшей надписью: «Аркхем – Инсмут – Ньюберипорт».

В автобусе находились всего три пассажира – смуглые неопрятные мужчины крепкого сложения с мрачными лицами; когда автобус остановился, они, неуклюже волоча ноги, выползли наружу и направились вверх по Стейт-стрит – молча и едва ли не крадучись. За ними появился и водитель. Я проводил его глазами в аптеку, куда он направился, видимо, за покупками. Ага, подумал я, это и есть Джо Сарджент, о котором мне рассказывал билетер. И не успел я еще внимательно его рассмотреть, как меня охватила волна инстинктивного отвращения, которое я не мог ни сдержать, ни объяснить. Мне вдруг стало совершенно ясно, почему здешние жители не хотят ни ездить на автобусе, владельцем и водителем которого был Сарджент, ни посещать чаще, чем по острой необходимости, город, где проживал этот человек и его земляки.

Когда водитель вышел из аптеки, я присмотрелся к нему и попытался понять причину произведенного им на меня неприятного впечатления. Это был тощий сутулый мужчина чуть меньше шести футов росту, в поношенном синем скюртуке и потрепанной кепке для гольфа. На вид ему было лет тридцать пять, но из-за глубоких морщинистых складок на шее он мог бы казаться старше, если бы не его туповатое, ничего не выражающее лицо. У него была узкая голова, выпученные водянисто-голубые глаза, которые, похоже, никогда не моргали, приплюснутый нос, маленький покатый лоб и такой же подбородок и, что особенно было заметно, недоразвитые ушные раковины. Над его длинной толстой верхней губой и на пористых землистых щеках не замечалось никакой растительности, кроме редких желтоватых волосков, торчащих курчавящимися клоками, причем в некоторых местах кожа его лица была покрыта странными струпьями, точно ее поразила экзема. Его большие, с набрякшими венами, руки имели странный серовато-голубой оттенок. Пальцы же были непропорционально короткими и, казалось, могли сворачиваться, плотно вжимаясь в огромные ладони. Пока он шагал к автобусу, я отметил про себя его нелепую шаркающую походку и обратил внимание на его необычайно длинные ступни. Разглядывая их, я невольно задумался, где же он покупает себе подходящую по размеру обувь.

И весь он был какой-то скользко-маслянистый, что лишь усугубило мою неприязнь. Он явно изо дня в день только и делал что крутил руль своего автобуса да шатался по рыбным складам, о чем можно было судить по исходящему от него сильному запаху рыбы. Но какие чужие крови были в нем намешаны, я мог лишь догадываться. Его странная внешность не выдавала в нем ни азиата, ни полинезийца, ни левантинца или негроида, но я теперь понимал, отчего люди считали его инородцем. Хотя я бы сказал, что в нем угадывались признаки не чужеземного происхождения, а скорее биологического вырождения.

Я огорчился, поняв, что буду единственным пассажиром в автобусе. Меня, честно говоря, совсем не обрадовала перспектива ехать одному в компании с этим водителем. Но время отправления приближалось, и, поборов сомнения, я вошел в салон следом за ним и протянул ему доллар, пробормотав единственное слово: «Инсмут». Он с любопытством смерил меня взглядом и без лишних слов вернул сорок центов сдачи. Я выбрал себе место далеко позади водительского места, прямо у него за спиной, потому что мне хотелось во время поездки полюбоваться морским берегом.

Наконец старая колымага дернулась с места и с грохотом покатила по Стейт-стрит мимо старых кирпичных домов, выпуская из выхлопной трубы клубы сизого дыма. Глядя на идущих по тротуару пешеходов, я подумал, что они всем своим видом хотят показать, что не видят этот автобус – или, по крайней мере, притворяются, что не видят. Потом мы свернули налево на Хай-стрит, и тут дорога стала ровнее, и автобус резво промчался мимо импозантных старых особняков времен молодой республики и еще более древних фермерских домов колониальной эпохи; потом мы пересекли реки Лоуэр-Грин и Паркер-ривер и наконец оказались посреди бесконечных и однообразных просторов прибрежной равнины.

День был теплый и солнечный, но береговой пейзаж, в котором песчаные дюны перемежались с зарослями тростника и чахлыми кустарниками, становился все более пустынным. Из

окна я видел голубые воды океана и песчаный берег острова Плам. А вскоре, свернув с главного шоссе на Раули и Ипсвич, мы поехали по узкому проселку почти вплотную к песчаному взморью. Вокруг не было видно ни единой постройки, и, судя по состоянию дороги, движение транспорта в этих краях было довольно незначительным. На обветренных телефонных столбах виднелись лишь два провода. То и дело мы проезжали по старым деревянным мостам над береговыми ручьями, убегавшими в глубь материка и служившими естественной преградой между этим пустынным краем и остальным штатом.

Временами я замечал темные пни и останки фундаментов, торчащих из зыбучих песков, и мне вспомнилась одна старинная легенда, о которой я прочитал в книге по истории здешних мест. Легенда гласила, что некогда это был благодатный и плотно населенный край. Но все резко изменилось сразу после инсмутской эпидемии 1846 года, и, как считали малообразованные фермеры, эти перемены имели некую связь с тайными силами зла. На самом же деле причиной запустения стала бездумная вырубка прибрежных лесов, которая лишила местную почву надежной защиты и открыла путь для стремительного наступления берегового песка, приносимого дующими с моря ветрами.

И вот остров Плам скрылся из виду, и слева я увидел бескрайние просторы Атлантики. Наша узкая дорога начала карабкаться вверх по крутому склону, и меня вдруг охватило неприятное беспокойство, когда я заметил впереди одинокий горный хребет, где ухабистый проселок встречался с небом. Можно было подумать, что автобус готов без остановки продолжить движение вверх по склону, чтобы через несколько миль оторваться от земли и слиться с неведомой тайной эфира и загадочных небес. Запах моря неожиданно стал каким-то зловещим, а сутулая спина молчаливого водителя и узкая голова показались мне еще более омерзительными. Глядя на него, я заметил, что его затылок, подобно его лицу, практически безволосый, и лишь местами на сизой чешуйчатой коже торчали пучки желтоватых волос.

Затем мы достигли вершины хребта, и моему взору открылась широкая долина, где Мануксет впадал в море к северу от длинной гряды скал с высочайшим пиком Кингспорт-Хед, которая уходила в сторону полуострова Кейп-Энн. На дальнем туманном горизонте я мог различить лишь величественный профиль пика, к вершине которого прилепилось старинное здание, упоминавшееся во многих легендах; но в какой-то момент мое внимание привлекла открывшаяся прямо под нами панорама города. И тут я понял, что это и есть окутанный мглой тайны Инсмут.

В этом широко раскинувшемся городе с довольно плотной застройкой меня сразу неприятно поразило отсутствие признаков кипучей жизни. Над крышами торчали многочисленные печные трубы, но дымок вился лишь из очень немногих. Три высоких серых башни отчетливо виднелись на фоне морского горизонта. Шпиль на одной из них давно обвалился, и на ней, как и на другой башне, вместо циферблата часов зияли черные провалы. Бесконечное нагромождение прохудившихся двускатных крыш и заостренных фронтонов буквально вопияли о дряхлости и гниении. И когда автобус покатиł вниз по склону, я заметил, что крыши многих домов полностью провалились. Еще я увидел несколько крупных особняков в георгианском стиле, с куполообразными башенками и смотровыми площадками на крышах. Эти особняки располагались на приличном расстоянии от набережной и по меньшей мере два из них были в хорошем состоянии. От них из города в глубь материка тянулись покрытые ржавчиной и поросшие травой рельсы заброшенной железнодорожной ветки с покосившимися телеграфными столбами без проводов по обеим сторонам да еле заметные ленты старых проселков на Раули и на Ипсвич.

Приметы запустения особенно бросались в глаза в прибрежных кварталах, но и там я сумел разглядеть белую колокольню над неплохо сохранившимся кирпичным зданием, с виду – небольшим заводом. Гавань, давно забитую песком, ограждал от моря древний каменный волнорез, на котором, напрягши зрение, я различил крохотные фигурки рыбаков; на самом его

краю высились останки фундамента от давно не существующего маяка. От каменного волнореза в глубь гавани длинным языком тянулась песчаная коса, на которой я заметил несколько ветхих лачуг, причаленные плоскодонки да разбросанные верши для ловли омаров. Единственное глубокое место в бухте, похоже, было в том месте, где река разливалась позади здания с колокольней и потом резко изгибалась к югу перед тем, как встретиться с океаном в самом конце волнореза.

Там и сям вдоль берега торчали прогнившие руины пирсов, из коих те, что в южной части гавани, казались давным-давно заброшенными и полностью изъеденными гнилью. А далеко в море, несмотря на прилив, я заметил длинную черную полосу, едва виднеющуюся над водой и навевавшую мысли о древней тайной пагубе. Это, вероятно, и был печально знаменитый Дьяволов риф. И покуда я смотрел на него, помимо мрачного отвращения я вдруг ощутил смутную, необъяснимую и неодолимую тягу к нему, и как ни странно, его смутная притягательность встревожила меня гораздо больше, нежели первоначальное отвращение.

На дороге нам никто не встретился, и вскоре мы поехали мимо заброшенных ферм в разной стадии разора. Потом я заметил несколько обитаемых домов – их выбитые окна были законопачены тряпьем, а дворы усеяны битыми ракушками и дохлой рыбой. Раз или два я видел взрослых мужчин, вяло копошащихся на пустых огородах или выкапывающих из берегового песка моллюсков, да чумазных детишек с обезьяньими личиками, которые играли на поросших высокой травой ступеньках. Почему-то эти горожане вызвали у меня куда большую тревогу, чем унылые дома, ибо их лица и движения были отмечены некой странностью, сразу же возбуждавшей во мне инстинктивную неприязнь, – но в чем именно заключалась эта странность, я не мог ни определить, ни понять. На секунду мне почудилось, что их телосложение напомнило какую-то картинку, которую я некогда увидел, может быть, в книге, в момент нахлынувшего на меня невообразимого ужаса или приступа меланхолии. Но это псевдовоспоминание промелькнуло очень быстро.

Когда автобус спустился со склона в низину, я уловил в неестественной тишине далекий шум водопада. Здесь покосившиеся некрашенные домишки плотно теснились друг к другу по обеим сторонам дороги и больше походили на городские постройки, нежели те лачуги, что остались позади. Через лобовое стекло теперь я мог видеть только улицу и сразу заметил участки, где проезжая часть некогда была вымощена булыжниками, а тротуары выложены кирпичом. Все дома в этой части города были явно заброшены, и между домами то и дело встречались небольшие пустыри, где лишь обвалившиеся печные трубы и обугленные стены подвалов скорбно напоминали о стоявших тут когда-то домах. И повсюду стоял тошнотворный рыбный смрад.

А вскоре стали попадаться перекрестки и развилки улиц: те, что слева, убегали к прибрежным кварталам, где на немощенных улицах царило убогое запустение, а те, что справа, вели в мир былой роскоши. До сих пор я еще не увидел ни единого человека на городских улицах, но зато в домах появились скудные приметы жизни: портьеры на окнах, старенькие автомобили у дверей. Проезжая часть и тротуары были здесь в заметно лучшем состоянии, чем в других частях города, и хотя большинство деревянных и кирпичных домов были явно старой постройки – начала девятнадцатого века, – все они оставались вполне пригодными для проживания. Очутившись в этом богатом районе, сохранившемся не тронутым с прошлого века, я, как истинный любитель древностей, сразу избавился и от чувства гадливости, какое во мне вызвала вездесущая рыбная вонь, и от подсознательного чувства опасности и неприязни.

Но окончание поездки ознаменовалось для меня потрясением весьма неприятного свойства. Автобус выехал на открытую площадь, по обе стороны которой высились церкви, а в центре виднелись грязные остатки круглой клумбы. Но тут мое внимание привлекло величественное здание с колоннами на перекрестке справа. Некогда белая краска на его стенах посерела и во многих местах облупилась, а черно-золотая вывеска на каменном постаменте

настолько потускнела, что я с превеликим усилием смог прочитать слова «Эзотерический Орден Дагона». Так, значит, это был бывший масонский храм, занятый теперь последователями некоего нечестивого культа. Пока я разбирал выцветшую надпись на постаменте, с противоположной стороны улицы раздался пронзительный бой надтреснутого колокола. Я поспешно повернул голову и выглянул в окно.

Колокол бил с приземистой каменной церкви в псевдогоthicеском стиле, явно выстроенной гораздо позже, чем окрестные дома; у нее был непропорционально высокий подвальный этаж, где все окна были наглухо закрыты ставнями. Хотя обе стрелки на башенных часах отсутствовали, я сосчитал пронзительные удары и понял, что бой возвестил одиннадцать часов. И тут мои мысли о времени внезапно были смяты мимолетным, но необычайно отчетливым видением и волной необъяснимого ужаса, охватившего меня прежде, чем я смог догадаться, что же это такое. Дверь в церковный подвал была распахнута, и в проеме виднелся прямоугольник крошечной тьмы. И когда я заглянул в дверной проем, некая фигура стремительно возникла и исчезла – или мне так показалось – на фоне темного прямоугольника, заставив меня инстинктивно представить видение кошмара, причем самое ужасное заключалось в том, что если рассудить здраво, в этой фигуре ничего кошмарного не было и быть не могло.

Это был человек – не считая водителя, первый, увиденный мной после того, как автобус въехал в центральную часть города, – и не будь я в столь возбужденном состоянии, я бы не усмотрел в нем ничего ужасного. Это же, как я догадался через мгновение, пастор в диковинном ритуальном облачении, которое стало общепринятым после того, как Орден Дагона изменил обряды в местных церквях. И то, что, по всей видимости, привлекло мое внимание и вызвало мимолетный приступ необъяснимого ужаса, оказалось высокой тиарой на его голове – почти точной копией той, что мисс Тилтон показывала мне накануне вечером. Наверняка именно эта тиара, взбудоражив мою фантазию, заставила меня приписать зловещие черты человеку в странном облачении, которого я заметил в темном церковном подвале. Так что, сделал я вывод, нет ровным счетом никакого разумного объяснения охватившему меня приступу ужасных псевдовоспоминаний. Нет ничего странного в том, что местный таинственный культ использует в качестве одного из атрибутов своего ритуального облачения диковинный головной убор, который, как считали местные жители, попал сюда загадочным образом – якобы из старинногоклада.

Теперь только на тротуаре появились редкие прохожие – юнцы с отталкивающей внешностью, которые шли поодиночке или молчаливыми группками по двое-трое. Кое-где в нижних этажах обветшалых зданий располагались мелкие лавчонки с вылинявшими вывесками, и пока мы ехали мимо, я заметил один или два припаркованных грузовичка. Шум падающей воды стал громче, и вскоре я увидел впереди реку, протекавшую по довольно глубокому ущелью, через которое был перекинут широкий мост с железными перилами, а дальше за мостом виднелась большая площадь. Когда автобус с грохотом катил по мосту, я глазел по сторонам, рассматривая фабричные здания на поросшем травой пустыре впереди. Река под мостом была полноводная, и я заметил справа выше по течению два мощных водопада и по меньшей мере еще один – чуть ниже. На мосту рев низвергающейся воды стал чуть ли не оглушающим. Минував мост, автобус выехал на большую полукруглую площадь и подкатил к фасаду высокого, увенчанного куполом здания с остатками желтой краски на стенах и с полустертой вывеской, гласившей, что это и есть «Гилман-хаус».

Я с облегчением вышел из автобуса и, зайдя в обшарпанный вестибюль гостиницы, сразу же пристроил свой саквояж в гардеробе. Единственный, кого я увидел в вестибюле, был старик портье, причем без характерных черт, как я ее окрестил, «инсмутской внешности» – но я решил не задавать ему обуревавших меня вопросов, памятуя о замеченных в этой гостинице странностях. Вместо того я вышел на площадь и, увидев, что автобус уже уехал, оглядел окрестности оценивающим взглядом.

С одной стороны вымощенная булыжником площадь граничила с рекой, а с другой была окаймлена полукругом кирпичных зданий с высокими двускатными крышами постройки начала девятнадцатого века; от площади лучами разбегались улицы – на юг, юго-восток и юго-запад. Уличных фонарей было явно недостаточно, и все они были оснащены маломощными лампами накаливания, так что я лишний раз порадовался тому, что решил покинуть этот город еще до наступления темноты, хотя, насколько я знал, сегодня ночь обещала быть ясной и лунной. Все здания были в сносном состоянии, и я заметил не меньше дюжины работающих заведений – в том числе сетевую бакалею «Фёрст нэшнл», убогую закусочную, аптеку и офис оптовой рыбной торговли, и наконец далеко в восточной части площади, около самой реки, офис единственного в городе промышленного предприятия – Аффинажной компании Марша. На глаза мне попались человек десять горожан, и я насчитал четыре или пять легковых автомобилей и грузовиков, стоявших без движения в разных углах площади. Как можно было сразу догадаться, это и был центр деловой и общественной жизни Инсмута. В восточной стороне горизонта я заметил водную гладь гавани, на фоне которой высились развалины некогда красивых георгианских башен. А ближе к взморью, на противоположном берегу реки, виднелась белая колокольня над, как можно было догадаться, зданием аффинажного завода Марша.

Сам не знаю почему, я решил начать расспросы в сетевой бакалее, чьи сотрудники вряд ли были родом из Инсмута. Я быстро нашел старшего – юношу лет семнадцати – и, к своей радости, отметил его сообразительность и учтивость, что обещало массу интересующей меня информации. Мне подумалось, что он не прочь поболтать, и очень скоро я узнал, что в городе ему все не нравится – и рыбный смрад, и нелюдимые жители. Так что его обрадовала возможность перекинуться парой слов с приезжим. Он был родом из Аркхема, а здесь снимал жилье у семьи, переехавшей из Ипсвича, и в каждый выходной, если выпадала такая возможность, сразу же возвращался к родителям. Те не одобряли его работу в Инсмуте, но сюда его назначило руководство торговой сети, и ему не хотелось потерять место.

В Инсмуте, по словам юноши, не было ни публичной библиотеки, ни торговой палаты, но я и без их помощи вряд ли мог бы заблудиться. Улица, по которой я шел от гостиницы, называлась Федерал-стрит, к западу от нее располагались благополучные кварталы на Брод-, Вашингтон-, Лафайет- и Адамс-стрит, а к востоку – приморские трущобы. Именно в этих трущобах – вдоль Мейн-стрит – я смогу найти старинные георгианские церкви, но они давно уже заброшены. Было бы разумно не привлекать внимания тамошних обитателей – особенно в районах к северу от реки, где живут мрачные и крайне неприветливые люди. Бывало, и не раз, что приезжие там бесследно исчезали.

Некоторые места в городе считались чуть ли не запретной территорией – это он узнал на своей шкуре. Не стоит, к примеру, долго задерживаться около аффинажного завода Марша или возле действующих церквей или бродить вокруг храма Ордена Дагона на площади Нью-Чёрч-Грин. Местные церкви отличались странностями – от них решительно отреклись все единоверцы из прочих мест, потому что там явно практиковали очень уж странные обряды, а их священники носили очень уж странные облачения. Их вера явно была основана на ереси и тайных культах, которые включали элементы неких чудесных превращений, способствующих распространению на нашей земле телесной распущенности. Духовник моего собеседника – доктор Уоллес из Методистской евангелической церкви Эсбери в Аркхеме – настоятельно рекомендовал ему держаться подальше от инсмутских храмов.

Что же до самих обитателей Инсмута, то юноша не мог сказать о них ничего определенного. Они отличались чрезвычайной скрытностью и крайне редко показывались на свет – точно лесные звери, обитающие в земляных норах. Невозможно было представить, как они вообще проводят свои дни, помимо рыбалки, коей они занимались от случая к случаю. Возможно, если судить по количеству потребляемого ими нелегального спиртного – они целыми днями пребывали в алкогольном отупении. Их всех объединяли прочные узы угрюмого братства или

тайного знания – ненависти к внешнему миру, точно у них имелся доступ к каким-то иным, более предпочтительным для них сферам бытия. У многих из них была пугающая внешность – особенно немигающие выпученные глаза, – а уж их голоса вызывали омерзение. От их ритуальных ночных песнопений в храмах пробирал мороз по коже, особенно во время их главных праздников или всеобщих бдений, отмечавшихся дважды в год, 30 апреля и 31 октября.

Они обожали воду и много плавали и в реке, и в гавани. Часто они устраивали заплывы на скорость к Дьяволову рифу, и в такие дни все, кто физически крепок, выползали на свет божий и принимали участие в состязании. Правда, если подумать, на глаза в этом городе попадались лишь относительно молодые люди, причем у тех, кто сильно постарше, почти у всех без исключения, на лицах проявлялись признаки какого-то дефекта или уродства. А если исключения и встречались, то это были люди вообще без каких-либо признаков физических отклонений – вроде старика портье в гостинице, и можно было лишь гадать, куда подевались представители старого поколения горожан и не была ли «инсмутская внешность» признаком неведомой и медленно прогрессирующей болезни, которая с годами внешне проявлялась все сильнее. Ведь только крайне редкое заболевание могло бы вызвать у человека в зрелом возрасте глубокие деформации костной структуры – к примеру, изменение строения черепа, – но даже в таком случае такая единичная деформация была ничуть не более загадочной, чем внешние проявления этого заболевания. Было бы сложно, заметил юноша, сделать какой-то определенный вывод относительно этого феномена; потому как никто еще не заводил близкого знакомства с местными жителями, даже прожив в Инсмуте довольно долго.

Юноша был уверен, что некоторых особей, более безобразной внешности, чем у самых уродливых из тех, кто появлялся на улицах, держали дома под замком. А в некоторых районах города иногда слышали очень необычные звуки, доносящиеся из-за стен. По слухам, ветхие припортовые лачужки к северу от реки соединялись секретными туннелями, образующими настоящий подземный лабиринт, который, возможно, кишел невидимыми уродами. Трудно сказать, какие чужие крови – если это и впрямь чужие крови – смешались в этих существах. Самых мерзопакостных субъектов частенько упрятывали подальше, когда в городе появлялись правительственные чиновники или приезжие издалека.

Совершенно бесполезно, уверил меня собеседник, расспрашивать местных об этом городе. Только один согласился бы на такой разговор, – очень древний, но с виду вполне нормальный старик, что жил в ночлежке на северной окраине города и целыми днями околачивался возле пожарной части. У убежденного седины дедули по имени Зейдок Аллен, которому девяносто шесть лет от роду, явно были не все дома, и еще он был известный на весь город пропойца. Это был чудаковатый, очень недоверчивый человек, который вечно оглядывался через плечо, точно боялся чего-то, и когда бывал трезв, ничто не могло заставить его вступить в беседу с незнакомцем. Однако если предложить ему порцию его излюбленной отравы, он не устоял бы перед искушением; и, напившись, он был готов нашептать на ухо невольному слушателю свои самые сокровенные воспоминания, от которых волосы просто вставали дыбом. Впрочем, из него можно было выудить лишь крохи полезной информации, так как все его рассказы сводились к бредовым и очень уклончивым намекам на какие-то невероятные чудеса и ужасы, которые скорее всего существовали исключительно в его пьяных фантазиях. И хоть никто ему не верил, местные страшно не любили, когда он, напившись, пускался в беседы с приезжими; более того: если незнакомца замечали беседующим с ним, это могло иметь самые печальные последствия. Вероятнее всего, от этого забулдыги и пошли самые невероятные слухи и предрассудки, связанные с Инсмутом. Кое-кто из горожан-переселенцев время от времени заявлял, будто видел каких-то чудовищ, но чему ж тут удивляться, коли все были наслышаны про байки старого Зейдока и, как всем было известно, некоторые горожане действительно страдали от каких-то физических уродств. Никто из этих переселенцев не

выходил из дому по ночам, ведь, как говорили втихомолку, очень неразумно появляться на улице в поздний час. К тому же ночью Инсмут всегда был погружен в крошечную тьму.

Что же до бизнеса – то изобилие рыбы в здешних водах, конечно, факт почти необъяснимый, но горожане все реже стали пользоваться этим благом к своей выгоде. К тому же и цены сильно упали, и конкуренция выросла. По словам юноши, в городе остался единственный настоящий бизнес – аффинажный завод, чей главный офис располагался на площади всего в нескольких шагах к востоку от бакалейного магазина, где мы вели нашу беседу. Старик Марш никогда не показывался людям на глаза, но изредка видели, как он направляется на свой завод в автомобиле с плотно занавешенными окнами.

Ходило много разных слухов о нынешней внешности Марша. Некогда он слыл большим модником; и люди говорили, что он до сих пор щеголяет в роскошном сюртуке, скроенном по эдвардианской моде, но только теперь специально подогнанном под его деформированную фигуру. Один из его сыновей еще до недавней поры был управляющим в конторе на площади, но в последнее время старик Марш скрывал свои дела от посторонних глаз и переложил основное бремя забот на более молодое поколение клана. Сыновья старика Марша и их сестры в последнее время стали выглядеть очень странно – особенно старшие, и поговаривали, что их здоровье сильно пошатнулось.

Одна из дочек Марша – женщина с отталкивающим лицом рептилии – любила обвешивать себя диковинными украшениями, изготовленными в той же самой дикарской традиции, в какой была сделана странная тиара. Мой собеседник видел эту тиару много раз и слышал, будто бы ее нашли в тайной сокровищнице, принадлежавшей то ли пиратам, то ли демонам. Здешние клирики – или священники, или как их там называли – носили головные уборы вроде этой тиары. Но их мало кто встречал лично. Никаких других представителей местного населения юноша не видел, хотя, если верить слухам, их в Инсмуте тьма-тьмушая, и самого разного вида.

Марши, как и три других благородных семейства города – Уэйтсы, Гилманы и Элиоты, – были очень нелюдимые. Они проживали в огромных особняках на Вашингтон-стрит, и кое-кто из них, как говаривали, держал взаперти некоторых своих родичей, чья внешность не позволяла выставлять их на всеобщее обозрение, но когда те умирали, их смерть всегда предавалась огласке и должным образом регистрировалась.

Предупредив, что таблички с названиями улиц во многих местах отсутствуют, юноша не счел за труд набросать для меня большую и достаточно подробную карту города, обозначив на ней основные достопримечательности. Бегло изучив карту, я убедился, что она послужит мне немалым подспорьем. Сложив ее и сунув в карман, я рассыпался в искренних благодарностях. Поскольку единственная попавшаяся мне на глаза закусочная не внушала доверия по причине своей крайней обшарпанности, я купил в бакалее изрядный запас сырных крекеров и имбирного печенья, чтобы потом ими пообедать. Мысленно я составил себе такую программу: обойти главные улицы, побеседовать по дороге со всеми недавно поселившимися в городе людьми и успеть на восьмичасовой автобус до Аркхема. Город, как я уже успел заметить, являл собой живописный и более чем убедительный образец общественной деградации; но не имея интереса к социологии, я решил ограничиться изучением памятников архитектуры.

Итак, я отправился в поход по узким улицам подернутого мглой тайны Инсмута. Перейдя через мост и свернув на шум нижнего водопада, я миновал аффинажный завод Марша, откуда, к моему немалому удивлению, не доносилось типичных для промышленного предприятия звуков. Здание стояло на крутом утесе над рекой у моста, недалеко от площади, на которую выбегало несколько улиц, – я решил, что на этой площади некогда располагался городской центр, который после Революции переместился на нынешнюю Таун-сквер.

Вернувшись обратно, я перешел через реку по мосту Мейн-стрит и попал в район полнейшего запустения, от вида которого я невольно содрогнулся. Провалившиеся кровли двускатных крыш смотрелись неровным фантастическим силуэтом на фоне неба, над которым урод-

ливо высился обезглавленный шпиль старинной церкви. Лишь некоторые из домов на Мейн-стрит были заселены, большинство же наглухо забиты досками. Заглядывая в немощные переулки, я видел зияющие черные провалы окон в брошенных домишках, многие из которых покосились так сильно, что вот-вот грозили сверзиться с просевших фундаментов. Эти призрачные окна походили на пустые глазницы рыбьих голов, и мне пришлось набраться смелости, чтобы все же свернуть на восток и направиться мимо них в портовую часть города. Ну и, разумеется, мой ужас при виде заброшенных домов рос скорее в геометрической, чем арифметической прогрессии, ибо количество домов-призраков оказалось столь велико, что эта часть города выглядела полностью вымершей. Зрелище бесконечных рядов рыбьеглазых домов, олицетворявших запустение и смерть, как и общее впечатление от длинной вереницы черных мрачных жилищ, пребывающих во власти пауков, смутных воспоминаний и победительных червей, пробуждало похороненные в глубинах моей души страхи и антипатии, которые даже самые трезвые философские доводы не могли бы развеять.

Фиш-стрит оказалась такой же обезлюдившей, как и Мейн, но в отличие от последней она вся была застроена еще вполне крепкими кирпичными и каменными складами. Уотер-стрит оказалась ее почти точной копией, если не считать пустырей вдоль береговой линии, где раньше стояли пирсы. Я не заметил ни единой живой души, кроме видневшихся вдалеке на волнорезе рыбаков, и не услышал ни единого звука, кроме мерного рокота прибоя в гавани да отдаленного шума водопадов на Мануксете. Город все больше и больше действовал мне на нервы, и на обратном пути, шагая через шаткий мост Уотер-стрит, я то и дело украдкой оглядывался. Мост Фиш-стрит, судя по карте, был полностью разрушен.

К северу от реки меня встретили признаки какой-никакой жизни: цеха по упаковке рыбы на Уотер-стрит, дымящие трубы и залатанные кровли домов, временами доносящиеся до моего слуха звуки непонятного происхождения да темные фигуры, которые, шаркая, шатались по сумрачным улицам и немощным переулкам – и все это произвело на меня куда более гнетущее впечатление, чем запустение южных кварталов. Сразу бросалось в глаза то, что здешние обитатели отличались более пугающей и более уродливой внешностью, чем жители центральной части города, поэтому я несколько раз ловил себя на неприятных ощущениях и фантастических псевдовоспоминаниях, чему я не мог найти объяснения. Несомненно, признаки смешения с чужой кровью в обитателях прибрежной части Инсмута проявлялись куда сильнее, чем в удаленных от моря районах – если только, конечно, «инсмутская внешность» была именно болезнью, а не наследственной чертой, и в таком случае здесь, наверное, встречались субъекты с признаками более поздней стадии заболевания.

Что особенно докучало мне, так это странные приглушенные звуки, которые я время от времени слышал. По логике вещей, они должны были бы доноситься из обитаемых домов, но на самом деле звучали громче всего как раз из заброшенных зданий с наглухо заколоченными фасадами. Я слышал то скрип, то топот, то какой-то невнятный хрип и с содроганием подумал о бесчисленных подземных туннелях, о которых мне поведал юноша-бакалейщик. А потом я подумал, какие же голоса у таинственных обитателей здешних мест. Ведь я еще ни разу не слышал их речь, но почему-то не имел ни малейшего желания ее услышать.

Остановившись ненадолго, чтобы полюбоваться двумя симпатичными, но разрушенными старыми церквями на Мейн- и Чёрч-стрит, я поспешил покинуть отвратительные припортовые трущобы. Следующим пунктом моей пешей программы была площадь Нью-Чёрч-Грин, но почему-то я никак не мог заставить себя вновь вернуться к церкви, в подвальном окне которой я заметил так сильно напугавшую меня фигуру священника – или пастора – в диковинной тиаре. Кроме того, я помнил предупреждение юноши-бакалейщика о том, что приезжим лучше не приближаться к городским церквям и к храму Ордена Дагона.

Соответственно, я двинулся по Мейн-стрит в северном направлении, к Мартин-стрит, затем повернул в сторону от моря, благополучно пересек Федерал-стрит, оставив позади Нью-

Чёрч-Грин, и вошел в ветшающий мирок городской аристократии на Брод-, Вашингтон-, Лафайет- и Адамс-стрит. Хотя эти обсаженные вязами старые улицы были кое-как вымощены и имели неряшливый вид, они еще не совсем утратили былое величие. Здесь каждый особняк привлекал мой взор, причем многие из них обветшали и стояли заколоченные посреди заброшенных дворов, но один-два на каждой улице подавали признаки жизни. На Вашингтон-стрит я заметил четыре или пять недавно отремонтированных особняков посреди ухоженных лужаек и садов. Самый роскошный из них – с широкими цветниками, которые террасами тянулись до самой Лафайет-стрит, – как я догадался, принадлежал хозяину аффинажного завода старому Маршу, страдающему неведомым недугом.

На улицах не было ни единого живого существа, и я невольно поразился полному отсутствию в Инсмуте кошек и собак. Еще меня озадачило и встревожило то, что даже в лучшем всего сохранившихся особняках все окна в третьих этажах и на чердаках были плотно закрыты ставнями. Похоже, мгла скрытности и нелюдимости и впрямь лежала на этом безмолвном городе таинственных существ и загадочных смертей, и я не мог избавиться от ощущения, что на меня постоянно и отовсюду тайком таращатся выпученные немигающие глаза.

Услышав три удара надтреснутого колокола откуда-то слева, я невольно вздрогнул, потому что все никак не мог забыть приземистую церковь, с чьей колокольни донеслись эти удары. Идя по Вашингтон-стрит к реке, я оказался в очередном бывшем центре городской торговли и производства и заметил впереди руины фабричных зданий, а еще дальше, по правую руку, останки старого вокзала и крытого железнодорожного моста через реку.

Я вышел к безымянному мосту, снабженному предупреждающей табличкой «Опасно», но все же рискнул ступить на него и возвратился на южный берег реки, где вновь увидел приметы городской жизни. Безмолвные фигуры двигались шаркающей походкой и бросали в мою сторону загадочные взгляды; но здесь уже было больше людей с нормальными чертами лица, которые разглядывали меня с холодным любопытством. Инсмут быстро мне надоел, и, свернув на Пейн-стрит, я двинулся к главной городской площади в надежде поймать там хоть какой-то транспорт до Аркхема вместо того, чтобы еще несколько часов дожидаться того зловещего автобуса.

И тут слева я увидел обвалившуюся пожарную каланчу, а потом заметил одетого в жалкие лохмотья старика с красным лицом, заросшим кустистой бородой, и слезящимися глазами, который сидел на скамейке перед пожарной частью и беседовал с двумя неопрятно одетыми, но нормальными с виду пожарниками. Это, разумеется, был не кто иной, как Зейдок Аллен, полоумный старый пьянчуга, чьи байки о старом Инсмуте, объятom мглой мрачных тайн, были столь же пугающими, сколь и неправдоподобными.

III

Должно быть, некий дух противоречия – или какой-то сардонический импульс, возникший по велению неведомых темных сил, – вынудил меня изменить свои планы. А ведь я заранее твердо решил ограничить свои наблюдения местной архитектурой и поспешил на площадь в надежде поймать там попутный транспорт и покинуть этот проклятый город смерти и разрухи, но при виде старика Зейдока Аллена в моем мозгу возникли новые мысли, заставившие меня задержаться здесь с неясной пока целью.

Как заверил меня бакалейщик, этот старик только и мог что бессвязно пересказывать фантастические и бредовые легенды, и он же предупредил, что местным жителям очень не нравилось, когда приезжие вступали в разговоры со стариком. Но все же искушение пообщаться с этим древним очевидцем медленного упадка города, который помнил славную пору мореплавания и расцвета фабричного производства, не могло перебороть самые рациональные доводы. В конце концов, все диковинные и безумные мифы частенько являются лишь симво-

лами или аллегориями, основанными на правдивых событиях. А старый Зейдок, должно быть, самолично видел все, что происходило в Инсмуте в последние девяносто лет. И тут во мне разыграло любопытство, затмившее и здравый смысл, и чувство осторожности, и, поддавшись самолюбивому азарту, я вообразил, что сумею отделить факты реальных событий от кучи несусветных небылиц, которые я надеялся выудить из него с помощью виски.

Я понимал, что не смогу сразу же заговорить с ним, ибо его собеседникам пожарным это, конечно же, не понравится. Вместо того я решил заранее приобрести бутылочку контрабандного виски в лавке, где, по словам юноши-бакалейщика, этого добра было всегда вдоволь. Потом я вернусь к пожарной части и словно от нечего делать буду там прохаживаться и как бы случайно разговаривать с Зейдоком, когда он по своему обыкновению пустится в свои разглагольствования. Юноша предупредил меня, что старик очень непоседлив и редко когда проводит около пожарной части больше двух часов.

Я без труда, хотя и не задешево, добыл кварту виски в захудалом универмаге рядом с главной площадью на Элиот-стрит. Меня обслуживал чумазый продавец, чьи выпученные глаза отчасти придавали ему черты «инсмутской внешности», но при всем том он был по-своему общителен, вероятно, привыкнув иметь дело с такими словоохотливыми субъектами, как водители грузовиков, скупщики золота и им подобными, которые оказывались в городе по делам.

Снова вернувшись на площадь, я убедился, что мне везет: из-за угла «Гилман-хауса», со стороны Пейн-стрит, появилась высокая тощая фигура старика, который, еле передвигая ногами, ковылял мне навстречу. Это был Зейдок Аллен собственной персоной. В согласии со своим планом, я привлек его внимание, демонстративно помахав только что купленной бутылкой. Заметив, что он с несчастным видом побрел за мной, я свернул на Уэйт-стрит, направившись в самое безлюдное место города, какое только мог бы найти. Я сверялся с картой, начерченной юным управляющим бакалейного магазина, и уверенно шел к совершенно безлюдному пустырю в южной части набережной, где я успел ранее побывать. Единственно, кого можно было там заприметить, так это редких рыбаков на дальней оконечности волнореза. И пройдя несколько кварталов к югу, можно было и вовсе скрыться из их поля зрения, присесть возле какого-нибудь заброшенного пирса и спокойно беседовать со старым Зейдоком сколько заблагорассудится. Но не успел я дойти до Мейн-стрит, как за моей спиной раздался еле слышимый жалобный возглас: «Эй, мистер!», после чего я позволил старику нагнать меня и сделать несколько жадных глотков из бутылки.

Пока мы пробирались мимо причудливых руин посреди всеобщего запустения, я начал было задавать Зейдоку наводящие вопросы, но вскоре сообразил, что его старый язык развязать было не так легко, как мне бы того хотелось. Наконец я заметил среди остатков кирпичных стен пустырь с видом на воду, от которого в море уходил заросший травой земляной пирс, обложенный камнями. Мшистые валуны около воды обещали послужить удобными сидячими местами, а сам пустырь надежно укрывался от посторонних глаз развалинами склада. Найдя наконец идеальную площадку для нашей тайной беседы, я повел туда своего спутника и сразу заметил подходящее местечко среди камней. Все здесь было объято призрачным духом опустошения и смерти, а отвратительный запах рыбы был почти невыносимым, но я твердо решил ничем не отвлекаться от беседы.

На разговор со стариком у меня оставалось около четырех часов, чтобы успеть на восьмичасовой автобус до Аркхема, и посему я сразу разрешил старому пьянчуге залить в себя щедрую порцию спиртного, пока сам уплетал свой скромный обед всухомятку. Я тщательно отмерял свои подношения, опасаясь переборщить, ибо мне совсем не хотелось, чтобы пьяная болтовня Зейдока внезапно сменилась полным беспамятством. Спустя час его настороженность и неразговорчивость начали улетучиваться, но, к моему великому разочарованию, он упрямо уходил от ответов на все мои вопросы об Инсмуте и его покрытом мглой тайны прошлом. Он бубнил о совсем недавних событиях, выказывая немалую осведомленность о газет-

ных публикациях и сильную склонность к философствованию в высокопарном деревенском стиле.

К концу второго часа я уже боялся, что моей кварты виски не хватит, чтобы извлечь из нашего общения сколь-нибудь значимые результаты, и подумал даже о том, чтобы оставить Зейдока одного и сбежать за добавкой. И вдруг, как ни странно, случайный повод вызвал его на откровенность, какой мне не удалось от него добиться всеми моими наводящими вопросами; в очередном раунде пьяного словоблудия вдруг выплыла весьма интересная тема, и я наострил уши, наклонившись к старику поближе. Я сидел спиной к воняющему рыбой морю, а он смотрел прямо на воду, как вдруг что-то заставило его блуждающий взгляд остановиться на далеком силуэте Дьяволова рифа, четко и почти маняще видневшегося над волнами. Это зрелище, похоже, ему не понравилось, ибо он пустился изрыгать тихие проклятия, а под конец перешел на доверительный шепот, сопровождая его многозначительным подмигиванием. Он приник ко мне, ухватил за лацкан сюртука и вполне членораздельно просипел:

– Вона откуда все и пошло – от этого проклятого рифа, где вся эта мерзость обитает, где начинается глубокая вода. Вот где настоящие врата ада – там крутой обрыв подводный до самого глубокого дна, и его глубину ни одним лотом не измерить. Это все учудил старый кэп Оубед – это он нашел на островах Южных морей то, что сослужило ему недобрую службу... В те времена у всех тут дела шли из рук вон... Торговля хирела, фабрики терпели убытки – даже новые, – и лучшие из наших людей полегли на полях войны восемьсот двенадцатого года или потонули вместе с бригам «Элизи» и шхуной «Рейнджер»... оба корабля принадлежали Гилману. У Оубеда Марша было три корабля на ходу – бригантина «Колумб», бриг «Хефти» да барка «Суматра Куин». Сначала только он и вел торговлю в Восточной Индии и на Тихом океане, а это уж потом, токмо в двадцать восьмом году шхуна «Малай Бридж» Эздраса Мартина сошла на воду.

Не было у нас морехода лучше, чем старый кэп Оубед... вот уж сатанинское отродье, прости господи! ... хе-хе... Я своими ушами слышал его рассказы о заморских землях... И как он всех в городе клял и называл дураками – за то, что они ходят на христианские богослужения да несут свое бремя смиренно и безгласно... Говорит, им бы поклоняться другим богам, тем, кто пощедрее – вроде тех, кого чтят в Индии, – эти боги приносят богатый улов рыбы в обмен на жертвоприношения... и воистину слышат вознесенные к ним молитвы...

Мэтт Элиот, его первый помощник, тоже много чего рассказывал, да токмо он был супротив того, чтобы люди поклонялись язычным богам... Рассказывал про один остров к востоку от Отахайтэ⁵, где много каменных развалин, которые стояли там с незапамятных времен... такие же вроде них камни стоят на острове Понапе, в Каролинском архипелаге, но токмо там лица каменные вырезаны, что видом схожи с большими статуями острова Пасхи. Есть там рядом крохотный вулканический островок, где стоят каменные обломки с резьбой – да токмо обломки эти сильно истерлись, точно их долго помотало по морскому дну, и вся их поверхность сплошь в картинках безобразных чудищ...

Да, сэр... А вот Мэтт, тот говорил, что тамошние туземцы добывают рыбы стоко, скоко могут выловить, и носят браслеты на предплечьях и запястьях, а на голове диадемы вроде как из золота и все покрытые картинками чудищ, точно таких же, какие вырезаны на обломках камней на том маленьком островке – а на картинках вроде как рыбоподобные жабы или жабоподобные рыбы, нарисованные в разных позах, словно люди. Никто не мог допытаться у них, откуда все это взялось, и даже туземцы с других островов понять не могли, как это они около того островка умудряются вылавливать так много рыбы, когда у соседних островов никакого лова нет вовсе. Мэтт крепко об этом задумался, и старый кэп Оубед тоже. Оубед, кстати, заметил, что с того островка из года в год исчезают безвозвратно много красивых юношей и что

⁵ Старое европейское название острова Таити.

там почти не видать стариков. И еще он говорил, что кое-кто из тамошних туземцев выглядит больно странно – даже на канаков не похожи!

А Оубед тот прознал-таки правду про энтих язычных. Уж не знаю, как ему удалось, но начал он скупать у них золотые украшения, которые они носили. Он все допытывался у них, откуда, мол, эти вещи и могут ли они еще достать, и наконец вызнал историю у старого вождя – Уалаки его прозывали. Ни один живой человек окромя Оубеда не поверил в старого желтого дьявола, но кэп мог читать людей будто книги... Хе-хе... Никто мне не верит теперича, когда я им говорю, да и вы вряд ли поверите, молодой человек – хотя дайте-ка погляжу на вас... Да, у вас такие же острые глаза для чтения людей, точь-в-точь как у старого Оубеда...

Шепот старика стал едва слышным, и я поймал себя на том, что у меня почему-то мороз по коже пробежал от его ужасно высокопарных, но явно непритворных излияний, хотя я понимал, что его рассказ – не что иное, как пьяная фантазия.

– Да, сэр... Оубед тот знал, что есть на земле много чего такого, о чем простые люди даже не слыхивали и чему не поверили бы, если бы им довелось услышать. Вроде как эти канаки приносили в жертву своих юношей и девиц каким-то божествам – тварям, что жили в морской пучине, а взамен получали от них много каких благодеяний. Моряки встречали этих тварей на том маленьком острове с каменными обломками и вроде как те страшные картинки жаборыб изображали тех самых тварей. А можа, это были как раз те твари, про которых потом пошли легенды о русалках и прочей нечисти.

У них там на морском дне выстроены всякие разные города, и тот островок поднялся как раз со дна. И вроде как кое-кто из энтих подводных тварей еще оставался в своих каменных жилищах, когда островок вдруг выпрыгнул из пучины на поверхность. Вот так канаки и прознали, что они там на дне обитают. А как токмо у них первый страх прошел, они стали с ними беседовать знаками и жестами, да и по-быстрому уговор заключили.

Энтим тварям понравились человечьи жертвоприношения. Давным-давно они людей сами утаскивали на дно, а потом потеряли связь с верхним миром. А что они с жертвами делали, я не скажу, токмо надо думать, что Оубед не стал у них допытываться. Но язычные и сами помалкивали, потому как им и так туго жилось и они сильно переживали из-за этого дела. Они отдавали морским тварям определенное число молодых два раза в год – в канун первой Майской ночи⁶ и в Хэллоуин – всегда токмо в эти дни. А еще отдавали им резные безделушки, которые сами делали. Взамен твари согласились давать им рыбу... много рыбы... которую они стогнали к островку со всего моря – и кое-какие золотые вещицы приносили им изредка, нечасто...

Да... Вот я и говорю, что туземцы встречали тварей на маленьком вулканическом острове, куда приплывали на каноэ с жертвоприношениями, а назад привозили золотые украшения, какие твари им отдавали взамен. Поначалу эта торговля не перемещалась на главный остров, но потом время прошло, и твари захотели туда попасть. Вроде как, пообщавшись с людьми, позарились проводить на главном острове церемонии жертвоприношений – в Майскую ночь и на Хэллоуин. Понимаешь, ты, мил человек, они могли жить и в воде и на суше, – ну как энти... анфибии. Канаки им сказали, что люди с других островов могут их выгнать оттуда, если прознают, что они там появились, но те ответили, что им, мол, наплевать, потому как они могут стереть с лица земли весь род человеческий, ежели захотят, и используют тайные знаки, как это проделали когда-то сгинувшие Старцы, уж не знаю, кто они были. Но твари не захотели связываться, вот и решили затихариться, когда кто-то чужой приедет на остров.

А как дело дошло до спаривания с жабоподобными рыбами, канаки вроде как попервоначалу заупрямились, но потом узнали что-то такое, отчего по-иному на энто дело взглянули. И вроде как наладили родственные отношения с морскими чудищами – и у них теперь все живое,

---

⁶ 1 Имеется в виду Вальпургиева ночь (с 30 апреля на 1 мая) – шабаш ведьм и языческий праздник изгнания ведьм.

что на острове обитает, выходит из воды, а чтоб потом обратно вернуться в море, нужно, чтоб какие-то там у них в теле изменения случились. Твари сказали канакам, что от их кровосмешения родятся дети, которые поначалу будут выглядеть совсем как люди, а со временем все больше будут похожи на энтых тварей, и в конце концов опять вернутся в воду и присоединятся к остальному ихнему населению в морской пучине. И что самое главное, мил человек, те, кто обратятся в рыбоподобных тварей и уйдут жить в воду, уже никогда не помрут. И энти твари никогда не помирают, разве что погибают в сражениях.

Да, сэр... Вроде как к тому времени, как Оубед встретил островитян, в их жилах уже давно текла рыба кровь тех тварей из морской пучины. А с возрастом энти черты в них сильно проявлялись. Их держали взаперти, пока они не чувствовали, что готовы вернуться в море и покинуть остров навсегда. Кто-то был больше прочих к этому готов, а кто-то так и не изменился настоко, чтобы жить в воде. Но большинство изменялись так, как и говорили твари. Те, кто рождались уже похожими на тварей, потом с каждым годом сильно менялись, но те, что больше похожи были на людей, так и оставались на острове и доживали до семидесяти, а то и дольше. Правда, они обыкновенно ныряли поглубже, чтобы проверить, смогут ли они жить под водой. Те, кто стал жить под водой, обычно возвращаются навестить родню, так что часто бывает, что человек разговаривает со своим живым прапрапрапрадедом, который покинул сушу лет двести тому или более...

Все уж там свыклись с тем, что никто не умирает – ну кроме тех, кто гибнет в морских стычках с другими островитянами, или приносится в жертву морским божествам, живущим в пучине, или умирает от змеиных укусов, или от скоротечных болезней, пока они еще не стали жить в воде, а дожидаются, когда же начнет изменяться их внешность, что в общем-то оказалось не так уж и страшно. Думали-думали они и додумались, что получили взамен того, от чего отказались, очень даже выгодное приобретение – и я думаю, что Оубед и сам пришел к такому же выводу, когда он малость поразмыслил над историей старого Уалаки. А Уалаки, тот один из немногих, в ком нету ни капли рыбьей крови – он был из королевского клана, и все они женились на других представителях королевских кланов с других островов.

Уалаки, тот научил Оубеда многим обрядам и песнопениям, чтобы завлечь морских тварей, и водил его к старикам в деревне, которые с возрастом сильно изменились и внешне перестали быть похожими на людей. Но Уалаки, уж не знаю почему, никогда не позволял Оубеду увидеть хоть одним глазком настоящую тварь со дна моря. А в конце он дал ему странную штуковину, сделанную то ли из олова, то ли из какого другого металла, с помощью которой, как он сказал, можно вызвать тварей в любом месте моря, где у них под водой есть обиталище. Надо токмо сбросить ее в воду и сказать правильную молитву. Уалаки сказал, что энти твари живут повсюду на нашей земле, так что ежели поискать хорошенько, всякий может найти их обиталище на дне морском и вызвать оттуда наружу – было бы желание.

А Мэтту, тому все это совсем не понравилось, и он настаивал, чтобы Оубед держался от острова подальше, но кэп был алчный до денег. И решил, что сможет скупать у туземцев те золотые слитки задешево и займется выплавкой золота. Так продолжалось много лет, и Оубед скопил достаточное количество золотых слитков, чтобы начать аффинажное производство в заброшенном здании сукновальной фабрики Уэйта. Он не хотел перепродавать эти слитки в их обычном виде, потому как люди начали бы задавать ему вопросы, откуда, мол... Но все ж таки членам его команды дозволялось время от времени брать себе по слиточку и втихаря загонять их из-под полы в разных местах, хотя с них брали клятву, что они будут держать язык за зубами, а еще кэп позволял носить кое-какие из энтых золотых вещей женщинам из своего клана, которые больше прочих были похожи на обычных людей.

Да, ну году в тридцать восьмом – а мне об ту пору было семь годков – Оубед обнаружил, что с того острова всех жителей как ветром сдуло, как раз между двумя его плаваниями. Похоже, на соседних островах прознали, что там что-то неладное творится, и взялись сами

исправить положение. Надо думать, они похватали все старые магические символы, потому как морские твари говорят, это единственное, чего они боялись. Тут и гадать нечего, скоко канаков смогли спрятаться, когда со дна морского выскочил остров с каменными изваяниями еще с допотопных времен. Бог его знает, они не оставили камня на камне ни на главном острове, ни на маленьком вулканическом островке, кроме тех каменных столбов, что были слишком большими, чтобы их свалить. Кое-где повсюду были разбросаны маленькие камушки – точно амулеты – с диковинными знаками на поверхности, вроде тех, что сегодня называют свастикой. Может, это и были магические символы Старцев. Да, всех людей с острова как ветром сдуло, и золотые слитки исчезли без следа, а канаки с соседних островов как воды в рот набрали – ничего не рассказывали, что же там произошло. Даже божились, что, мол, никаких людей на этом островке отродясь и не было.

Все это, понятное дело, отразилось на Оубеде, потому как его торговля быстро захирела. Отразилось это и на Инсмуте, потому как в пору активного судоходства от выгоды, которая доставалась хозяину корабля, соответственно, перепало и команде. Большинство жителей Инсмута к свалившимся на них тяготам отнеслись смиренно и опустили руки, а тяготы были оттого, что рыболовство заглохло, а городские фабрики встали без работы.

Вот тогда-то кэп Оубед и начал ругать людей за то, что они ведут себя как покорные овцы и молятся христианскому богу, который им совсем не помогает. И он рассказал всем, что встречал людей, поклонявшихся богам, которые давали им то, в чем они нуждались, и еще сказал, что ежели команда крепких мужчин согласится его поддержать, он, может быть, сумеет убедить какие-то высшие силы дать им обильные косяки рыбы да золотишка побольше. Ясное дело, те, кто служили у него на «Суматра Куин» и видели тот остров, сразу скумекали, что это значит, да не больно-то им хотелось иметь дело с морскими тварями, о которых они были наслышаны, но те, кто не понимал, что это значит, встали на сторону Оубеда и начали спрашивать его, что он может сделать, чтобы направить их на путь новой веры, которая быстро принесет плоды...

Тут старик запнулся, что-то пробормотал и, впав в печальную задумчивость, умолк: его точно что-то испугало. Он нервно оглянулся через плечо и потом стал глядеть, как зачарованный, на темнеющий вдаль риф. Когда я заговорил с ним, он не ответил, и я понял, что расшевелить его сможет только очередная порция виски. Безумный рассказ, который я только что выслушал, заинтересовал меня безмерно, ибо я подумал, что в нем скрыта некая аллегория, в которой реальные факты странной истории Инсмута смешались с дикими выдумками изощренного ума и фрагментами туземных легенд. Я ни на секунду не поверил, что эта сказка имела под собой сколько-нибудь достоверную основу, и тем не менее рассказ старика заставил меня невольно испытать подлинный ужас, хотя бы потому, что в нем упоминались диковинные украшения вроде той злосчастной тиары, которую я видел в Ньюберипорте. Возможно, орнаменты, покрывающие ту тиару, были созданы на некоем неведомом острове, и вполне возможно, что все фантастические истории про клад выдумал не этот дряхлый пьянчужка, а сам старик Оубед.

Я отдал Зейдоку бутылку, и он осушил ее до дна. Я подивился, как это в него влезает так много виски, ибо его громкий задыхающийся голос ничуть не осип, как это бывает с захмелевшими. Он облизал горлышко и сунул бутылку в карман, после чего начал кивать и бубнить что-то себе под нос. Я наклонился, чтобы расслышать хотя бы отдельные слова, и мне показалось, что я различил сардоническую ухмылку сквозь густые заросли седых усов. Да, он и впрямь старался четче проговаривать слова, и я разобрал почти все, что он шептал.

– Бедняга Мэтт... Мэтт всегда был супротив этого... все пытался перетянуть людей на свою сторону и имел долгие беседы в разных приходах с проповедниками в Конгрегационных церквях, да токмо без толку... А методистский пастор исчез, и никто больше не видел Твердобого Бэбкока, баптистского проповедника... излился гнев Иеговы... Я в ту пору еще был

совсем малец... но я слышал своими ушами то, что слышал, и видел своими глазами то, что видел, – Дагон и Астортет – Велиал и Вельзевул – Золотой телец и идола ханаанские и филистимляньские – мерзости вавилонские ... Мене, мене, текел, фарес...

Он вновь умолк, и, глядя в его слезящиеся голубые глаза, я испугался, что он вот-вот упадет в пьяное бесчувствие. Но стоило мне слегка потрепать его по плечу, как он на удивление живо отреагировал и, резко оборотившись ко мне, выпалил еще несколько туманных сентенций.

– Не веришь мне, что ли? Хе-хе-хе... Тогда скажи мне, мил человек, почему кэп Оубед и еще два десятка других молодцов имели привычку плавать к Дьяволову рифу в крошечной ноли и распевать там молитвы, да так громко, что когда ветер дул с моря, весь город слышал каждое их слово? Что скажешь, а? И скажи-ка мне, почему Оубед всегда бросал тяжелые предметы в воду по ту сторону рифа, где сразу начинается глубина и где дна не достать, сколько ни опускай туда лот? И скажи мне, что он сделал с той металлической штуковиной странной формы, которую ему дал Улаки? А, мил человек? И что они все воют хором на Майскую ночь, а потом в Хэллоуин? И почему новые церковные проповедники – из его бывших моряков – носят эти чудные рясы и надевают на голову эти золотые штуковины, которые Оубед привез из плаваний? А?

Слезящиеся голубые глаза теперь глядели почти дико и маниакально, и грязная седая борода топорщилась, точно наэлектризованная. Старый Зейдок, возможно, заметил, как я невольно отпрянул, потому что он вдруг мерзко захихикал:

– Хе-хе-хе-хе! Ну что, начинаешь прозревать? А мож, хочешь стать мной, как в те дни, когда я по ночам видел кое-что в море с крыши моего дома? Доложу я тебе, у маленьких детишек ох какие большие уши! И я не пропускал мимо ушей ни одну из сплетен о старом кэпе Оубеде и людях, кто плавал на риф! Хе-хе-хе... А как насчет той ночи, когда я взял папашину подзорную трубу, забрался на крышу и стал смотреть на риф и увидел, что весь риф кишмя кишит тварями, которые, как только луна взошла, сразу попрыгали в воду?

Оубед со своими людьми плыл в яlike, а эти твари прыгали в воду с дальней стороны рифа прямо в глубину и больше не появлялись...

Ну что, можешь представить себе мальчонку, который забрался на крышу и наблюдает в подзорную трубу за тварями, совсем не похожими на людей? Хе-хе-хе-хи-хи...

Старик зашелся истерическим хохотом, и я съехался от охватившей меня непонятной тревоги. Тут он вцепился костистыми пальцами в мое плечо, и мне показалось, что его рука трясется вовсе не от смеха.

– А представь: однажды ночью мальчонка видит, как за рифом с яlike Оубеда сбросили что-то тяжелое, а на следующий день выясняется, что в городе пропал парнишка. Эй? Никто не видел Хирама Гилмана? Нет? Ни пуговицы с рубашки, ни волоса с головы? Нет? А Ник Пирс куда делся? И Луэлл Уэйт? А куда пропал Адонирам Саутвик? А Генри Гаррисон? А? Хе-хе-хе... Твари говорят друг с дружкой языком жестов, размахивая руками... ну, тем, что им заменяет руки...

Да, сэр, вот тогда-то у старого кэпа Оубеда дела снова пошли в гору. И люди заметили, что его три дочери стали носить золотые украшения, каких никто на них раньше не видел, а потом – ба! Из трубы над аффинажным заводом опять дым пошел! Ну и другим тоже удача подвалила... рыба начала косяками заходить в наши воды, только успевай сети вытаскивать, и бог знает сколько рыбных грузов мы начали отправлять в Ньюберипорт, в Аркхем и даже в Бостон. Вот тогда-то Оубед провел сюда ветку от старой железной дороги. А потом какие-то рыбаки из Кингспорта прослышали про наши несусветные уловы и кинулись сюда толпами, да только все они куда-то пропали. Никто их никогда больше не видел. Вот тогда-то у нас и учредили Эзотерический Орден Дагона и выкупили у масонов здание их храма. Хе-хе-хе... Мэтт Элиот был масон и противился продаже храма, да и он как раз в то самое время сгинул бесследно.

Вы имейте в виду: я же не утверждаю, что Оубед намеревался все тут у нас устроить так, как было заведено у канаков на том островке. Вряд ли он поначалу думал о кровосмешении или о подготовке детишек к будущей жизни под водой и об их превращении в рыб для вечной жизни. Он токмо и хотел занять побольше золотых вещей и готов был платить за это хорошую цену, и я так думаю, что все были всем довольны первое время.

А в сорок шестом году горожане посмотрели вокруг да призадумались. Уж больно много народу исчезает – больно много безумных проповедей на воскресных службах, больно много сплетен о рифе. Я так думаю, в том отчасти есть и моя вина. Ведь это я рассказал члену городского совета Маури о том, что видел тогда в подзорную трубу с крыши все, как было. И вот как-то ночью целая депутация отправилась на ялике следом за Оубедом и его людьми к рифу. И я слышал, что между ними завязалась перестрелка в море. А наутро Оубед и тридцать два его молодца оказались в городской тюрьме, и все начали гадать, как оно теперь обернется и какое обвинение им могут предъявить. Господи, кабы можно было заглянуть в будущее... И вот спустя пару недель... а все это время в воду за рифом ничего не бросали...

Зейдок осекая, всем своим видом демонстрируя страх и усталость, и я позволил ему помолчать немного, а сам то и дело нервно поглядывал на часы. Настала пора прилива, и шум набегающих волн словно придавал старику сил. И я был рад приливу, потому что во время прилива мерзкий запах рыбы немного рассеялся. Я снова напряг слух, чтобы не пропустить ни единого слова.

– В ту ужасную ночь... я их видел. Я забрался в башенку на крыше... стаи тварей... тучи... Они усеяли весь риф и пересекали бухту, чтобы заплыть в Мануксет... Боже, что творилось в ту ночь на улицах Инсмута... кто-то постучался в нашу дверь, но папаша не открыл... а потом он вылез из окна кухни со своим мушкетом и пошел искать мистера Маури, хотел узнать, какая от него помощь требуется... По улицам лежали горы трупов и умирающих... слышались выстрелы и вопли... Люди кричали на Олд-сквер, и на Таун-сквер, и на Нью-Чёрч-Грин – ворота тюрьмы взломали – кто-то орал «свобода!», а кто-то «измена!»... А потом спускались все на эпидемию, когда приехали люди из соседних городов и обнаружили, что половина жителей Инсмута исчезла... никого в живых не осталось, кроме тех, кто сошелся с Оубедом и этими тварями или же сидел тихо. А папашу своего я с той ночи больше не видал...

Старик задыхался, по его лбу ручьями тек пот. Но его костистые пальцы еще крепче впивались в мое плечо.

– А к утру все прибрали... да не до конца, следы побоища остались... Оубед тот вроде как взял на себя власть и сказал, что отныне в городе все переменится... все горожане должны молиться с ними на общих собраниях, а дома должны будут принимать гостей... Энтих тварей, значит, для кровосмешения... которые захотели с нами проделывать то, что раньше проделывали с канаками, и он не собирался им в этом мешать. Он совсем сбрендил, Оубед, просто свихнулся на этой теме. Он сказал: они дают нам рыбу и сокровища, и им надо взамен давать то, чего им надобно...

Если кто к нам со стороны приедет, говорит, пусть видят, что в городе все идет по-прежнему, ничего не изменилось, а мы не должны заводить разговоров с приезжими, если желаем себе добра... Все мы должны были дать клятву Дагону, а опосля кое-кто из нас дал и вторую, и третью клятву. А те, кто особенно себя проявил, получали особенную награду – золотишко и всякие сокровища. Смысла артачиться не было, потому как энтих тварей на дне морском были миллионы! Сами они не хотели устраивать облавы на людей или уничтожать род человеческий, но ежели бы их спровоцировали и вынудили к тому, они могли много бед принести на землю... У нас не было старинных амулетов, чтобы отвадить их, как энтю делали туземцы Южных морей, а канаки ни за что бы не раскрыли нам своих тайн.

Им и жертвы приносили вдосталь, и дикарские побрякушки бросали в воду, и пускали их на постой в дома, когда им того хотелось, и они нас не тревожили. И никто не боялся, что

приезжие разнесут о нас всякие слухи – ну само собой, ежели они не станут совать свой нос куда не надо... И все вступили в конгрегацию праведных – Орден Дагона, – чьи дети никогда не будут умирать, а вернуться к Матери Гидре и Отцу Дагону, от которых все мы исходим... Йа! Йа! Ктулху фтагн! Ф'нглуи мглу'наф Ктулху Р'лхех вгах-нагл фтага...

Старый Зейдок уже нес совершеннейший бред, и я затаил дыхание. Бедняга! В какие же ужасные бездны галлюцинаций низвергся сей плодовитый творческий ум под воздействием алкоголя, одиночества, окружающего запустения и уродства! Он застонал, и слезы заструились по его морщинистым щекам, теряясь в космах седой бороды.

– Боже, с тех пор, как мне сровнялось пятнадцать, чего я только не видел... Мене, мене, текел, фарес! Люди исчезали, кончали с собой... а тех, кто рассказывал про Инсмут в Аркхеме или в Ипсвиче и в других городах, называли безумцами, вот как ты, мил человек, называешь меня сейчас... но боже ты мой, что я видел... Меня бы давным-давно убили за мою болтовню... да токмо я дал и первую, и вторую клятву Дагона самому Оубеду, и потому я нахожусь под его защитой, да токмо покудова их жюри не докажет, что я болтаю осознанно и намеренно. А вот третью клятву я не дам... Я лучше умру, чем сделаю это...

Это случилось как раз в Гражданскую войну, когда дети, рожденные в сорок шестом, выросли – ну то есть те, что выжили. Я боялся... И никогда больше не подглядывал за тварями после той страшной ночи и ни разу, за всю свою жизнь, не видел их вблизи. Ну, то есть живьем... Я пошел на войну, и коли бы мне хватило ума да отваги, я бы сюда не вернулся, а осел бы где-нибудь подальше от этого проклятого места. Но соседи писали мне в письмах, что в Инсмуте дела не так уж и плохи. А все потому, я так думаю, что в шестьдесят третьем в городе разместился правительственный призывной пункт. И после войны опять все стало плохо. Население пошло на убыль – фабрики да магазины закрывались – судоходству пришел конец, гавань зачахла – и железная дорога тоже – а они... они не переставали приплывать к нам с Дьяволова рифа и плескаться в реке – и все больше чердачных окон в домах забивали досками... и все больше слышалось криков из домов, в которых вроде как никаких жильцов не было...

В соседних городах люди болтают о нас всякие байки – я так думаю, ты сам их слышал немало, судя по твоим вопросам... И о том, как кто-то тут когда-то видел уродов, и о том неведомом золоте, которое до сих пор откуда-то все появляется и появляется – да не все в слитках... но тут ничего точно сказать нельзя. Никто ничему не верит. Считается, что золотые побрякушки были пиратской добычей, считается, что в жителях Инсмута то ли чужая кровь течет, то ли неведомая болезнь сидит, то ли еще что. Да еще здешние жители отваживают всех приезжих, а кого не могут отвадить, тем советуют не слишком любопытничать, особенно по ночам. Животные пугались тварей – особенно нервничали лошади и мулы, – но как токмо лошадей заменили автомобили, в городе вроде стало поспокойнее.

В сорок шестом кэп Оубед во второй раз женился, да токмо его жену никто в городе никогда не видал – говорят, он не хотел жениться, да пришлось, когда *они* его заставили... От нее у него трое детей было, двое пропали еще в детстве, а дочка, говорят, выглядела как все и образование получила в Европах. Оубед в конце концов исхитрился выдать ее замуж за аркхемского парня, который ничего такого не подозревал. Вот теперь никто из соседних городов не хочет знаться с инсмутцами. Барнабус Марш – он сейчас ведет дела на аффинажном заводе, – внук Оубеда от первой жены, сын Онисифора, старшего сына кэпа, а его мать была из таких, кого никогда не выпускали из дома.

Сейчас Барнабус совсем изменился. Глаза у него больше не закрываются, и сам весь стал какой-то скрюченный. Говорят, он еще носит человеческую одежду, но скоро уплывет в море. А может, он уже и попробовал это сделать, – иногда они ненадолго ныряют на глубину, прежде чем навсегда уплыть на морское дно. На люди он не показывался уж лет десять как. Даже не знаю, каково его бедной жене... она сама родом из Ипсвича, и там местные чуть не линчевали

Барнабуса, когда он за ней ухлестывал лет пятьдесят назад. Оубед тот помер в семьдесят восьмом, и все его следующее поколение теперь уж померло – детей от первой жены нет, как и прочих... Одному богу известно, куда они подевались...

Шум прибора усилился, и мало-помалу мерный рокот волн повлиял на настроение старика, чья пьяная слезливость сменилась опасливой настороженностью. Он то и дело замолкал и начинал то нервно озираться, то пристально всматриваться в далекий риф, и я, невзирая на всю фантастическую абсурдность его рассказа, тоже ощутил инстинктивный страх. Голос Зейдока теперь звучал на повышенных тонах, точно он пытался громкой речью прищипорить свою смелость.

– Эй вы! А чего ж вы молчите? Как бы вам понравилось жить в городе вроде нашего, где все вокруг гниет и умирает, и повсюду в домах с заколоченными окнами чудища ползают, и клеочут, и лают, и прыгают по черным погребам и чердакам... А? А как вам понравится слушать каждую ночь вой из церквей и из храма Ордена Дагона? И знать, что энто за вой? А как вам понравятся вопли с энтого рифа в каждую Майскую ночь да на Хэллоуин? А? Думаете, старик из ума выжил? Хе-хе... Да, сэр, я вам вот расскажу еще не самое ужасное!

Зейдок уже буквально кричал на крик, и безумная иступленность его голоса уже не просто тревожила, но поистине пугала меня.

– Будьте прокляты! И неча таращить на меня глаза – говорю же, Оубед Марш в аду, и быть ему там вовеки! Хе-хе... В аду, говорю! Ему меня не достать! Я ничего не сделал и никому еще ничего не рассказал...

А, это вы, мил человек? Ну, ежели я еще никому ничего не рассказал, то уж сейчас вот расскажу! Вы токмо сидите тихо и слушайте меня, юноша, – такого я еще никогда никому не рассказывал. Я перестал за ними подглядывать в подзорную трубу после той ночи – но я и без того много чего вызнал...

Хотите узнать, что такое настоящий ужас, а? Ну, так вот он... Это не то, что уже сделали те рыбы-дьяволы, а то, что они собираются сделать! Они приносят с собой в город вещи из своей морской пучины... несколько лет приносили, да в последнее время чего-то уже не так ретиво... Дома к северу от реки, что стоят промежду Уотер- и Мейн-стрит, битком набиты – в них полным-полно и дьяволов морских, и их добра... И когда они будут готовы... говорю же, когда будут готовы... Вы когда-нибудь слыхали о шогготе?

Эй! Вы меня слушаете или нет? Я же говорю вам, я знаю, что они принесли с собой! Я видел однажды ночью, когда... эх-ха-ха!...

Старик завопил так неожиданно и с таким исступлением, что я чуть не лишился чувств от страха. Его глаза, устремленные мимо меня к зловонному морю, чуть не вылезали из орбит, а лицо обратилось в маску ужаса. Его костистые пальцы больно сжали мое плечо, но он замер без движения, когда я обратил взгляд к морю в попытке увидеть то, что привлекло его внимание.

Однако я ничего не увидел – только мерно набегающие на берег волны прибоем да какую-то рябь на воде, явно от подводных течений в гавани, а не от выступающих в море волнорезов. Но теперь Зейдок затряс меня, и, повернувшись к нему, я увидел, как его лицо, казавшееся ранее неподвижной и искаженной страхом маской, ожило: веки быстро заморгали, а губы начали беззвучно шевелиться. Наконец к нему вернулся дар речи – точнее, дрожащего шепота.

– Уезжайте отсюда! Уезжайте! Они нас видели – бегите отсюда во всю мочь! Ничего не ждите – теперь они знают – бегите! Быстрее! Прочь из города...

Мощная волна ударила в дряхлую каменную стену бывшего пирса, после чего еле слышимый шепот полоумного старика сменился леденящим кровь нечеловеческим воплем:

– Ээээйаааааааааххх... Ихооооооооаааа!

Прежде чем я успел прийти в себя, костистые пальцы отпустили мое плечо: старик вскочил на ноги и, обойдя полуразвалившуюся складскую стену, заковылял к северу, чтобы затеряться в лабиринте улиц.

Я снова взглянул на море, но там ничего не было. А когда я добрался до Уотер-стрит и внимательно оглядел ее от одного конца до другого, Зейдока Аллена уже и след простыл.

IV

Едва ли я смогу описать свое состояние, в которое меня ввергла эта душераздирающая сцена – столь же безумная и печальная, сколь нелепая и ужасающая. И хотя юноша-бакалейщик предупреждал меня о возможности такого поворота событий, тем не менее финал беседы со стариком вызвал во мне беспокойное чувство уныния. Какой бы наивной ни казалась история, поведенная стариком Зейдоком с безумной искренностью и неподдельным ужасом, она лишь усилила мои тревогу и неприязнь к обаятому мглой тайны городу и его невзгодам.

Позднее я бы мог трезво проанализировать рассказ старика, отсеять все лишнее и вычленить зерно исторической аллегории; но сейчас я лишь хотел поскорее забыть о нем. Уже было довольно – если не сказать слишком – поздно: мои часы показывали 19:15, а аркхемский автобус отправлялся от Таун-сквер ровно в восемь – поэтому я постарался привести свои растрепанные мысли в порядок и быстро зашагал по пустынным улицам мимо домов с покосившимися стенами и зияющими провалами в крышах к гостинице, где я оставил свой саквояж и где намеревался дожидаться автобуса.

Хотя золотистые отсветы заката на древних крышах с торчащими осколками печных труб создавали некую атмосферу мистической прелести и покоя, я то и дело с опаской оглядывался через плечо.

Я думал о том, с какой радостью покину зловонный и подернутый мглой страха Инсмут, и мечтал обнаружить на площади какой-нибудь еще вид транспорта помимо автобуса со злобющим Сарджентом за рулем. И все же я не слишком торопился, потому что буквально на каждом углу меня встречала новая архитектурная достопримечательность, достойная неспешного осмотра, и, по моим расчетам, я мог легко одолеть оставшееся расстояние за какие-то полчаса.

Изучая нарисованную юношей-бакалейщиком карту в поисках еще не известного мне маршрута, я решил дойти до Таун-сквер не по Стейт-, а по Марш-стрит. Ближе к углу Фолл-стрит мне стали попадаться группки горожан, которые о чем-то тихо перешептывались, и, выйдя, наконец, на площадь, я увидел, что у входа в «Гилман-хаус» собралась чуть не целая толпа. Получая у портье свой саквояж, я спиной чувствовал, как меня буравили немигающие взгляды выпученных водянистых глаз. Я молил судьбу о том, чтобы ни один из этих малопривлекательных субъектов не оказался моим попутчиком.

Автобус довольно рано, за несколько минут до восьми, прогрехотал по мостовой, привезя трех пассажиров, и, как только он остановился, злобного вида парень на тротуаре шепнул водителю на ухо что-то неразборчивое. Сарджент выкинул из салона мешок с почтой и сверток газет и вошел в гостиницу, а из автобуса, шаркая, вышли пассажиры – те самые мужчины, которые приехали сегодня утром в Ньюберипорт, – и обменялись с одним из горожан парой гортанных слов на языке, который – могу поклясться – не был английским. Я забрался в пустой салон и сел на то же самое место, на котором сидел утром. Но не успел я толком расположиться, как появился Сарджент и начал что-то бормотать омерзительным гортанным голосом.

Похоже, мне сильно не повезло. Из его лопотания я уяснил, что у автобуса забарахлил мотор, и хотя из Ньюберипорта он приехал точно по расписанию, в Аркхем сегодня поехать мы уже не сможем. Нет, вряд ли мотор починят до утра, и другого транспортного сообщения ни с Аркхемом, ни с каким иным городом нет. Очень жаль, но придется мне переночевать в «Гилман-хаусе», сообщил Сарджент, другого выхода нет. Возможно, портье найдет для меня номер по сходной цене. Ошеломленный этим непредвиденным препятствием и не на шутку напуганный мыслью, что мне предстоит провести ночь в этом обветшалом и скудно освещенном городе, я вышел из автобуса и снова вернулся в гостиничный вестибюль. Странноватого

вида угрюмый ночной портье заявил, что может предложить мне только комнату 428 на верхнем этаже – там, правда, нет водопровода, зато номер просторный и всего за доллар.

Несмотря на дурные отзывы об этой гостинице, слышанные мной в Ньюберипорте, я расписался в регистрационной книге, уплатил доллар за ночь, а потом, передав саквояж мрачному портье, последовал за ним и преодолел три лестничных пролета по скрипучим лестницам, мимо пыльных коридоров, по которым, как мне показалось, давно никто не ходил. Мой убогий номер, располагавшийся в задней части здания, был обставлен невыразительной дешевой мебелью и имел два окна с видом на унылые задворки: замусоренный двор был с обеих сторон зажат невысокими кирпичными строениями; позади двора виднелись тянущиеся в западном направлении ветхие крыши, а еще дальше – болотистая низина. В конце коридора находилась ванная комната – увечный реликт старины с допотопной мраморной раковиной, железной ванной, тусклой лампочкой под потолком и полусгнившими фанерными панелями, прикрывавшими трубы.

Еще не стемнело, и я спустился вниз, вышел на площадь и огляделся в поисках заведения, где можно было бы поужинать, попутно заметив устремленные на меня взгляды прохожих весьма болезненного вида. Поскольку бакалейный магазин был уже закрыт, мне пришлось посетить закусочную, которую я проигнорировал днем. Посетителей обслуживал сутулый узкоголовый мужчина с выпученными немигающими глазами, приплюснутым носом и невероятно толстыми неуклюжими руками. Обслуживание велось у стойки, и к своему облегчению я сразу заметил, что почти все меню исчерпывается готовой едой из консервных банок и пакетов. Я удовольствовался миской разогретого овощного супа с крекерами и вскоре вернулся в свой жалкий номер в «Гилман-хаусе», по пути захватив у уродливого портье вечернюю газету и засиженный мухами журнал, которые тот снял с шаткой стойки.

За окном уже сгустились сумерки, и, включив тусклую лампочку над дешевой железной кроватью, я попытался продолжить начатое чтение. Я считал целесообразным чем-то занять себя, чтобы не терзаться понапрасну бессмысленными размышлениями о странностях древнего городка, окутанного мглой тайн. Фантастический рассказ престарелого пьянчуги не предвещал приятных сновидений, и я старался поскорее забыть его полоумные слезящиеся глаза. И еще я силился не вспоминать ни о рассказе фабричного инспектора, поведавшего билетному кассиру в Ньюберипорте о «Гилман-хаусе» и беседе его ночных постояльцев, ни о видении призрачного лица под тиарой в черном проеме церковной двери, вызвавшего у меня необъяснимый ужас. Возможно, мне было бы куда легче отвлечься от тревожных раздумий, если бы в моем номере не так воняло затхлой сыростью. Этот трупный смрад, вкупе с витавшей над городом рыбной вонью, заставлял постоянно думать о тлении и смерти.

Еще меня сильно беспокоило отсутствие задвижки на моей двери. Когда-то задвижка была, о чем свидетельствовали следы от креплений на дверной панели, но, судя по свежим следам от гвоздодера, ее недавно сняли. Как я догадался, задвижка просто сломалась, что не удивительно для такого обветшавшего здания, где все, казалось, дышало на ладан. Нервничая, я обвел взглядом комнату и обнаружил задвижку на прессе для одежды – того же размера, что и снятая с двери. Чтобы хоть немного успокоить нервы, я занялся переносом задвижки на дверь, воспользовавшись карманным набором отверточек, который всегда висит у меня на связке ключей. Задвижка подошла идеально, и я немало успокоился, убедившись, что перед сном смогу надежно запереть входную дверь. Не то чтобы у меня были реальные опасения по поводу предстоящей ночи, но в такой обстановке я был готов обрадоваться любому, пускай даже символическому, атрибуту безопасности. На межкомнатных дверях, соединяющих соседние номера с моим, я обнаружил вполне надежные засовы и тоже их задвинул.

Я не стал раздеваться и решил читать до того момента, как меня начнет клонить в сон, и заснуть, не снимая сюртука, воротничка и башмаков. Достав из саквояжа фонарик, я положил его в карман брюк, чтобы осветить им циферблат часов, если вдруг я проснусь среди ночи.

Но сон не приходил. И когда я бросил газету и стал анализировать свои мысли, я, к своему ужасу, понял, что неосознанно вслушиваюсь в тишину, пытаюсь различить некие неопределимые пугающие звуки. Должно быть, рассказ фабричного инспектора подействовал на меня сильнее, чем я думал. Я вновь взялся за газету, но мой взгляд уперся в одну строчку, дальше которой не мог двинуться. Спустя какое-то время мне почудились шаги в коридоре и скрип ступенек на лестнице, и я решил, что это новые постояльцы въезжают в пустующие номера. Однако никаких голосов я не слышал, и мне пришло в голову, что такой тихий скрип издают половицы, если человек ступает по ним крадучись, словно таясь от кого-то... Мне это сразу не понравилось, и я стал раздумывать, не лучше ли сегодня ночью вообще не спать. В этом городе немало странных субъектов, и тут, как утверждали, случались исчезновения людей. А вдруг это одна из тех гостиниц, где денежных постояльцев убивают и грабят? Хотя, конечно, посмотришь на меня – и сразу станет ясно, что я не купаюсь в роскоши. Или местные жители и впрямь терпеть не могут чересчур любопытных приезжих? Неужели мои хождения по городу с картой в руке были замечены и вызвали у кого-то раздражение? Но потом я подумал, что, верно, нахожусь в слишком сильном нервном возбуждении, если случайный скрип на лестнице породил у меня столь безумные фантазии. Правда, я подсадовал, что у меня с собой не было оружия.

Наконец, чувствуя неимоверную усталость – хотя сна не было ни в одном глазу, – я закрыл входную дверь на задвижку, выключил свет и улегся на твердый бугристый матрас – не раздевшись и не разувшись. Во тьме каждый тихий ночной звук казался преувеличенно громким, и меня снова начали обуревать тревожные мысли. Я уже пожалел, что выключил свет, но был слишком утомлен, чтобы подняться и включить лампочку снова. Потом, после долгой томительной паузы, послышался легкий скрип ступенек и половиц в коридоре, и я, точно в оправдание самых дурных предчувствий, услышал в замке металлический лязг, отчего мое сердце бешено заколотилось. Не было ни малейшего сомнения: кто-то пытался – осторожно, тайком – открыть ключом мою дверь.

Моя реакция на этот явный сигнал грозящей опасности была, пожалуй, менее, а не более панической из-за уже испытанных мною смутных страхов. Я инстинктивно предпочел оставаться начеку, хотя для этого не было никаких оснований, просто чтобы иметь преимущество на случай непредвиденной ситуации – если вдруг таковая возникнет. Тем не менее новый характер угрозы, когда смутное предчувствие опасности сменилось ее осязаемым проявлением, буквально поверг меня в шок. Мне даже не пришло в голову, что кто-то пытался вставить ключ в мой дверной замок просто по ошибке. Я мог думать только о чем-то злом умысле и затаился в ожидании следующих действий непрошеного гостя.

Потом лязг стих, и я услышал, как отперли соседний номер с помощью универсального ключа. Потом кто-то попробовал открыть межкомнатную дверь между моим и соседним номером. Но закрытая на задвижку дверь не поддавалась. Через мгновение я услышал скрип половиц: неизвестный вышел из номера. А через мгновение опять послышалось тихое клацанье, и мне стало ясно, что на сей раз вошли в соседний номер с другой стороны. Кто-то вновь осторожно попытался открыть межкомнатную дверь, но и она была на задвижке, после чего я услышал скрип половиц. Потом звук удаляющихся шагов донесся с лестницы, из чего я заключил, что непрошенный гость, обнаружив, что все двери в моем номере заперты на задвижки, оставил попытки проникнуть ко мне. Но надолго ли? Последующие события покажут, решил я.

Готовность, с которой я приступил к плану действий, доказывает, что инстинктивно я все время находился в ожидании опасности и подсознательно перебирал возможные варианты спасения. С самого начала я чувствовал, что невидимый гость представляет опасность и что самое разумное – не встретиться с этой опасностью лицом к лицу, а поскорее ее избежать. Для меня теперь самое главное было выбраться из гостиницы живым, причем не по главной лестнице и не через вестибюль.

Я тихонько встал с кровати и, включив фонарик, направил его луч на выключатель лампочки над кроватью, чтобы при свете лампочки собрать вещи, а потом быстро отсюда убежать, оставив саквояж в гардеробе. Я несколько раз пощелкал кнопкой, но безрезультатно: видимо, в здании отключили электричество. Тут мне стало ясно, что это неспроста и все происходит согласно некоему зловещему плану, но какова его цель, я не имел ни малейшего понятия. Пока я стоял и раздумывал над сложившейся ситуацией, все еще нажимая на бесполезный выключатель, приглушенный скрип половиц раздался в номере подо мной, и мне почудилось, что я различил несколько голосов, вступивших в тихую беседу. Спустя мгновение я уже засомневался, что это были голоса, потому что лающие и квакающие звуки не имели никакого сходства с человеческой речью. И тут же с накотившим на меня ужасом я опять вспомнил рассказ инспектора фабрик об ужасных голосах, которые он слышал ночью в этом ветхом зловонном здании.

Рассовав при свете фонарика кое-какие вещи по карманам, я надел шляпу и на цыпочках подошел к окнам, чтобы оценить возможность побега. Несмотря на действующие в штате правила безопасности, пожарная лестница в этой части здания отсутствовала, и я понял, что мне придется спрыгнуть из окна, причем мои окна находились на высоте трех этажей от вымощенного булыжником двора. Справа и слева, однако, я заметил стоящие вплотную к зданию гостиницы ветхие хозяйственные постройки с двускатными крышами, и спрыгнуть на них из окна моего номера большого труда не составляло. Только с одной поправкой: чтобы оказаться прямо над крышей правого или левого здания, мне бы надо было находиться на две комнаты левее или правее от моего номера – и я стал тут же соображать, каким же образом можно оказаться в одной из них.

Я решил не рисковать и не выходить в коридор, где мои шаги, несомненно, услышат, и тогда я едва ли смогу осуществить план побега. Я бы смог достичь цели и добраться до соседних номеров, если бы смог преодолеть с виду непрочные межкомнатные двери, но для этого пришлось бы применить силу, чтобы взломать замки и задвижки, а если дверь не поддастся, воспользоваться плечом как тараном. Это возможно, решил я, если учесть ветхость здания и его оборудования. Но в то же время мне было понятно, что я не смогу все это проделать бесшумно, поэтому придется положиться исключительно на стремительность моих действий и на малый шанс, что я успею добраться до нужного окна прежде, чем мои преследователи преградят мне путь. Дверь же своего номера я забаррикадировал, придвинув к ней тяжелое бюро, причем постарался сделать это без лишнего шума.

Я отдавал себе отчет в призрачности надежды на успех и был готов к любой неожиданности. Даже если бы мне удалось спрыгнуть на крышу соседнего здания, это не решало всех проблем: ведь мне еще надо будет спуститься с крыши на землю, а потом каким-то образом выбраться из города. Одно обстоятельство было мне на руку: соседнее кирпичное здание было давно заброшенным, и в его прохудившейся крыше черными провалами зияли чердачные окна.

Изучая карту бакалейщика, я еще раньше сообразил, что самый удачный для меня маршрут бегства из города – в южном направлении. Поэтому я сначала стал изучать межкомнатную дверь в соседний номер, располагавшийся с южной стороны здания. Дверь открывалась в мою комнату, поэтому, отодвинув задвижку и подергав дверную ручку, я убедился, что открыть ее будет трудно. Мне пришлось бы потратить немало сил, чтобы взломать замок. Об этом пути побега пришлось сразу забыть, и я осторожно придвинул к этой двери кровать, которая должна была послужить преградой для нападавших, если они попытаются ворваться ко мне из номера с южной стороны. Противоположная межкомнатная дверь, ведущая в номер в северной части здания, открывалась наружу; попробовав ее открыть, я понял, что она заперта на ключ или задвижку с другой стороны – и значит, именно ею можно воспользоваться для бегства. Если бы мне удалось перебежать по крышам зданий к Пейн-стрит и благополучно спуститься на землю, я мог бы дать деру через двор и, минуя соседние здания, добежать до Вашингтон-

или Бейтс- или же выбежать на Пейн-стрит и попасть с нее на Вашингтон. В любом случае мне следовало каким-то образом добраться до Вашингтон-стрит, а уж оттуда бежать подальше от Таун-сквер. А самое главное – не появляться на Пейн-стрит, потому что пожарная часть могла быть открыта и ночью.

Раздумывая обо всем этом, я оглядел теснящиеся вокруг трухлявые крыши, освещенные ярким светом овальной луны. Справа от меня панораму города пересекал черный разрез глубокого речного русла с приросшими к нему с обеих сторон, точно ракушки, зданиями заброшенных фабрик и бывшего вокзала. А дальше проржавевшая железнодорожная ветка и шоссе на Раули тянулись по болотистой низине, испещренной поросшими высоким сухостоем кочками. Слева виднелся ближний пригород с лугами, изрезанными ручьями, и узкая дорога на Ипсвич белела в лунном сиянии. С этой стороны гостиницы не была видна уходящая в южном направлении дорога на Аркхем, которую в конечном итоге я и выбрал своим маршрутом.

С сомнением раздумывая о том, когда лучше начать штурм межкомнатной двери и как бы проделать это с наименьшим шумом, я отметил, что звуки внизу стихли, зато на лестнице послышался громкий скрип половиц: кто-то тяжело поднимался по лестнице. В ромбовидном оконце моей входной двери мелькнул свет, и тут уж половицы в коридоре просто застонали под тяжестью неведомого груза. Послышались приглушенные звуки – возможно, голоса, – после чего в мою дверь громко постучали.

Затаив дыхание, я замер и стал ждать. Казалось, прошла целая вечность, как вдруг витавшая повсюду тошнотворная рыбная вонь вдруг сгустилась и стала просто удушающей. Потом стук повторился – теперь стучали долго и настойчиво. Я понял: настала пора действовать. С этой мыслью я резко дернул задвижку межкомнатной двери и изготовился выбить ее плечом. Тем временем стук стал еще громче, и мне оставалось только надеяться, что он заглушит треск высаживаемой двери. Забыв о страхе и боли, я кинулся на дверь, раз за разом врезаясь левым плечом в тонкие доски. Вопреки моим ожиданиям дверь оказалась крепкой, но я не сдавался. Тем временем шум в коридоре нарастал.

Наконец дверь поддалась, но распахнулась с таким грохотом, что едва ли его не услышали люди в коридоре. После этого они уже не просто стучали, а буквально дубасили в запертую дверь, и до моего слуха со всех сторон донесся лязг ключей во всех замках на этаже. Ринувшись через образовавшийся проем в смежный номер, я быстро закрыл входную дверь на задвижку, чтобы ее не открыли ключом снаружи, но тут же услышал, как кто-то пытается отпереть замок в следующем номере – том самом, из окна которого я намеревался прыгнуть на крышу соседнего здания.

На мгновение я пришел в полное отчаяние, ибо не сомневался, что оказался в ловушке. Меня обуял неопиcуемый страх, но я буквально затрясся от ужаса, когда луч моего фонарика уперся в пыльный пол и осветил свежие следы ног неведомого гостя, рвавшего незадолго до того ко мне в номер. Действуя автоматически, точно под гипнозом, невзирая на безнадежность положения, я подскочил к следующей межкомнатной двери и сильно толкнул ее в надежде, что входная дверь там тоже, на мое счастье, оборудована засовом и я успею задвинуть его прежде, чем дверь попытаются отпереть ключом со стороны коридора.

И тут судьба мне улыбнулась: эта межкомнатная дверь была не только не заперта, но и приоткрыта. В следующую секунду я оказался в смежном номере и подпер плечом входную дверь, которую уже отворяли снаружи. Оказанное мной сопротивление застигло злоумышленника врасплох, потому что под моим напором дверь захлопнулась, и я быстро задвинул крепкий засов. Получив краткую передышку, я прислушался: во все соседние двери колотили почем зря, а из-за межкомнатной двери, которую я забаррикадировал кроватью, доносились недоуменные возгласы. Очевидно, что передовой отряд моих непрошенных гостей уже вломился в соседний номер с южной стороны и собирал силы для решающей атаки на мою дверь. Но в

это мгновение в замке соседнего номера с северной стороны кляцнул ключ, из чего следовало, что опасность уже совсем близко, и подступила она, откуда я ее не ждал.

Межкомнатная дверь была распахнута настежь, но медлить было нельзя, так как в замок входной двери уже вставили ключ снаружи. Мне оставалось только запереть на засов обе межкомнатные двери и вдобавок придвинуть к одной кровать, к другой бюро, а входную дверь забаррикадировать умывальником. У меня был единственный вариант – довериться этим временным препятствиям, пока я не вылезу из окна на карниз и не спрыгну на крышу соседнего здания на Пейн-стрит. Но даже в этот решающий момент меня буквально трясло от ужаса – и вовсе не из-за утлости возведенных мною оборонительных укреплений. Меня ужасала мысль, что среди жуткого сопения, ворчания и приглушенного потягивания я ни разу не услышал членораздельных звуков человеческого голоса.

Покуда я передвигал мебель, из коридора послышался торопливый топот ног в направлении соседнего номера, а грохот в южном конце коридора прекратился. Понятно, что основная масса преследователей собралась перед хлипкой межкомнатной дверью, чтобы выбить ее и схватить меня в этой комнате. А за окном висела луна и освещала конек крыши кирпичного здания внизу, и только теперь я осознал, насколько рискованна моя затея с прыжком из окна, потому что скат крыши, куда я намеревался приземлиться, оказался довольно крутым.

Оценив обстановку, из двух окон я выбрал для прыжка то, что южнее, решив после приземления на внутренний скат крыши скрыться в ближайшем чердачном окне. Я понимал, что даже спрятавшись внутри соседнего здания, мне не избежать погони, но я надеялся благополучно спуститься с чердака, а потом броситься по темному двору, наугад забегаю в одну дверь заброшенного здания и выбегая из другой, и таким образом в конце концов добежать до Вашингтон-стрит и ускользнуть из города по южной дороге.

Грохот за забаррикадированной дверью нарастал, и я заметил, что тонкие дверные панели уже расщепились. Ясное дело, нападавшие воспользовались каким-то тяжелым предметом в качестве тарана. Но кровать, припертая к двери с моей стороны, пока что выдерживала атаку, так что у меня еще оставался призрачный шанс на успешный побег. Распахнув окно, я заметил, что оно прикрыто с обеих сторон тяжелыми велюровыми гардинами, прикрепленными к карнизу медными кольцами, и что снаружи торчит длинный металлический штырь – захват для ставней. Обнаружив возможную альтернативу опасному прыжку, я ухватился за гардины, дернул их вниз и содрал вместе с карнизом, а затем быстро надел два кольца на штырь и выпростал одну гардину наружу. Тяжелые складки велюра почти достигли крыши внизу, и я понадеялся, что и оба кольца, и плотная ткань выдержат мой вес. Я вылез из окна и спустился по импровизированной лесенке вниз. Так я навсегда покинул кишасщее загадочными постояльцами здание «Гилман-хаус».

Я благополучно достиг крутой крыши и быстро добрался до зияющего чердачного окна. Бросив взгляд назад, я увидел, что в покинутой мной комнате еще темно, а дальше в северной части города, за обвалившимися печными трубами, я заметил зарево от огней, освещающих храм Ордена Дагона, Баптистскую церковь и Конгрегационную церковь, которую я не мог вспоминать без содрогания. Внизу во дворе, на первый взгляд, не было никого, и я понадеялся, что смогу унести ноги еще до объявления общей тревоги. Посветив фонариком в черный проем окна, я заметил, что лестница, которая соединяла бы чердачное окно с полом, отсутствует. Но высота была небольшая, поэтому я перегнулся через край окна и спрыгнул на покрытый толстым слоем пыли пол, заставленный трухлявыми ящиками и бочками.

Местечко было жутковатое, но я, не мешкая, метнулся к деревянной лесенке, которую обнаружил с помощью фонарика. Посветив на циферблат, я также узнал время: было 2 часа ночи. Ступени подо мной закрипели, но выдержали, и я быстро миновал похожий на амбар второй этаж и вскоре очутился на первом. Здесь царило полное запустение, и только эхо моих шагов гулко звучало в тишине. Наконец я добрался до конца коридора и увидел еле заметный в

крошечном мраке прямоугольник дверного проема – это был главный вход в здание со стороны Пейн-стрит. Бросившись обратно, я нашел дверь черного хода – тут тоже все было нараспашку – и по каменным ступеням крыльца спустился на поросшую травой брусчатку заднего двора.

Здесь я укрылся от яркого света луны, но зато смог разобрать дорогу без фонарика. Несколько окон в «Гилман-хаусе» были тускло освещены, и мне почудилось, что я услышал доносящиеся оттуда звуки. Осторожно ступая, я пошел вдоль кирпичного здания в сторону Вашингтон-стрит и, заметив несколько раскрытых дверей, выбрал ближайшую и забежал в холл. Внутри было темно, и, добравшись до противоположной стороны холла, я увидел, что дверь на улицу накрепко заколочена. Решив попытать счастья в другом здании, я повернул обратно с намерением выйти на задний двор, но уже у самого выхода резко остановился.

Дело в том, что парадная дверь гостиницы распахнулась и оттуда вывалилась толпа сомнительных субъектов: размахивая в темноте фонарями, они тихо переговаривались жуткими клекочущими голосами – явно не на английском языке! Толпа на секунду задержалась перед отелем, и кто-то двинулся в одну сторону, а кто-то в другую, и, к своему облегчению, я догадался, что они не знают, где меня искать; но тем не менее всем своим видом они нагнали на меня такого ужаса, что у меня мороз по коже пробежал. Разглядеть их лиц я не мог, но при виде их сутулой осанки и шаркающей походки меня сразу затошнило от омерзения. Хуже того, на одной фигуре я разглядел странное одеяние и – тут сомнений не было – уже знакомые мне очертания высокой тиары на голове. Когда фигуры разбрелись по двору, мой страх усилился. А что, если мне не удастся найти выход на улицу? Рыбой воняло так невыносимо, что я боялся потерять сознание. В поисках выхода на улицу я пошел дальше по коридору и, открыв какую-то дверь, очутился в пустой комнате с оконными проемами без рам, плотно закрытыми ставнями. Добравшись до оконного проема, я посветил фонариком и с удовлетворением понял, что смогу без труда распахнуть ставни, и уже через мгновение выбрался наружу и наглухо закрыл ставнями пустой проем, придав ему первоначальный вид.

Я вышел на Вашингтон-стрит и в первый момент не заметил ни живого существа, ни огонька – только лунный овал в небе. Правда, издавек с разных сторон до меня доносились хриплые восклицания, топот и какой-то странный цокот, который совсем не походил на звук шагов. Словом, мне нельзя было терять ни минуты. Я сразу сориентировался по сторонам света и обрадовался, что все уличные фонари были выключены, как часто бывает в ясные лунные ночи даже в богатых сельских районах нашей страны. Какие-то звуки доносились с южной стороны, но я не отказался от своего плана бежать именно туда. Ведь мне было известно, что в той части города на моем пути будет достаточно пустых домов, где можно будет спрятаться от погоны, если вдруг я замечу группу своих преследователей.

Я шагал быстро, бесшумно, вплотную прижимаясь к руинам заброшенных зданий. Без шляпы, весь взъерошенный после отважного прыжка из окна, я едва ли мог привлечь чье-то внимание на этих улицах и надеялся незаметно проскользнуть мимо случайного ночного прохожего.

На углу Бейтс-стрит я едва успел шмыгнуть через черный проем в вестибюль, заведя впереди двух субъектов, которые шаркающей походкой пересекали улицу; отдышавшись, я снова пустился в путь и вскоре оказался на площади, где соседние Элиот-стрит и Вашингтон-стрит встречались с Саут-стрит. Хотя я сам ни разу не бывал на этой площади, она мне показалась опасной, еще когда я разглядывал ее на самодельной карте – потому что все ее пространство ярко освещалось луной. Но обойти эту площадь стороной нечего было и пытаться, потому что, выбери я любой альтернативный маршрут, мне пришлось бы делать длинный крюк, а значит, рисковать быть замеченным или задержаться в этом проклятом городе. Так что единственным выходом для меня было отважно и не таясь пересечь площадь, усиленно копируя характерную для инсмулцев шаркающую походку в надежде, что никто – по крайней мере, никто из моих преследователей – не окажется здесь. Насколько серьезно была организована

облава на меня – и с какой именно целью, – я не имел ни малейшего понятия. В городе в этот поздний час было необычнолюдно, впрочем, я рассудил, что известие о моем бегстве из «Гилман-хауса» вряд ли уже распространилось среди горожан. Вскоре мне, конечно, придется оставить Вашингтон-стрит и двигаться куда-то в южном направлении, потому как толпа, собравшаяся возле гостиницы, вне всякого сомнения, погналась за мной. Они, должно быть, заметили мои следы на пыльном полу соседнего кирпичного здания и уразумели, что мне удалось выбежать на улицу.

Площадь, чего я и опасался, была ярко освещена луной; в центре площади когда-то находился небольшой скверик, о котором теперь напоминали лишь железные перила. К счастью, площадь оказалась пуста. Но тут до моего слуха донеслось странное урчание со стороны Таун-сквера. Саут-стрит была весьма широкая и вела вниз к набережной, и с нее вдалеке открывался отличный вид на море; мне оставалось надеяться, что со стороны моря никто не следит за улицей и не заметит, как я пересекаю ее при свете луны.

Я без задержки осуществил задуманное, и, судя по гробовой тишине вокруг, никто за мной не шпионил. Озираясь, я невольно сбавил шаг, чтобы взглянуть на освещенный луной величественный морской простор, открывающийся в конце улицы. Далеко за волнорезом темнел силуэт Дьяволова рифа, и, заведя его, я не мог удержаться от воспоминаний о тех ужасных легендах, которые мне порассказали за последние сутки и в которых это нагромождение черных скал рисовалось чуть ли не вратами в мир непостижимого зла и неопишуемого безобразия. А потом я вдруг заметил на рифе вспышки огней. Это зрелище было настолько четким и реальным, что мою душу захлестнула волна слепого ужаса. Все мое тело напряглось, изготовавшись к паническому бегству, и меня удержало на месте лишь инстинктивное чувство самосохранения и чуть ли не гипнотическое ощущение восторга. Хуже того, с куполообразной крыши «Гилман-хауса», чья громада темнела позади меня, последовала серия таких же световых вспышек, хотя и с иной частотой, которые я принял за ответные сигналы.

Сдерживая первый порыв пуститься наутек и отчетливо осознав, что сразу буду замечен, я двинулся дальше по Саут-стрит, вновь перейдя на торопливую шаркающую походку. Я шел, не отрывая взгляда от мерзкого рифа, пока он оставался виден на горизонте. Что означал этот обмен световыми сигналами, я понятия не имел: то ли это был некий диковинный ритуал, связанный с Дьяволовым рифом, то ли кто-то высадился на зловещий риф с судна. Я двинулся левее, в обход зеленеющего пятна бывшего скверика, все еще глядя на океан, поблескивающий в призрачном свете летней луны, и на вспышки загадочных маяков.

Вот тут-то мне на ум пришла самая страшная догадка, которая сломила мое самообладание и заставила меня со всех ног помчаться в южном направлении, мимо чернеющих дверных проемов и по-рыбьи вытарашенных пустых окон, вытянувшихся вдоль безлюдной кошмарной улицы. Ибо, приглядевшись внимательнее, я увидел, что темные воды между рифом и берегом вовсе не пустыньны. Море кишело живыми существами, которые стаями плыли к городу; причем, рассмотрев даже на таком далеком расстоянии головы и конечности пловцов, я убедился, что это вовсе не люди, а какие-то диковинные твари неизвестной породы и непонятного происхождения.

Но не успел я в панике добежать до конца квартала, как откуда-то слева услышал топот ног и гортанные возгласы, а потом по Федерал-стрит в южном направлении прогромыхал автомобиль. В эту секунду все мои планы изменились – ибо если южное шоссе из города уже перекрыли, мне надо было срочно искать новый путь бегства из Инсмута. Я остановился и юркнул в зияющий дверной проем, радуясь, что мне повезло скрыться с освещенной луной площади, прежде чем мои преследователи запрудили параллельную улицу.

Вторая мысль была менее утешительной. Коль скоро облава устремилась в другую сторону, понятно, что они меня потеряли и просто отрезали мне возможный путь отступления. А это означало, что, скорее всего, уже все дороги из Инсмута перекрыты патрулями; ведь они

не знали точно, какую дорогу я выберу. А раз так, то и бежать мне придется по пересеченной местности, вдали от проезжих дорог, но как же мне это удастся, если город со всех сторон окружала болотистая, иссеченная ручьями равнина? На мгновение мне стало дурно – и из-за полной безнадежности моего положения, и от стремительно сгустившегося рыбного смрада, который точно облаком накрыл весь квартал.

И тогда я вспомнил о заброшенной железнодорожной ветке на Раули, чья заросшая травой колея на прочной земляной насыпи тянулась в северо-западном направлении от разрушенного здания вокзала по кромке высокого русла реки. У меня теперь осталась одна лишь слабая надежда, что горожане не примут в расчет этот маршрут – ведь густые заросли вереска делали заброшенную железнодорожную ветку почти непроходимым препятствием для беглеца. Мне удалось хорошо ее разглядеть из окна гостиницы, и я хорошо себе представлял окружающий рельсы ландшафт. Ближний отрезок железнодорожного полотна, к сожалению, хорошо просматривался как со стороны шоссе на Раули, так и с верхних этажей городских зданий, хотя, возможно, если передвигаться ползком по кустам, можно было проскочить этот участок незамеченным. Во всяком случае, это был мой единственный шанс на спасение, которым мне придется воспользоваться.

Углубившись в заброшенное здание, ставшее моим временным укрытием, я снова свесился с картой юноши-бакалейщика, осветив ее фонариком. Перво-наперво мне предстояло решить, как добраться до старой железнодорожной ветки. Из карты следовало, что наиболее безопасный маршрут пролегал по Бэбсон-стрит; с нее надо было свернуть к западу на Лафайет, а там обойти, но ни в коем случае не переходить в открытую, такую же площадь, что я недавно пересек, а потом, петляя то к северу, то к западу по Лафайет, Бейтс, Адам, добраться наконец до Бэнк-стрит, идущей вдоль скалистого русла реки. Она-то и приведет меня к полуразрушенному зданию вокзала, который я видел из окна моего гостиничного номера. Я выбрал именно такой путь – через Бэбсон-стрит, – потому что мне не хотелось ни снова идти через ту самую открытую площадь, ни двигаться в западном направлении, где я непременно попал бы на такую же широкую улицу, как Саут-стрит.

Двинувшись в путь, я перешел на правую сторону в тень, чтобы дойти до Бэбсон-стрит как можно незаметнее. Со стороны Федерал-стрит все еще слышался гомон многочисленной толпы. Я обернулся и, как мне показалось, заметил луч света возле того самого здания, из которого только что вышел. Торопясь покинуть Вашингтон-стрит, я перешел на рысь, надеясь не привлечь ничего любопытного взора. На углу Бэбсон-стрит я с опаской заметил, что один из домов еще обитаем, о чем свидетельствовали занавески на окнах, но света внутри не было, и я миновал его без происшествий.

Бэбсон-стрит пересекала Федерал, а значит, мои преследователи вполне могли бы меня заметить, поэтому я жался к вытянувшимся неровной линией фасадам покосившихся зданий и был вынужден дважды забежать в дверной проем, когда шум погони за моей спиной усилился. Пустая площадь впереди бледнела одиноким пятном под луной, но я не собирался ее пересекать. Во время очередной передышки я различил в нестройном гуле выкриков новый звук; осторожно выглянув из своего укрытия, я заметил автомобиль, прогремывавший через площадь по Элиот-стрит в сторону Бэбсон и Лафайет. И тут меня чуть не стошнило от внезапно пахнувшей рыбной вони, и после некоторого затишья я заметил группу крадущихся фигур – по-видимому, патруль, охраняющий Элиот-стрит, продолжением которой за чертой города было шоссе на Ипсвич. Двое были облачены в складчатые мантии, а на голове у одного красовалась островерхая тиара, поблескивающая в лунном свете. Его походка была настолько необычной, что у меня кровь застыла в жилах – мне показалось, что он передвигался вприпрыжку.

Когда последний член группы скрылся из виду, я сорвался с места и пулей метнулся за угол на Лафайет-стрит, потом поспешно пересек Элиот, опасаясь, что кто-то из преследовате-

лей все еще там. Я услышал удаляющийся клекот и топот – патруль двигался в сторону Таунс-сквер – и без помех добрался до противоположной стороны улицы. Больше всего опасений у меня вызвала широкая и ярко освещенная луной Саут-стрит, которую мне предстояло вновь пересечь. Тут мне пришлось собрать волю в кулак, чтобы пройти это испытание. Ведь кто-то мог наблюдать за улицей со стороны моря, или же патрульные на Элиот-стрит могли заметить мою фигуру. В последний момент я решил, что лучше сбавить рысь и пересечь улицу шаркающей походкой, выдавая себя за обычного инсмуца.

Когда на горизонте вновь возникло море, на этот раз по правую руку, я изо всех сил старался не смотреть туда, но воспротивиться искушению не смог. Усердно волоча ноги по брусчатке и сгорбившись, я покосился направо и поспешил укрыться в спасительном сумраке. Вопреки моим ожиданиям никакого большого корабля в открытом море не было, но зато я увидел небольшую гребную лодку с громоздким грузом под брезентом, которая плыла к заброшенным пирсам. Гребцы, плохо различимые на таком расстоянии, производили, прямо скажу, отталкивающее впечатление. В волнах я заметил нескольких пловцов, а над далеким темным рифом все еще стояло огненное зарево неопределенного цвета, совсем не похожее на замеченные мною ранее вспышки света. Над покатыми крышами впереди, чуть правее, виднелся высокий купол «Гилман-хауса» – только теперь совершенно темный. Рыбная вонь, которую немного развеял ветерок с моря, теперь снова сгустилась в воздухе дурманящим ядом.

Не успев дойти до тротуара на противоположной стороне улицы, я услышал гомон группы преследователей, двигавшейся по Вашингтон-стрит с северной стороны. Оказавшись у широкой площади, откуда мне в первый раз открылось пугающее зрелище моря в лунном сиянии, я увидел их всего в квартале от себя и ужаснулся звериному уродству их рыл и их отвратной манере передвигаться – по-собачьи выгнув спины. Один из них походкой напоминал примата, то и дело касаясь длинными руками земли, а другой – в мантии и тиаре, – как мне показалось, двигался вприпрыжку. Я решил, что именно эта группа рыскала на заднем дворе «Гилман-хауса», и выходит, они преследовали меня буквально по пятам. Когда один из них обернулся в мою сторону, я окаменел от ужаса, но ухитрился не сбиться с шаркающей походки. До сего дня не знаю, заметили они меня или нет. Если заметили, то, значит, моя уловка сбила их с толку, потому что они, не останавливаясь, перешли залитую лунным светом площадь, не престанно лопоча гортанными голосами – на наречии, которое я не мог разобрать.

Оказавшись на темной стороне улицы, я опять перешел на рысь и рванул мимо бледнеющих во тьме ветхих развалин, свернул за угол на Бейтс-стрит и побежал, вплотную прижимаясь к ветхим фасадам. В двух домах явно кто-то жил, судя по тускло освещенным окнам во втором этаже, но я беспрепятственно продолжил свой путь. Свернув на Адамс-стрит, я почувствовал себя в большей безопасности, но содрогнулся от страха, когда прямо передо мной из темной подворотни внезапно выскочил незнакомец. Однако он оказался мертвецки пьян и не представлял для меня угрозы; так что в конце концов я без приключений добрался до жалких развалин складов на Бэнк-стрит.

На этой мертвой улице близ утесистого русла реки не было ни души, и шум водопада заглушал мои шаги. Я довольно долго бежал рысцой до здания вокзала, и высокие кирпичные стены заброшенных фабрик навевали на меня куда больший ужас, нежели ветхие фасады жилых кварталов. Наконец я увидел обветшавшую аркаду вокзала и бросился напрямик к железнодорожным путям, виднеющимся вдали под луной.

Рельсы были проржавевшие, но целые, правда, многие шпалы давно сгнили. Идти или бежать по ним было нелегко, но я старался как мог и в общем довольно быстро приноровился. Поначалу колея шла вдоль высокого берега реки, и вскоре я достиг длинного крытого моста, перекинутого через ущелье головокругительной глубины. Мой дальнейший план действий целиком зависел от состояния моста. Если мост выдержит мой вес, надо было бежать по

нему, в противном же случае мне пришлось бы вернуться и снова пуститься в опасное путешествие по городским улицам в поисках более или менее прочного моста.

Старый мост, похожий на длинный амбар, призрачно бледнел в лунном свете, и тут я заметил, что шпалы на этом отрезке еще достаточно крепкие. Выйдя на мост, я включил фонарик, и тут же меня чуть не сбила с ног взметнувшаяся стая летучих мышей. Где-то на середине моста я обнаружил, что часть шпал провалилась, образовав опасную брешь, и испугался, что это станет для меня непреодолимым препятствием, но в конце концов отважился на отчаянный прыжок через провал, и, на мое счастье, прыжок оказался удачным.

Выбежав из мрачного туннеля, я был рад вновь увидеть лунный овал в небе. Железнодорожная колея пересекла Ривер-стрит и сразу пошла под уклон; а уже за городом побежала по зеленым предместьям, где не так сильно ощущалась жуткая рыбная вонь, которой пропах весь Инсмут. Но тут мне встретилась естественная преграда из зарослей вереска и осоки, которые хлестали меня по одежде и рукам, но я тем не менее был этому даже рад, ибо надеялся, что в случае опасности густые заросли станут для меня надежным укрытием. Я прекрасно отдавал себе отчет, что все мои перемещения отлично просматриваются со стороны шоссе на Раули.

Неожиданно зеленая равнина сменилась болотами – тут однокорейка протянулась по поросшему травой низкому берегу, где заросли осоки немного поредели. Потом я очутился на возвышенности, где ржавая колея бежала среди густых кустов дикой малины. Такое естественное укрытие меня порадовало, так как, если верить проведенному мною визуальному обследованию местности из гостиничного окна, именно здесь железная дорога находилась в опасной близости от шоссе на Раули. В самом конце возвышенности шоссе пересекало железную дорогу и резко уходило далеко в сторону; и пока что мне следовало действовать с величайшей осторожностью. Правда, теперь я уже был почти убежден, что железную дорогу никто не патрулирует.

Перед тем как нырнуть в заросли кустарника, я огляделся и не заметил погони. Старинные шпили и крыши проклятого Инсмута красиво и призрачно поблескивали в магическом желтоватом сиянии луны, и я подумал, как, должно быть, безмятежно они выглядели в стародавние времена, еще до того, как на город пала мгла пагубы. А потом, когда я перевел взгляд с городских крыш на равнину, мое внимание привлекло нечто куда менее безмятежное, что заставило меня на мгновение замереть.

Я с тревогой заметил – или мне привиделось? – какое-то странное колыхание в южной стороне горизонта; но, взглядевшись в колышущуюся массу на горизонте, я заключил, что из города по ипсвичскому шоссе движется довольно-таки внушительная колонна. Расстояние было весьма велико, и я не мог различить отдельных лиц, но то, что я увидел, мне очень не понравилось... Колонна двигалась по дороге колышущимся потоком, ярко поблескивая под лучами уже клонящейся к западу луны. До моего слуха донесся неясный гомон, и хотя дующий в противоположную сторону ветер относил звуки прочь, я сумел расслышать то ли звериный рык, то ли птичий клекот, показавшийся мне еще ужаснее, чем гомон преследовавшей меня в городе толпы.

Сонм крайне тревожных мыслей промелькнул в моем мозгу. Я сразу подумал о тех инсмутских чудовищах, которые, как говорили, прятались в старинных подземных лабиринтах у береговой линии; и еще я подумал о загадочных пловцах, которых недавно видел в открытом море. Мысленно прикинув количество участников облавы и прибавив к ним численность дорожных патрулей, я сделал вывод, что армия моих преследователей неправдоподобно велика для такого малонаселенного города, как Инсмут.

И откуда же тогда, спрашивается, могла взяться столь многочисленная колонна, чье передвижение по шоссе я наблюдаю? Неужели в тех прибрежных туннелях под землей теплится некая аномальная, никому не ведомая и никем не изученная форма жизни? Или и впрямь к адскому рифу незаметно пристал какой-то корабль, с которого десантировался легион таин-

ственных пришельцев? Но кто же они? И что тут делают? И если такое неисчислимое войско рыщет по ипсвичскому шоссе, значит ли это, что патрули на других подступах к Инсмуту получили столь же внушительное подкрепление?

Оказавшись на поросшей кустарником возвышенности, я медленно продирался сквозь заросли дикой малины и вскоре почуял тяжелый тошнотворный запах рыбы. Возможно, ветер внезапно переменял направление, стал дуть со стороны моря и принес вонь из города? Да, видимо, так и было, решил я, потому что теперь отчетливо слышал издали приглушенные гортанные возгласы. А потом до моих ушей донесся новый звук – то ли хлопанье исполинских крыльев, то ли топот огромных лап, – вызвавший у меня ассоциации самого скверного свойства. Вопреки здравому смыслу я почему-то счел, что этот кошмарный шум издает колонна, что текла колышущимся потоком по ипсвичскому шоссе.

А потом вонь и шум усилились, так что я, дрожа от страха, остановился и затаился в спасительных зарослях кустарника. Именно здесь, как я вспомнил, шоссе на Раули подходило совсем близко к железнодорожной колее, а потом резко отклонялось к западу. Масса неведомых существ двигалась по шоссе, и мне следовало лежать в кустах тихо как мышь и дожидаться, когда эта масса проследует мимо меня и удалится. Слава богу, что эти существа не использовали для погони охотничьих собак, хотя, надо полагать, это было бы и невозможно при той ужасающей вонь, что постоянно витала над городом. Сидя на корточках в кустах в песчаном овражке, я ощущал себя в безопасности, хотя и понимал, что рано или поздно мои преследователи будут переходить через рельсы не далее, чем в ста ярдах от моего укрытия. Я их смогу видеть, а вот они меня нет – ну, если только не произойдет губительного чуда.

Мне было страшно даже взглянуть на них, когда они шествовали мимо меня по шоссе. Я видел освещенный луной участок дороги, который они должны миновать, и почему-то подумал, что теперь это место осквернится неисцелимой пагубой. Вероятно, это окажутся худшие представители ужасной расы инсмутцев, которых потом и вспомнить-то будет страшно.

Вонь стояла нестерпимая, и над шоссе звучала кошмарная какофония звериного рыка, лая и воя, в которой я не мог распознать ни намека на человеческую речь. Неужели это были голоса моих преследователей? Или они все-таки нашли где-то собак-ищеек? До сих пор мне еще не представилось возможности лицезреть наиболее отвратительных обитателей Инсмута. Шумное хлопанье и громкий топот производили чудовищное впечатление – мне не хватало духу взглянуть на отвратительных дегенератов, издающих такие звуки. Я решил зажмурить глаза и неподвижно лежать в кустах, пока этот жуткий гомон не стихнет вдали. Колонна приближалась – в воздухе носились сильные возгласы, а земля дрожала под мерным топотом чудовищных лап. Я затаил дыхание и, собрав волю в кулак, заставил себя крепко зажмуриться.

А потом... Я отказываюсь даже гадать о том, что это было – то ли ужасающая реальность, то ли кошмарная галлюцинация. Расследование правительственной комиссии, проведенное впоследствии по моей настоятельной просьбе, подтвердило, что это была чудовищная правда; но разве не могла иметь место повторная галлюцинация, жертвой которой стали члены комиссии, попав под действие полугипнотических чар старинного города, обьятого призрачной мглой?

Подобные города обладают странным свойством, а безумные предания и легенды вполне могли оказать пагубное влияние не только на мое воображение, но и на психику тех, кто, подобно мне, оказался на этих безжизненных и пропитанных смрадом гниения улицах, среди ветхих крыш и обвалившихся башен... И разве нельзя допустить, что обьявшая Инсмут мгла не источает ядовитый вирус настоящего и весьма заразного безумия? И можно ли быть уверенным в реальности чего бы то ни было, наслушавшись рассказов Зейдока Аллена? Правительственные агенты, между прочим, так и не нашли беднягу Зейдока, и у них не возникло никаких версий относительно того, что с ним случилось. Так где же кончается безумие и начинается реальность? А может быть, даже мой последний кошмар – это всего лишь заблуждение?

Но все же попытаюсь рассказать, что, как мне почудилось, я увидел той ночью под усмевающейся желтой луной – то, что скакало и прыгало по шоссе прямо у меня перед глазами, когда я лежал, притаившись среди кустов дикой малины на пустынном участке старой железнодорожной колеи. Разумеется, мое намерение зажмурить глаза было обречено на неудачу – и кто бы смог отказаться наблюдать марш легиона квакающих и клекочущих существ неведомой расы, которые с оглушительным топотом прошествовали в какой-то сотне ярдов от меня? Я полагал, что готов к худшему – а именно к этому мне и следовало готовиться, учитывая все виденное мною раньше.

Коль скоро мои преследователи были неопишимо отвратительны – значит, мне надо было готовиться увидеть наимерзейших чудовищ, в ком физическое уродство достигло крайней степени, – тварей, в которых не было ни намека на нормальные черты земных существ. Я открыл глаза лишь в то самое мгновение, когда хлопки, клекот и топот загрохотали в непосредственной близости от моих кустов и стало ясно, что колонна вышла к пересечению железнодорожной колеи с шоссе и теперь ее будет видно как на ладони. Тут уж я не мог удержаться от искушения увидеть наконец завораживающее зрелище, что мне сулила ухмыляющаяся желтая луна.

Сие зрелище окончательно лишило меня, что бы ни было суждено мне судьбой увидеть еще на грешной земле, последних крупниц душевного покоя и веры в целокупность природы и человеческого разума. Ничего, что я бы мог вообразить или что я даже мог бы допустить, взяв на веру безумную повесть старого Зейдока, не шло ни в какое сравнение с демонической богомерзкой картиной, представшей моему взору – или рожденной моим воспаленным воображением. До этого я пытался лишь намекнуть на их истинный облик из желания отсрочить ужасную необходимость подробно и бесстрашно живописать его на бумаге. Неужели возможно, что наша планета на самом деле породила столь чудовищных тварей и что человеческие глаза воистину увидели воплощенным в материальной форме то, что доселе существовало лишь в болезненных фантазиях и сомнительных преданиях?

Тем не менее я видел их – скачущих, прыгающих, клекочущих, квакающих – марширующих бесконечной колонной в призрачном сиянии луны, точно в зловещем уродливом танце фантастического кошмара. У некоторых на головах были тиары из неведомого бело-золотого металла... другие были облачены в диковинные мантии... а один, вожак, был облачен в мерзкий черный сюртук, пузырящийся на горбатой спине, и полосатые штаны, а на бесформенном окончании туловища, где должна находиться голова, торчала мужская фетровая шляпа.

По-моему, все твари были в основном серовато-зеленого цвета и с белесыми животами. Их склизкая кожа поблескивала в лунном свете, а хребты покрывала чешуя. Очертаниями они отдаленно напоминали человекоподобных существ, но головы у них были рыбы, с гигантскими выпученными глазами без век, которые таращились, не моргая. Сбоку на их шеях располагались пульсирующие жабры, а длинные лапы заканчивались перепончатыми пальцами. Они передвигались беспорядочными прыжками, иногда на задних лапах, а иногда и на четвереньках. Я почему-то даже обрадовался, что конечностей у них всего четыре. Они перекликались квакающими и твякающими возгласами, заменявшими им членораздельную речь и содержащими все мрачные оттенки эмоций, которые не могли отразиться на их пучеглазых рылах.

Но при всем отвратительном уродстве внешности они не были мне совсем не знакомы. Я тотчас узнал их – ибо рельефные изображения на тиаре из исторического музея Ньюберипорта накрепко запечатлелись в моей памяти. Это были мерзкопакозные рыбожабы неведомой породы – живые и отвратительные! – и, едва увидев их, я сразу догадался, кого же мне напомнил тот горбатый священник в тиаре, промелькнувший в темном церковном подвале... Количество марширующих тварей не поддавалось исчислению. Создавалось впечатление, что на это шоссе стеклась бесчисленная их орда, а возможно, я успел увидеть лишь малую часть их несметных полчищ. И в следующий момент эту леденящую кровь картину милосердно сменило забытье обморока – первого в моей жизни.

V

Ласковый дневной дождь оросил мое лицо, и я очнулся лежа в кустах рядом с железнодорожной колеей, а когда, шатаясь, добрал до шоссе, то не обнаружил ни следа в свежей слякоти. Рыбная вонь тоже исчезла. Вдалеке, в юго-восточной части неба, серели силуэты провалившихся крыш и порушенных башен Инсмута, но на всей болотистой равнине вокруг я не смог, сколько ни силился, заметить ни единой живой души. Мои часы все еще шли и сообщили, что время уже за полдень.

Все, что произошло со мной ночью, подернулось туманом сомнений, но интуитивно я чувствовал, что все это было неспроста и имело некую ужасную подоплеку. Мне надо было как можно скорее убраться подальше от объятых зловещей мглой Инсмута, поэтому я собрался с иссякающими силами и поднялся. Несмотря на слабость, голод, ужас и отчаяние, через некоторое время мне стало ясно, что я все же способен передвигать ногами, и я медленно двинулся по шоссе в сторону Раули. Еще до захода солнца я добрал до городка, утолил голод и купил себе приличной одежды. Я сел на ночной поезд до Аркхема и на следующий день имел долгую откровенную беседу с тамошними правительственными чиновниками – позднее те же показания мне пришлось повторить и в Бостоне. Публика уже знает главный итог этих бесед – и я хотел бы надеяться, ради своего же блага, что больше мне добавить нечего. Возможно, я стал жертвой внезапного приступа безумия, но при всем том, безусловно, оказался во власти величайшего ужаса – или величайшего чуда.

Как вы можете догадаться, я отказался от почти всех заранее запланированных целей своего путешествия – а именно от изучения местных достопримечательностей, архитектурных памятников и древностей. И я не осмелился взглянуть на то диковинное украшение, которое, как говорили, хранилось в музее Мискатоникского университета. Впрочем, в Аркхеме я провел время с пользой, собрав массу сведений о своей семье, о чем давно мечтал. Это были отрывочные и не всегда точные сведения, что правда, то правда, но им можно было найти хорошее применение позже, когда у меня нашлось бы время для их сверки и систематизации. Куратор тамошнего исторического общества – мистер Б. Лафэм Пибоди – весьма любезно оказал мне всяческую помощь и выказал необычайный интерес, услышав, что я прихожусь правнуком Элизе Орн из Аркхема, родившейся в 1867 году и в возрасте семнадцати лет вышедшей замуж за уроженца Огайо Джеймса Уильямсона.

Похоже, что мой дядя по материнской линии приезжал в эти края много лет назад с той же целью, что и я, ибо, как оказалось, семья моей бабки была, можно сказать, местной достопримечательностью. Брак ее отца, Бенджамина Орна, в который он вступил сразу после Гражданской войны, по словам м-ра Пибоди, породил в городе массу пересудов, так как происхождение его избранницы было странным и загадочным. Считали, что эта девушка была сиротой из нью-гэмпширского клана Маршей и приходилась кузиной Маршам из округа Эссекс; образование она получила во Франции и мало что знала о своих родителях. Ее опекун оставил для нее в бостонском банке фонд, из которого она и ее французская гувернантка получали содержание; но имени этого опекуна в Аркхеме никто не знал, а со временем он и вовсе исчез из поля зрения, после чего опекунство по решению суда перешло гувернантке. Француженка – давно уже почившая – была молчаливая и нелюдимая, и кое-кто поговаривал, что, будь она более словоохотливой, ей было бы что рассказать...

Самое же загадочное заключалось в том, что никто не мог точно сказать, с кем именно связывают родственные узы ее официально зарегистрированных родителей – Эноха и Лидию Марш, – во всяком случае, среди известных семей Нью-Гэмпшира таковых никто не знал. Возможно, как предполагали многие, она была биологической дочерью какого-то знатного Марша – ибо у нее были характерный для Маршей разрез глаз. Главные же загадки начались после ее

ранней смерти родами, то есть при появлении на свет моей бабки – ее единственного ребенка. Так как у меня уже сложились весьма неблагоприятные впечатления, связанные с кланом Маршей, я без всякой радости отнесся к известию, что они составляют ветвь моего генеалогического древа, как не обрадовало меня и предположение м-ра Пибоди, что и у меня разрез глаз, оказывается, такой же, как у Маршей. Тем не менее я был благодарен ему за ценные сведения, к тому же я составил подробные заметки и списки книг, в которых можно было найти тщательно задокументированную историю семьи Орн.

Из Бостона я направился прямехонько к себе домой в Толидо и потом провел целый месяц в Моми⁷, восстанавливая пошатнувшееся после моих походов физическое и душевное здоровье. В сентябре я вернулся в Оберлинский колледж, где мне предстояло проучиться последний год, и вплоть до следующего июня целиком посвятил себя учебе и прочим полезным делам, вспоминая о прошлых ужасах лишь изредка, когда ко мне приезжали официальные лица провести очередную беседу в связи с моими запросами, которые, как оказалось, послужили поводом для проведения широкомасштабного расследования. Где-то в середине июля – спустя год после моих инсмутских приключений – я провел неделю в доме у родственников моей покойной матушки в Кливленде, где сверял недавно полученные мною генеалогические сведения с хранящимися в доме рукописными заметками, преданиями и реликвиями, чтобы на их основе составить полное генеалогическое древо нашего рода.

Сказать по правде, эта работа меня не больно вдохновляла из-за царящей в доме Уильямсонов гнетущей атмосферы. В этом доме было всегда нечто пугающее и зловещее, и, как мне помнилось, в детстве мать никогда не поощряла мои визиты к своим родителям, хотя всегда радушно принимала отца, когда тот приезжал погостить к нам в Толидо. Моя аркхемская бабушка представлялась мне, ребенку, странной и даже страшной, и думаю, я не слишком горевал, когда она вдруг исчезла. Мне тогда было восемь лет, и как говорили, она ушла из дому от горя после самоубийства моего дяди Дугласа, ее старшего сына. Он застрелился, вернувшись из поездки в Новую Англию – не сомневаюсь, того самого путешествия, благодаря которому его до сих пор вспоминали в Аркхемском историческом обществе.

Этот дядя внешне очень был похож на нее, и мне он никогда не нравился. Что-то в выражении их глаз – слегка выпученных и немигающих – внушало мне смутную необъяснимую тревогу. А вот моя мать и дядя Уолтер выглядели совсем иначе. Они были похожи на своего отца, хотя мой маленький кузен Лоуренс, сын Уолтера, был почти идеальной копией своей бабушки – еще до того, как беднягу по состоянию здоровья навечно упрятали в лечебницу Кантона. Я не видел его четыре года, но дядя как-то обмолвился, что его состояние, и физическое и душевное, безнадежно. Видимо, сильные переживания по этому поводу свели его мать в могилу два года назад.

Мой дед и его вдовец-сын Уолтер теперь оставались единственными представителями кливлендской ветви нашей семьи, и воспоминания о прежней жизни, похоже, висели над ними тяжким бременем. Мне по-прежнему было крайне неудобно в их доме, и я постарался как можно скорее завершить изучение семейного архива. Дед подготовил для меня объемистое собрание различных документов и семейных дневников Уильямсонов; что же до материалов об Орнах, то тут мне очень помог дядя Уолтер, который передал в мое распоряжение все свои папки, включая заметки, письма, газетные вырезки, семейные реликвии, фотографии и живописные миниатюры.

И вот, изучая письма и фотографии членов семейства Орн, я вдруг проникся ужасом к своим предкам. Как я уже сказал, моя бабушка и дядя Дуглас всегда вызывали у меня некую тревогу. А теперь, спустя годы после их смерти, когда я разглядывал их лица на фотографиях, меня охватывало неодолимое чувство гадливости. Поначалу я не мог понять, в чем причина, но

⁷ Моми – пригород Толидо, штат Огайо.

постепенно в моем подсознании невольно возникло навязчивое сравнение, несмотря на отчаянный отказ моего разума допустить даже малейшее подозрение на сей счет. Мне вдруг стало ясно, что характерное выражение их лиц напоминало мне нечто, чего раньше я никогда не замечал – нечто, что приводило меня в панический ужас.

Но худшее ожидало меня впереди – когда дядя показал мне фамильные украшения Орнов, хранящиеся в банковском сейфе. Некоторые из этих украшений представляли собой изящные ювелирные изделия тонкой работы, но была там еще и коробка с диковинными старинными изделиями, оставшимися от моей таинственной прапрабабки, которые мой дядя долго не хотел показывать. Они были украшены, по его словам, орнаментами весьма причудливого и даже отталкивающего вида, и, насколько ему было известно, их никто никогда не надевал, хотя моя бабушка обожала их разглядывать. О них в семье ходили мрачные легенды, будто бы они приносят несчастье, а французская гувернантка моей прапрабабки уверяла, что их не следует носить в Новой Англии, а вот в Европе, мол, это было бы совершенно неопасно.

Когда дядя начал медленно и неохотно разворачивать обертку, он предупредил, чтобы я не пугался причудливых, а то и жутких орнаментов, покрывающих эти изделия. Художники и археологи, которым доводилось их видеть, восторгались неподражаемым совершенством линий и тончайшим мастерством неведомых умельцев, хотя все они затруднились в точности назвать материал, из которого украшения были сделаны, и определить, в какой художественной традиции они изготовлены. В коробке, по его словам, хранились два браслета на предплечья, тиара и нечто вроде нагрудного украшения – последнее было покрыто горельефными изображениями неких фигур довольно мерзкого вида.

Пока он описывал мне фамильные украшения, я кое-как сдерживал эмоции, но, должно быть, мое лицо выдавало нарастающий страх. Дядя бросил на меня озабоченный взгляд и даже перестал разворачивать украшения. Я жестом попросил его продолжать – что он и сделал с видимой неохотой. Он, наверное, ждал моей бурной реакции, когда продемонстрировал мне первое изделие – тиару, но вряд ли он ожидал того, что произошло. Я и сам этого не ожидал, ибо считал себя достаточно подготовленным. Я просто упал в обморок, как это случилось годом раньше на поросшей дикой малиной железнодорожной насыпи близ Инсмута.

С того самого дня моя жизнь превратилась в сплошной кошмар мрачных раздумий и подозрений, ибо я не мог понять, сколько тут страшной правды, а сколько пугающего безумия. Моя прапрабабка была урожденная Марш, хотя кто ее родители, доподлинно не было известно, и ее муж родился в Аркхеме. Но, как сообщил мне старый Зейдок, дочь Оубеда Марша от матери-чудовища хитростью вышла замуж за мужчину из Аркхема. И что там еще этот старый забулдыга болтал про сходство моих глаз с глазами капитана Оубеда? Да и в Аркхеме куратор исторического общества тоже подметил, что мои глаза точь-в-точь как у Маршей.

Так что если Оубед Марш приходится мне родным прапрапрадедом? Но тогда кем же была моя прапрапрабабка? Вполне возможно, что все это чистой воды безумие. Эти фамильные бело-золотистые изделия с орнаментами вполне могли быть куплены у какого-то инсмутского морячка отцом моей прапрабабки, кто бы он ни был. А подмеченное мной на фотографиях странное выражение выпученных глаз моей бабушки и дяди-самоубийцы, может быть, было всего лишь плодом моей фантазии – фантазии, возникшей из мглы над Инсмутом, которая столь причудливым образом поразила мое воображение. Но отчего же мой дядя покончил с собой после поездки по Новой Англии?

Более двух лет я гнал от себя эти раздумья с переменным успехом. Отец выхлопотал для меня должность в страховой конторе, и я заставил себя погрузиться в рутину конторских забот. Зимой 1930/31 года, однако, меня начали посещать эти сны. Поначалу они были отрывочными и редкими, но постепенно, от недели к неделе, преследовали меня все чаще и настойчивее, становясь все более яркими и незабываемыми. Передо мной открывались необъятные водные глубины, и я блуждал меж исполинских затонувших портиков и по лабиринтам поросших водо-

рослями громадных стен в сопровождении необычайных рыб. А потом мне начали являться другие существа, и я пробуждался, объятый неведомым ужасом. Но во время снов они меня вовсе не пугали – ибо я был одним из них, и был облачен в их жуткий наряд, и следовал за ними глубокоководными маршрутами, и возносил чудовищные молитвы в их зловещих храмах на самом морском дне.

Всего, что грезилося мне в этих снах, я не мог упомянуть, но и того, что я помнил, просыпаясь каждое утро, было довольно, чтобы объявить меня сумасшедшим или гением, если бы я осмелился записать эти сны. Я чувствовал, как некая пугающая сила все время стремилась утянуть меня из нормального мира здравого смысла в безымянные бездны мрака и неземного существования; и это сильно сказалось на мне. Мое здоровье ухудшалось, и внешность стала меняться в худшую сторону, пока я наконец не был вынужден отказаться от должности и начать вести уединенную жизнь инвалида. Меня поразили некий нервный недуг, и временами я обнаруживал, что не могу зажмурить глаза. Вот когда я с растущей тревогой стал изучать себя в зеркале. Всегда неприятно наблюдать признаки прогрессирующей болезни, но в моем случае болезнь развивалась на фоне непонятных и загадочных симптомов. Мой отец вроде бы это тоже подметил, и я все чаще ловил на себе его удивленные и даже испуганные взгляды. Что же со мной происходило? Возможно ли, что я внешне начал напоминать свою бабушку и дядю Дугласа?

Как-то ночью мне приснился страшный сон, в котором я встретил бабушку в морской пучине. Она жила в фосфоресцирующем дворце со множеством террас, среди садов диковинных чешуйчатых кораллов и причудливых ветвистых кристаллов, и она приветствовала меня с таким преувеличенным радушием, что его можно было бы считать сардоническим. Она заметно изменилась – подобно тем, кто изменился для продолжения жизни в водной стихии, – и сообщила, что никогда и не умирала. Наоборот, она нашла особое место, о котором некогда узнал ее покойный сын, и оттуда отправилась в страну, чьи чудеса – предназначенные и ему тоже – он малодушно отверг выстрелом из пистолета. Эта страна предназначена также и мне – и я не смогу ее избежать. Я никогда не умру, но буду жить среди тех, кто родился еще до тех времен, когда человек впервые ступил на нашу землю.

Я также встретил там существо, которое когда-то было ее бабушкой. На протяжении восьмидесяти тысяч лет Пт'хиа-л'йи жила в городе Й'ха-нтхлеи и вернулась туда после смерти Оубеда Марша. Й'ха-нтхлеи не был уничтожен, когда люди верхней земли принесли с собой в море смерть. Ему причинили урон, но не уничтожили. Глубоководных нельзя уничтожить, хотя с помощью палеогеновой магии давно забытых Древних их удалось сдержать. Сейчас они затаились, но настанет день, если они об этом смогут вспомнить, и они вновь восстанут ради славы, о коей мечтал Великий Ктулху. И в следующий раз они захватят город поболее, чем Инсмут. Они планируют расселиться по всей земле и уже имеют то, что им в этом поможет, но пока им надобно немного подождать. За приношение смерти людям верхней земли я должен понести наказание, но оно не будет тяжким. Такой вот мне приснился сон, в котором я впервые увидел шоггота и при виде его пробудился, крича от ужаса. И в то утро зеркало недвусмысленно сообщило мне, что я наконец окончательно обрел инсмутскую внешность.

Я до сих пор не застрелился по примеру моего дяди Дугласа. Я купил пистолет и почти уже собрался это сделать, но меня остановили некие сны. Жуткие приступы ужаса ослабевают, и я ощущаю не отвращение, но странное влечение к неведомым морским глубинам. Я слышу и делаю странные вещи во сне и пробуждаюсь с неким восторгом, а не с ужасом. Я не думаю, что мне следует дожидаться полного превращения, подобно другим. Если бы я сидел и ждал, то мой отец, скорее всего, запер бы меня в психиатрической лечебнице, как это сделали с моим бедным маленьким кузенком. Головокружительные невиданные чудеса ожидают меня в морской пучине, и очень скоро я отправлюсь на их поиски. Йа-Р'льехл Сиуйа флагнл ид Йа! О нет, я не буду стреляться – меня никто не заставит застрелиться!

Я помогу моему маленькому кузену сбежать из санатория в Кантоне, и мы вместе с ним отправимся в обьятый мглой чудес Инсмут. Мы будем плавать на тот чудесный риф в открытом море и нырять в черные бездны к циклопическому и многоколонному Й'ха-н্থлею и в том обиталище Глубоководных мы обретем чудесную и славную жизнь вечную.

1931

Зов Ктулху [Обнаружено в бумагах покойного Френсиса Виланда Терстона, г. Бостон.]

*Можно предположить, что из этих великих стихий или существ
иные выжили... выжили со времен бесконечно отдаленных, когда...
сознание, вероятно, проявляло себя в облициях и формах, давным-давно
отступивших пред натиском человеческой цивилизации... мимолетное
воспоминание об этих формах сохранили лишь легенды да поэзия,
нарекшие их богами, чудовищами, мифическими существами всех родов
и видов...*

Элджернон Блэквуд

I. ГЛИНЯНЫЙ УЖАС

По мне, неспособность человеческого разума соотнести между собою все, что только вмещает в себя наш мир – это великая милость. Мы живем на безмятежном островке неведения посреди черных морей бесконечности, и дальние плаванья нам заказаны. Науки, трудясь каждая в своем направлении, до сих пор особого вреда нам не причиняли. Но в один прекрасный день разобщенные познания будут сведены воедино, и перед нами откроются такие ужасающие горизонты реальности, равно как и наше собственное страшное положение, что мы либо сойдем с ума от этого откровения, либо бежим от смертоносного света в мир и покой нового темного средневековья.

Теософы уже предугадали устрашающее величие космического цикла, в пределах которого и наш мир, и весь род человеческий – не более чем преходящая случайность. Они намекают на странных пришельцев из тьмы веков – в выражениях, от которых кровь бы застыла в жилах, когда бы не личина утешительного оптимизма. Но не от них явился тот один-единственный отблеск запретных эпох, что леденит мне кровь наяву и сводит с ума во сне. Это мимолетное впечатление, как и все страшные намеки на правду, родилось из случайной комбинации разрозненных фрагментов – в данном случае, вырезки из старой газеты и записей покойного профессора. Надеюсь, никому больше не придет в голову их сопоставить; сам я, если останусь жив, ни за что не стану сознательно восполнять звенья в столь чудовищной цепи. Думается мне, что и профессор тоже намеревался сохранить в тайне известную ему часть и непременно уничтожил бы свои заметки, если бы не внезапная смерть.

Впервые я ознакомился с ними зимой 1926–1927 годов: именно тогда умер мой двоюродный дед Джордж Гаммелл Эйнджелл, почетный профессор семитских языков в Брауновском университете города Провиденс, штат Род-Айленд. Профессор Эйнджелл был широко известен как крупный специалист по древним надписям; к нему то и дело обращались директора крупных музеев; так что его кончина в возрасте девяноста двух лет вызвала изрядный резонанс. В местном масштабе интерес подогревался еще и тем, что причина смерти осталась невыясненной. Профессор возвращался из Ньюпорта: он сошел с корабля – и, по словам свидетелей, рухнул как подкошенный после того, как его толкнул какой-то негр, с виду – моряк, что неожиданно-негаданно вынырнул из странноватого темного двора на холме, по крутому склону которого пролегал кратчайший путь от порта до дома покойного на Уильямс-Стрит. Врачи не обнаружили зримых признаков какого бы то ни было расстройства и, посоветовавшись немного в замешательстве, заключили, что причиной трагедии послужило некое скрытое нарушение сердечной деятельности, спровоцированное быстрым подъемом в гору – в профессор-

ские-то преклонные годы! В ту пору я не видел повода ставить диагноз под сомнение, но в последнее время я склонен задуматься на этот счет ... очень серьезно задуматься.

Как наследнику и душеприказчику моего двоюродного деда, – ибо он умер бездетным вдовцом, – мне полагалось сколь возможно тщательно просмотреть его архивы; с этой целью я перевез все его коробки и папки на свою бостонскую квартиру. Большую часть разобранных мною материалов со временем опубликует Американское археологическое общество, однако ж среди ящиков нашелся один, изрядно меня озадачивший: вот его-то мне особенно не хотелось показывать чужим. Ящик был заперт, ключа нигде не оказалось; но в конце концов я догадался осмотреть брелок, что профессор всегда носил в кармане. И действительно: открыть замок мне удалось, но тут передо мною воздвиглось препятствие еще более серьезное и непреодолимое. Что, ради всего святого, означали странный глиняный барельеф и разрозненные записи, наброски и газетные вырезки, мною обнаруженные? Или дед мой, на закате дней своих, стал жертвой самого банального надувательства? Я решил непременно разыскать эксцентричного скульптора, по всей видимости, нарушившего душевный покой старика.

Барельеф представлял собою неровный прямоугольник площадью приблизительно пять на шесть дюймов и менее дюйма толщиной, явно современного происхождения. Но изображалось на нем нечто крайне далекое от современности и по духу, и по замыслу; ибо хотя бесчисленны и сумасбродны причуды кубизма и футуризма, нечасто воспроизводят они таинственную упорядоченность, сокрытую в доисторических надписях. А большая часть этих узоров, вне всякого сомнения, представляла собою именно письмена; хотя память моя, невзирая на близкое знакомство с бумагами и коллекциями деда, не сумела ни опознать эту разновидность, ни хотя бы намекнуть на какие-то отдаленные параллели.

Над этими несомненными иероглифами просматривалась фигура – явно изобразительного плана, хотя импрессионистический стиль исполнения не позволял распознать ее природу. Что-то вроде чудища, или символ, представляющий чудище, породить которое способна разве что больная фантазия. Я нимало не погрешу против сути этого образа, если скажу, что моему взбалмошному воображению одновременно представились осьминог, дракон и карикатура на человека. Мясистая голова с щупальцами венчала гротескное, чешуйчатое тулово с рудиментарными крыльями; но особенно жуткое впечатление производили *общие очертания* всего в целом. На заднем плане смутно проступало некое подобие циклопической кладки.

К этой диковинке, помимо подборки газетных вырезок, прилагался целый ворох свежих записей, сделанных рукою профессора Эйнджелла и не претендующих на какую бы то ни было литературность. Основной, по всей видимости, документ было озаглавлен «КУЛЬТ КТУЛХУ» – тщательно прорисованными печатными буквами, чтобы предотвратить ошибки в прочтении столь неслыханного слова. Рукопись состояла из двух частей; первая – под рубрикой «1925 – Сон и творчество по мотивам снов Г. Э. Уилкокса, проживающего по адресу: штат Род-Айленд, г. Провиденс, Томас-Стрит, д. 7», и вторая – «Рассказ инспектора Джона Р. Лейграсса, проживающего по адресу: штат Луизиана, г. Новый Орлеан, Бьенвиль-Стрит, д. 121; 1908 г. – заседание А.А.О. – протокол и доклад проф. Уэбба». Остальные бумаги представляли собою краткие заметки, в некоторых содержалось описание странных снов самых разных людей, тут же попадались выдержки из теософских книг и журналов (в частности, из «Истории Лемурии и Атлантиды» У. Скотт-Эллиота), а также комментарии на тему сохранившихся с давних времен тайных обществ и секретных культов, вместе со ссылками на соответствующие пассажи в таких справочных изданиях по мифологии и антропологии, как «Золотая ветвь» Фрэзера и «Культ ведьм в Западной Европе» за авторством мисс Мюррей. В газетных вырезках речь шла по большей части о странных психических расстройствах и о вспышках группового помешательства или мании весной 1925 года.

В первой части основной рукописи пересказывалась прелюбопытная история. 1 марта 1925 года к профессору Эйнджеллу явился худощавый, смуглый юноша вида неврастениче-

ского и до крайности возбужденного, с необычным глиняным барельефом, на тот момент еще мягким и влажным. На визитке значилось имя: Генри Энтони Уилкоккс. Дед узнал в нем младшего сына некоего уважаемого семейства, отдаленно ему знакомого. Юноша вот уже некоторое время учился в Род-айлендской художественной школе на отделении скульптуры, а жил один, в здании «Флер-де-лис» неподалеку от учебного заведения. Уилкоккс, многообещающий вундеркинд, славился как своим недюжинным талантом, так и изрядной эксцентричностью и с детства удивлял окружающих диковинными историями и пересказами странных снов. Сам он говорил о своей «физической гиперсензитивности», но респектабельные жители старинного торгового города считали его просто-напросто «чудаком». С людьми своего круга он никогда особенно не общался, а постепенно и вовсе выпал из светской жизни; теперь его знала разве что небольшая группка эстетов из других городов. Даже насквозь консервативный Провиденский Клуб искусств убедился, что юноша безнадежен.

Что до визита, сообщалось в профессорской рукописи, скульптор нежданно-негаданно воззвал к археологическим познаниям хозяина, попросив идентифицировать иероглифы на барельефе. Изъяснялся он в этакой отрешенной, напыщенной манере, что наводила на мысль о позерстве и сочувствия не пробуждала, и дед мой отвечал довольно резко, поскольку очевидная новизна глиняной таблички наводила на мысль о чем угодно, кроме археологии. Ответ молодого Уилкоккса, впечатливший деда настолько, что тот запомнил и записал его дословно, был облечен в причудливо-поэтическую форму, свойственную речи юноши в целом; впоследствии я убедился, что такая манера изъясняться для него и впрямь весьма характерна. «Воистину табличка нова; я создал ее прошлой ночью, грезя о невиданных городах; а сны – древнее, чем угрюмый Тир, или задумчивый Сфинкс, или венчанный садами Вавилон».

Тут-то юноша и повел свой бессвязный рассказ, внезапно разбередив дремлющие воспоминания деда и пробудив в нем лихорадочный интерес. Накануне ночью случилось небольшое землетрясение – самое значительное в Новой Англии за последние несколько лет, и впечатлительный Уилкоккс остро ощутил на себе его влияние. Ночью ему привиделся небывалый сон: великие города Циклопов, сплошь – исполинские глыбы и устремленные в небеса монолиты; все они сочились зеленой слизью и таили в себе неизъяснимый ужас. Стены и колонны были покрыты иероглифами, а откуда-то снизу доносился голос, что и голосом-то не назовешь: хаотическое ощущение, что преобразовать в звук способна лишь фантазия. И тем не менее, юноша попытался передать его почти произносимым набором букв: «Ктулху фхтагн».

Эта словесная невнятица и послужила ключом к воспоминанию, что одновременно взволновало и встревожило профессора Эйнджелла. Он расспросил скульптора с дотошностью ученого – и с жадной скрупулезностью изучил барельеф. Если верить Уилкокксу, ночью, проснувшись, как от толчка, потрясенный юноша обнаружил, что работает над пресловутой глиняной табличкой – продрогший, в одной пижаме. Впоследствии Уилкоккс рассказывал, что дед списывал не иначе как на свои преклонные годы тот досадный факт, что не сразу распознал иероглифы и изображение. Многие его вопросы показались гостю в высшей степени неуместными – в особенности те, что намекали на его связь со странными культами или обществами. Уилкоккс в упор не понимал настойчивых обещаний хранить тайну в обмен на допуск и членство в каком-то разветвленном мистическом или языческом религиозном сообществе. Когда же профессор Эйнджелл уверился, что скульптор действительно понятия не имеет ни о каком культе и ни о каком тайном знании, он засыпал гостя просьбами сообщать о своих снах и дальше. Результаты, причем на постоянной основе, не заставили себя ждать. После первой беседы в рукописи отмечались ежедневные визиты юноши, в ходе которых он пересказывал впечатляющие фрагменты ночных видений: в них неизменно фигурировали жуткие виды исполинских городов из темного, влажного камня, и подземный голос или разум, размеренно подающий загадочные импульсы смысла, что в записанном виде представляли собою полную

тарабарщину. Чаще всего повторялись два звука: если передать их буквосочетаниями, то получалось «Ктулху» и «Р'льех».

23 марта, как гласила рукопись, Уилкоккс не пришел на встречу. Профессор навел справки на квартире скульптора; выяснилось, что юношу поразила некая загадочная болезнь и его увезли в семейный особняк на Уотерман-Стрит. Ночью он кричал во сне, перебудив еще несколько художников, проживающих в здании, а с тех пор пребывал либо в беспамятстве, либо в бреде. Дед немедленно позвонил его родственникам и отныне и впредь бдительно следил за развитием событий и то и дело заезжал в кабинет доктора Тоби на Тайер-Стрит, выяснив, что пациента поручили ему. Лихорадочный разум юноши, по всей видимости, одолевали странные видения; пересказывая их, доктор то и дело вздрагивал. В них не только повторялись прежние сны, но в общем сумбуре возникала какая-то исполинская тварь, «во много миль высотой» – ковылявшая тяжело и неуклюже. Уилкоккс так и не описал это существо в подробностях, но отрывочные безумные восклицания в пересказе доктора Тоби убедили профессора, что оно, по всей видимости, тождественно безымянному чудовищу, изображенному на скульптуре из сна. Доктор добавил, что, заговорив о глиняном барельефе, юноша неизменно впадал в летаргию. Как ни странно, температура его была немногим выше обычной, но общее состояние наводило на мысль скорее о горячке, нежели о душевном расстройстве.

2 апреля около трех часов пополудни все симптомы недуга разом исчезли. Уилкоккс сел в постели, с превеликим изумлением обнаружив, что находится дома. Он понятия не имел, что происходило с ним начиная с ночи 22 марта, будь то во сне или в действительности. Врач объявил его здоровым; спустя три дня юноша вернулся к себе на квартиру, но профессору Эйнджеллу он больше ничем помочь не мог. С выздоровлением все странные видения прекратились; примерно с неделю дед выслушивал бесполезные, не относящиеся к делу пересказы самых что ни на есть обыкновенных снов, после чего записи вести перестал.

На этом заканчивалась первая часть рукописи, но ссылки на разрозненные заметки дали мне немало материала для размышлений – на самом деле, так много, что мое сохранившееся недоверие к художнику объясняется разве что моей тогдашней философией, насквозь пропитанной скептицизмом. В пресловутых заметках описывались сны разных людей в течение того же периода, когда молодого Уилкоккса посещали его странные химеры. Дед очень быстро, по всей видимости, создал разветвленную, обширную сеть наведения справок, охватив едва ли не всех своих друзей, которым мог задавать вопросы, не рискуя показаться дерзким: от них он требовал еженочных отчетов о снах – и даты каких-либо примечательных видений за прошедшее время. На подобные просьбы люди, надо думать, реагировали по-разному, и все же при самых скромных подсчетах дед явно получал куда больше ответов, нежели удалось бы обработать без помощи секретаря. Исходная корреспонденция не сохранилась, но дедовы заметки представляли собою детальный и весьма показательный обзор. Люди самые что ни на есть обыкновенные, те, что вращаются в светском обществе и в деловых кругах – пресловутая «соль земли» Новой Англии, – результаты представили в большинстве своем отрицательные. Однако ж тут и там фигурировали отдельные случаи тревожных, но бесформенных ночных впечатлений: все они приходились на период между 23 марта и 2 апреля – когда молодой Уилкоккс пребывал в бреде. Ученые оказались чуть более восприимчивы: четыре случая расплывчатых описаний наводят на мысль о мимолетных проблесках странных ландшафтов, и в одном случае упоминается ужас перед чем-то паранормальным.

Ответы по существу дали поэты и художники; я уверен, что будь у них возможность сравнить свои записи, вспыхнула бы настоящая паника. Но, поскольку оригиналов писем в моем распоряжении не было, я отчасти заподозрил, что составитель либо задавал наводящие вопросы, либо отредактировал тексты сообразно желаемому результату. Вот почему мне по-прежнему казалось, что Уилкоккс, каким-то образом получив доступ к более ранним сведениям, которыми располагал мой дед, намеренно ввел маститого ученого в обман. Отклики эстетов

складывались в пугающую повесть. С 28 февраля и по 2 апреля многим из них снились странные, причудливые сны, причем их яркость безмерно усилилась в тот период, когда скульптор пребывал в бреду. Примерно одна четвертая из числа тех, кто согласились поведать о своем опыте, сообщали о ландшафтах и отзвуках, очень похожих на описания Уилкокса; а кое-кто из сновидцев признавался, что ближе к концу появлялась гигантская безымянная тварь, внушавшая беспредельный страх. Один из случаев, весьма печальный, рассматривался особенно подробно. Субъект – широко известный архитектор, склонный к теософии и оккультизму, – в день, когда с молодым Уилкоксом приключился приступ, впал в буйное помешательство, неумолчно кричал, умоляя спасти его от какого-то сбежавшего из ада демона, – и несколькими месяцами позже скончался. Если бы дед ссылался на эти случаи, приводя имена, а не просто номера, я бы предпринял независимое расследование в поисках доказательств, но так, как есть, мне удалось установить личность лишь нескольких человек. Однако ж все они дословно подтвердили записи. Я частенько гадаю, все ли опрошенные были столь же озадачены, как эти немногие. Хорошо, что объяснения они так и не получают.

В газетных вырезках, как я уже сообщал, речь шла о вспышках паники, о маниях и психозах в указанный период. Профессор Энджелл, должно быть, нанял целое пресс-бюро, потому что количество выдержек было огромно, а источники – разбросаны по всему земному шару. Тут – ночное самоубийство в Лондоне: одинокий жилец с душераздирающим криком выбросился во сне из окна. Там – бессвязное письмо издателю газеты в Южной Америке: какой-то одержимый видениями фанатик предсказывал мрачное будущее. Официальное сообщение из Калифорнии описывало, как целая колония теософов облеклась в белые одежды ради некоего «великого совершенства», которое так и не последовало; в то время как в статьях из Индии сдержанно говорилось о серьезных волнениях в среде местного населения ближе к концу марта. По Гаити прокатилась волна шаманских оргий; африканские аванпосты докладывали о недовольстве и ропоте. Американские офицеры на Филиппинских островах докладывали, что примерно в то же время отдельные племена сделались беспокойны, а в ночь с 22 на 23 марта в Нью-Йорке полицейских атаковала толпа истеричных левантинцев. В западной части Ирландии множились самые дикие слухи и легенды; весной 1926 года художник-фантаст именем Ардуа-Бонно выставил в Парижском салоне свое кощунственное полотно под названием «Пригрезившийся пейзаж». А в психиатрических больницах отмечалось такое количество беспорядков, что не иначе как чудо помешало медицинской братии отследить странные параллели и прийти к озадачивающим выводам. В общем и целом – жутковатая подборка вырезок; и сегодня я с трудом понимаю свой тогдашний бездушный рационализм, заставивший меня от них отмахнуться. Впрочем, на тот момент я и впрямь был убежден, что молодой Уилкокс знал о событиях более давних, профессором упомянутых.

II. ИСТОРИЯ ИНСПЕКТОРА ЛЕГРАССА

События более давние, в связи с которыми сон скульптора и барельеф показались моему деду столь важными, излагались во второй части пространной рукописи. Как выяснилось, в прошлом профессор Энджелл уже видел адские очертания безымянного чудовища, и ломал голову над неведомыми иероглифами, и слышал зловещую последовательность звуков, которую можно передать только как «Ктулху». И все это – в таком тревожном и страшном контексте, что не приходится удивляться, если он принялся забрасывать молодого Уилкокса расспросами и настойчиво требовать все новых сведений.

Этот его более ранний опыт датируется 1908 годом, семнадцатью годами раньше. Американское археологическое общество съехало на ежегодную конференцию в Сент-Луис. Профессор Энджелл, как оно и подобает ученому настолько авторитетному и заслуженному, играл значимую роль во всех дискуссиях. Именно к нему в числе первых обратились несколько

неспециалистов, что пришли на заседание, дабы получить правильные ответы на свои вопросы и разрешить проблемы силами экспертов.

Главным среди этих неспециалистов был ничем не примечательный человек средних лет, приехавший из самого Нового Орлеана в поисках узкоспециальной информации, которую местные источники предоставить ему не могли. Именно он вскорости оказался в центре внимания всего почтенного собрания. Звали его Джон Реймонд Лейграсс; работал он полицейским инспектором. Он принес с собой то, ради чего приехал: гротескную, омерзительную, по всей видимости, очень древнюю каменную статуэтку, происхождение которой определить затруднялся. Нет, инспектор Лейграсс нисколько не интересовался археологией. Напротив, его любопытство было подсказано исключительно профессиональными соображениями. Статуэтку, идол, фетиш или что бы уж это ни было, захватили несколькими месяцами раньше в заболоченных лесах к югу от Нового Орлеана, в ходе облавы на сборище предполагаемых шаманов-вудуистов. И столь необычные и отвратительные обряды были связаны с этой статуэткой, что полицейские не могли не осознать, что столкнулись с каким-то неведомым темным культом, бесконечно более страшным, нежели самые что ни на есть дьявольские секты африканских колдунов. О происхождении культа ровным счетом ничего не удалось выяснить – если не считать обрывочных и неправдоподобных признаний, исторгнутых у пленников. Поэтому полиция и решила обратиться к ученым, знатокам древности, в надежде с их помощью понять, что из себя представляет кошмарный символ, и через него выйти к истокам культа.

Инспектор Лейграсс даже представить себе не мог, какую сенсацию произведет его приношение. При одном только взгляде на загадочный предмет собрание ученых мужей разволновалось не на шутку. Окружив гостя плотным кольцом, все так и пожирали глазами фигурку: ее явная чужеродность и аура неизмеримо глубокой древности наводили на мысль о доселе неоткрытых архаичных горизонтах. Художественную школу, породившую эту страшную скульптуру, так и не удалось опознать, однако ж тусклая, зеленоватая поверхность неизвестного камня словно бы хранила в себе летопись веков и даже тысячелетий.

Статуэтка, которую неспешно передавали из рук в руки для ближайшего и внимательного рассмотрения, в высоту была около семи-восьми дюймов и поражала мастерством исполнения. Она изображала чудовище неопределенно антропоидного вида, однако ж с головой, как у спрута, с клубом щупалец вместо лица, с чешуйчатым, явно эластичным телом, с гигантскими когтями на задних и передних лапах и длинными, узкими крыльями за спиной. Это существо, по ощущению, исполненное жуткой, противоестественной злобности, обрюзгшее и тучное, восседало в отвратительной позе на прямоугольной глыбе или пьедестале, покрытом непонятными письменами. Концы крыльев касались черного края камня сзади, само сиденье помещалось в центре, а длинные, изогнутые когти поджатых, скрюченных задних лап цеплялись за передний край и спускались вниз примерно на четверть высоты пьедестала. Моллюскообразная голова выдавалась вперед, так, что лицевые щупальца задевали с тыльной стороны громадные передние лапы, обхватившие задранные колени. Все в целом выглядело неправдоподобно живым – и тем более неуловимо пугающим, что происхождение идола оставалось неизвестным. В запредельной, устрашающей, бесконечной древности статуэтки не приходилось сомневаться, и однако ж ничто не указывало на какой-либо известный вид искусства, возникший на заре цивилизации – либо в любую другую эпоху. Перед нами было нечто особое, ни на что не похожее; даже сам материал и тот являл собою неразрешимую загадку: мылообразный, зеленовато-черный камень с золотыми и радужными вкраплениями и прожилками не походил ни на что знакомое из области геологии либо минералогии. Вязь письмен, начертанных вдоль основания постамента, озадачивала не меньше; никто из участников, – несмотря на то, что в собрании присутствовала половина мировых экспертов в этой области, – не имел ни малейшего представления о том, с какими языками это наречие хотя бы самым отдаленным образом соотносится. Иероглифы, точно так же, как сама скульптура и ее материал, принадле-

жали к чему-то устрашающе далекому и чуждому человеческой цивилизации, — такой, какой мы ее знаем; к чему-то пугающему, наводящему на мысль о древних и кошунственных циклах жизни, к которым наш мир и наши представления вообще неприложимы.

И однако ж, пока участники конференции по очереди качали головами и признавали свое бессилие перед задачей инспектора, нашелся в собрании один человек, которому померещилось, будто чудовищная фигура и письма ему до странности знакомы. Он-то и рассказал, смущаясь, о некоей памятной ему странной безделице. То был ныне покойный Уильям Чаннинг Уэбб, профессор антропологии Принстонского университета и небезызвестный исследователь. Сорок восемь лет назад профессор Уэбб участвовал в экспедиции по Гренландии и Исландии в поисках рунических надписей, отыскать которые ему так и не удалось. В верхней части побережья Западной Гренландии он обнаружил примечательное племя выродившихся эскимосов (а может, и не племя, а что-то вроде культа). Их религия, любопытная разновидность сатанизма, до глубины души ужаснула профессора своей нарочитой кровожадностью и гнусностью. Об этой вере прочие эскимосы почти ничего не знали, упоминали о ней с содроганием и говорили, что пришла она из бездонных глубин вечности за миллиарды лет до того, как был создан мир. В придачу к отвратительным обрядам и человеческим жертвоприношениям эта религия включала в себя извращенные, переходящие из поколения в поколение ритуалы, посвященные высшему, древнейшему дьяволу, иначе известному как *торнасу*; профессор Уэбб тщательно записал этот термин в транскрипции со слов престарелого жреца-шамана (иначе — *ангекок*), как можно точнее передав звучание латинскими буквами. Но на данный момент интерес представлял фетиш, связанный с пресловутым культом: идол, вокруг которого отплясывали эскимосы, когда высоко над ледяными утесами полыхало северное сияние. То был примитивный каменный барельеф с изображением кошмарного монстра, покрытый загадочными письмами. Насколько профессор мог судить, в основных чертах этот фетиш походил на чудовищную статуэтку, представленную ныне собранию.

Ученые мужи внимали Уэббу настороженно и потрясенно, а инспектор Лейграсс разволновался больше прочих; он в свою очередь принялся засыпать профессора расспросами. Полицейский некогда записал и скопировал устный ритуал со слов арестованных служителей болотного культа, и теперь попросил ученого по возможности вспомнить последовательность звуков, зафиксированную среди дьяволопоклонников-эскимосов. Последовало придиричивое, дотошное сличение записей — и в зале повисло благоговейное молчание. Детектив и ученый установили, что фраза, общая для двух адских ритуалов, проводимых в разных концах земного шара, фактически идентична! То, что шаманы-эскимосы и жрецы с луизианских болот выкликали нараспев, взывая к своим родственным идолам, по сути представляло собою приблизительно следующее:

«Пх'нглиу мгла'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн».

Причем деление слов угадывалось по традиционным паузам во фразе в ходе пения.

Здесь инспектор Лейграсс на шаг опередил профессора Уэбба: несколько его арестантов-метисов сообщили ему со слов старших участников обряда, что означало пресловутое заклинание. А именно:

«В своем чертоге в Р'льехе мертвый Ктулху грезит и ждет».

Теперь же, в ответ на общую настоятельную просьбу, инспектор Лейграсс поведал сколько можно более подробно о своем знакомстве со служителями болотного культа и рассказал историю, которой дед, как я понял, придавал огромное значение. В ней ощущался привкус безумных снов мифотворца и теософа и размах воображения воистину космического масштаба, — совершенно, казалось бы, неожиданный в среде отверженных полукровок.

1 ноября 1907 года в новоорлеанскую полицию поступил срочный вызов из края озер и болот к югу от города. Тамошние скваттеры, люди по большей части простые, но добродушные,

потомки отряда Лафита⁸, пребывали во власти слепого ужаса – нечто неведомое подкралось к ним в ночи. Магия вуду, по всей видимости, причем самой что ни на есть чудовищной, прежде неизвестной разновидности. С тех пор, как в черной чаще заколдованного леса, куда не смел заходить никто из местных жителей, зазвучали неумолчные тамтамы, стали пропадать женщины и дети. Оттуда доносились безумные крики, душераздирающие вопли, пение, от которого кровь стыла в жилах, там плясало адское пламя, и, добавил перепуганный посыльный, люди не в силах больше выносить этого кошмара.

И вот, ближе к вечеру, отряд из двадцати полицейских в двух каретах и одном автомобиле выехал на место событий. Дрожащий от страха скваттер указывал путь. Со временем проезжая дорога закончилась; все вышли и на протяжении нескольких миль шлепали по грязи в безмолвии жутких кипарисовых лесов, не знающих света дня. Безобразные корни и зловеще нависающие петли «испанского мха» преграждали им путь; тут и там гряда влажных камней или фрагмент гниющей стены, наводя на мысль о мрачном обиталище, еще больше усиливали ощущение подавленности, в которое вносили свой вклад каждое уродливое дерево, каждый губчатый островок. Наконец впереди показалось поселение скваттеров – жалкое скопление лачуг. Перепуганные жители выбежали за двери и обступили группу с фонарями тесным кольцом. Где-то далеко впереди и впрямь слышался приглушенный бой тамтамов; время от времени, когда менялся ветер, долетал леденящий душу вопль. Сквозь блеклый подлесок, откуда-то из-за бескрайних аллей ночной чащи просачивался красноватый отблеск. Все до одного скваттеры – даже притом, что они панически боялись снова остаться одни, – наотрез отказались приближаться к сцене нечестивой оргии хотя бы на шаг. Так что инспектор Лейграсс и его девятнадцать соратников без проводника нырнули под темные аркады ужаса, туда, где никто из них не бывал прежде.

Область, куда ныне нагрянула полиция, испокон веков пользовалась дурной славой – белые туда не заглядывали и почти ничего о ней не знали. Легенды рассказывали о потаенном озере, которого веками не видел взгляд человеческий; там обитала гигантская, бесформенная белесая полипообразная тварь со светящимися глазами; скваттеры перешептывались, что в полночь-де к ней на поклон из пещер в недрах земли вылетают дьяволы на крыльях летучих мышей. Поговаривали, что тварь эта жила там до д'Ибервилля⁹, до Ла Салья¹⁰, до индейцев и даже до привычных лесных зверей и птиц. В ней словно ожил ночной кошмар; увидеть чудище означало – умереть. Но тварь насылала на людей сны, так что они знали достаточно, чтобы не соваться куда не надо. Нынешняя вудуистская оргия происходила на самой окраине ненавистной области, но и этого было довольно: возможно, поэтому место, выбранное под святилище, внушало скваттерам еще больший ужас, чем кошмарные звуки и происшествия.

Лишь поэт или безумец сумел бы воздать должное звукам, что слышали люди Лейграсса, пробираясь вперед сквозь черную трясину в направлении алого отблеска и приглушенного рокота тамтамов. Разные тембры голоса присущи человеку и зверю; и страшно слышать одно вместо другого. Животная ярость и разнузданное непотребство здесь нарастали до демонического размаха: завывания и экстатические вопли неистовствовали и эхом прокатывались из конца в конец по ночному лесу, точно чумные бури из пучин ада. То и дело беспорядочное улюлюканье смолкало, и, по всей видимости, вымуштрованный хор хриплых голосов принимался монотонно выпевать эту мерзкую фразу или целое заклинание:

«Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн».

⁸ Жан Лафит – французский пират начала XIX века, герой многих легенд; действовал в районе Нового Орлеана.

⁹ Пьер Ле Мойн д'Ибервилль (1661–1706) – авантюрист и исследователь, рыцарь, торговец и моряк, основатель французской колонии Луизиана.

^{10 1} Рене-Робер Кавелье де Ла Саль (1643–1687) – французский исследователь Северной Америки; первым из европейцев проплыл по реке Миссисипи; благодаря ему началась французская колонизация региона.

Наконец полицейские выбрались из болота туда, где деревья поредели – и глазам их внезапно открылось жуткое зрелище. Четверо пошатнулись, один рухнул в обморок, двое не сдержали иступленного крика – по счастью, голоса их потонули в безумной какофонии оргии. Лейграсс плеснул водой в лицо потерявшему сознание; все застыли на месте, дрожа крупной дрожью, загипнотизированные ужасом.

На прогалине среди болот обнаружился поросший травой островок, протяженностью примерно в акр, безлесный и относительно сухой. На этом островке скакала и извивалась неопиcуемая орда – скопище человеческих уродств, нарисовать которые не под силу никому, кроме разве Сайма или Ангаролы¹¹. Голые, в чем мать родила, эти разношерстные ублюдки ревели, мычали и, корчась, выплясывали вокруг чудовищного кольца огня. Сквозь разрывы в огненной завесе можно было разглядеть, что в центре возвышается гигантский гранитный монолит примерно восьми футов в высоту; а на нем, несообразно-миниатюрная, стоит мерзкая резная статуэтка. На равном расстоянии от окаймленного огнем монолита по широкому кругу были расставлены десять виселиц, и на них висели, головами вниз, чудовищно изуродованные тела злополучных пропавших скваттеров. Внутри этого круга и бесновались с ревом служители культа, в массе своей двигаясь слева направо в нескончаемой вакханалии между кольцом мертвых тел и кольцом огня.

Возможно, это просто фантазия разыгралась; возможно, это было всего лишь эхо – но только одному из полицейских, впечатлительному испанцу, почудилось, будто он слышит ответные отзвуки, как бы вторящие ритуальному пению – откуда-то издалека, из неосвещенной тьмы в глубине чащи, средоточия древних легенд и ужасов. Этого человека, именем Джозеф Д. Калвез, я впоследствии отыскал и расспросил; и да, как ни досадно, воображения ему было не занимать. На что он только не намекал – и на шелестящие взмахи гигантских крыльев, и на отблеск сверкающих глаз, и на смутно белеющую за дальними деревьями громаду – но я так полагаю, это он местных суеверий наслушался.

Строго говоря, потрясенное замешательство полицейских продлилось недолго. Служба – прежде всего; и хотя одержимой швали в толпе насчитывалось человек под сто, блюстители порядка, полагаясь на огнестрельное оружие, решительно ринулись в самую гущу гнусного сборища. Шум, гвалт и хаос первых пяти минут не поддаются никакому описанию. Сыпались яростные удары, гремели выстрелы, кому-то удалось бежать; но в конце концов Лейграсс насчитал сорок семь угрюмых пленников. Их заставили по-быстрому одеться и выстроили в цепочку между двумя рядами полицейских. Пятеро идолопоклонников были убиты на месте, а двоих тяжелораненых унесли на импровизированных носилках их же арестованные собратья. А статуэтку инспектор Лейграсс осторожно снял с монолита и забрал с собой.

Путь назад оказался чрезвычайно тяжелым и утомительным. В полицейском отделении пленников допросили; все они оказались умственно отсталыми полукровками – самые что ни на есть отбросы общества. В большинстве своем это были матросы, и среди них – несколько мулатов и негров – главным образом уроженцев Вест-Индии и португальцев с Брава и других островов Кабо Верде: они-то и привносили оттенок вудуизма в разношерстный культ. Но уже после первых вопросов стало ясно, что речь идет о веровании более глубоком и древнем, нежели негритянский фетишизм. При всем своем невежестве и убожестве эти несчастные с удивительной согласованностью держались ключевой идеи своей омерзительной религии.

По их словам, они поклонялись Великим Древним, которые жили за много веков до появления первых людей и явились в только что созданный мир с небес. Теперь Древние ушли, они в недрах земли и в морских глубинах; но их мертвые тела поведали свои тайны через сны –

¹¹ Энтони Ангарола (1893–1929) – американский художник итальянского происхождения. Сидни Сайм (1867–1941) – английский художник; известен своими фантастическими и сатирическими иллюстрациями; в частности, иллюстрировал произведения лорда Дансейни. И тот, и другой – любимые художники Г. Ф. Лавкрафта.

первым людям, а те создали культ, и культ этот жив по сей день. Это он и есть; арестанты уверяли, что культ существовал всегда и пребудет вечно, в дальней глуши и в темных укывищах по всему свету – до тех пор, пока великий жрец Ктулху не восстанет в своем черном чертоге в могучем городе Р'льех под водой – и снова не подчинит себе землю. Однажды, при нужном положении звезд, он позовет – а до тех пор тайный культ неизменно ждет своего часа – дабы освободить Ктулху.

А до тех пор – более ни слова. Даже под пыткой служители культа не выдали бы своего секрета. Среди мыслящих земных существ человек не вовсе одинок, ибо из тьмы к немногим верным приходят призраки. Но это – не Великие Древние. Великих Древних никому из людей видеть не доводилось. Резной идол изображает великого Ктулху, но никто не взялся бы утверждать, насколько похожи на него все прочие. Ныне никому не под силу прочесть древние письмена, но многое передавалось из уст в уста. Ритуальный речитатив тайной не являлся – о тайнах говорили не вслух, но шепотом. Песнопение означало всего-навсего: «В своем чертоге в Р'льехе мертвый Ктулху грезит и ждет».

Только двое арестованных оказались достаточно вменяемы, чтобы отправить их на виселицу; остальных поместили в соответствующие лечебницы. Свое участие в ритуальных убийствах все отрицали, уверяя, будто жертв умерщвляли Черные Крылья, прилетающие со своего исконного места встречи в колдовском лесу. Но никакой связной информации об этих загадочных пособниках получить так и не удалось. Почти все, что полиции посчастливилось выяснить, сообщил престарелый метис по имени Кастро: он утверждал, будто причаливал в чужеземных гаванях и беседовал с бессмертными вождями культа в горах Китая.

Старик Кастро припомнил обрывки жуткой легенды, пред которой бледнели домыслы теософов, а мир и человек казались воистину юны и скоротечны. В незапамятные эпохи на земле царили Иные: Они возвели величественные города. То, что от них осталось (как якобы рассказывали бессмертные китайцы), сохранилось и по сей день: циклопическая кладка на островах Тихого океана. Все Они вымерли за много веков до появления человека; однако ж с помощью тайных искусств Их можно оживить, когда звезды снова встанут в нужное положение в цикле вечности. Сами Они некогда пришли со звезд и принесли с собою Свои изваяния.

Эти Великие Древние, продолжал Кастро – не вполне из плоти и крови. У них есть обличия – разве не подтверждает того статуэтка со звезд? – но обличие это нематериально. При должном расположении звезд Они могут переноситься по небу из мира в мир; но когда звезды неблагоприятны, Они не живут. Однако и не будучи живыми, Они не могут умереть в полном смысле этого слова. Все они покоятся в каменных чертогах в Своем великом городе Р'льех, защищенные чарами могучего Ктулху в преддверии славного воскрешения, когда звезды и земля снова будут готовы принять Их. Но в нужный час понадобится некая внешняя сила, дабы помочь освободить Их тела. Чары, сохранявшие Их нетленными, не дают Им и воспрянуть; Они могут лишь бодрствовать во тьме, погруженные в думы, пока над землей текут бесчисленные миллионы лет. Они знают обо всем, что происходит во вселенной, ибо речью Им служит обмен мыслями. Даже сейчас Они беседуют в Своих гробницах. Когда же на смену беспредельному хаосу появились первые люди, Великие Древние воззвали к наиболее чутким из них, придавая форму их снам, ибо только так мог Их язык воздействовать на плотский разум млекопитающих.

Тогда, прошептал Кастро, эти первые люди создали культ вокруг небольших идолов, что явили им Великие – идолов, принесенных в сумеречные эпохи с темных звезд. Этот культ не умрет вовеки – до тех пор, пока звезды не примут вновь нужное положение; тогда тайные жрецы выведут великого Ктулху из гробницы, дабы Он оживил Своих подданных и вновь воцарился на земле. Распознать, что время пришло, будет нетрудно: ибо в ту пору человек уподобится Великим Древним – станет свободен и дик, вне добра и зла, отринет закон и мораль; мир захлестнут крики и вопли, кровопролитие и разгульное веселье. Тогда освобожденные Древние научат людей по-новому кричать, убивать, ликовать и радоваться, и по всей земле

запыляет губительный пожар экстатической свободы. Между тем культ, посредством подobaющих обрядов, должен хранить память о древних обычаях, предвосхищая пророчество об их возрождении.

В былые времена избранные говорили с погребенными Древними через сны, а потом случилась великая катастрофа. Каменный город Р'льех вместе с его монолитами и гробницами ушел под воду. Бездонная пучина, средоточие той единственной исконной тайны, сквозь которую не проникнет даже мысль, оборвала призрачное общение. Но память не умирает; и верховные жрецы говорят, будто при благоприятном расположении звезд город поднимется вновь. Тогда из глубинных недр появились черные духи земли, гнилостные и неясные, неся смутные слухи из пещер под позабытым дном моря. Но о них старик Кастро не смел распространяться подробнее. Он тут же прикусил язык, и никакими уговорами и хитростями так и не удалось вытянуть из него больше. Любопытно, что про *размер* Древних он тоже отказался рассказывать. Что до культа, по предположениям Кастро, центр его находится в нехоженных пустынях Аравии, где дремлет Ирем многоколонный, сокрыт и нетронут. Культ никак не связан с европейским чернокнижием и за пределами круга посвященных практически неизвестен. Ни в одной книге не содержится о нем даже намеков, хотя бессмертные китайцы говорили, будто в «Некрономиконе» безумного араба Абдула Альхазреда многие фразы несут в себе двойной смысл, и посвященные вольны прочитывать их так, как считают нужным, особенно знаменитые строки:

*«Не мертв, кого навек объяла тьма.
В пучине лет умрет и смерть сама».*

Леграсс, глубоко потрясенный и немало озадаченный, напрасно допытывался о месте культа в истории. Кастро, по всей видимости, не солгал, утверждая, что культ хранится в глубокой тайне. Специалисты из Тулейнского университета не смогли сказать ничего определенного ни о культе, ни о статуэтке. И вот теперь инспектор обратился к светилам из светил, ведущим специалистам страны – и вынужден был удовольствоваться всего-то навсего рассказом о Гренландии из уст профессора Уэбба.

Лихорадочный интерес, вызванный сообщением Леграсса и подогретый еще больше благодаря статуэтке, эхом звучит в последующей переписке участников конференции; хотя в официальных публикациях общества тема эта почти не затрагивается. Осмотрительность – девиз тех, кто привык то и дело сталкиваться с подлогом и шарлатанством. Леграсс на время ссудил идола профессору Уэббу, но после смерти ученого статуэтка вернулась к Леграссу и по сей день находится у него; не так давно я имел возможность с нею ознакомиться. Скульптура воистину жуткая, и несомненно, сродни барельефу из сна молодого Уилкокса.

Надо ли удивляться, что деда взволновала история скульптора! Ведь он уже знал о культе со слов Леграсса – и вот вам, пожалуйста, судьба столкнула его с гиперчувствительным юношей, которому *приснилось* не только изображение и точные иероглифы как с болотного идола, так и с гренландской адской таблички, но который *во сне* слышал по меньшей мере три слова из заклинания, повторяемого как дьяволопоклонниками-эскимосами, так и полукровками-луизианцами? Естественно, профессор Эйнджелл тотчас же взялся за доскональное расследование; хотя я все еще подозревал про себя, что молодой Уилкоккс каким-то косвенным образом прослышал о культе и просто-напросто выдумал серию сновидений, дабы нагнетать и всячески раздувать таинственность за счет моего деда. Записи снов и газетные вырезки из лекции профессора, несомненно, явились весомыми доказательствами; но мой неистребимый рационализм и необычность всей этой истории неумолимо подталкивали меня к, казалось бы, самым разумным выводам. Так что, еще раз тщательно изучив рукопись и сопоставив фрагменты из теософских и антропологических трудов с Леграссовым рассказом о культе, я отпра-

вился в Провиденс, чтобы лично повидаться со скульптором и осыпать его, как мне казалось, заслуженными упреками за беззащитное издевательство над пожилым ученым.

Уилкокс по-прежнему проживал в одиночестве в здании «Флер-де-лис» на Томас-Стрит – в этой чудовищной викторианской имитации бретонской архитектуры семнадцатого века, что выставляет напоказ оштукатуренный фасад среди очаровательных особняков колониальной эпохи на древнем холме, под сенью роскошнейшего из георгианских шпилей Америки. Я застал юношу за работой и уже по разбросанным тут и там образцам с первых же минут понял, что имею дело с подлинным, несомненным гением. Полагаю, в один прекрасный день он прославится как один из великих декадентов; ибо он запечатлел в глине, а в один прекрасный день отразит и в мраморе те фантазии и кошмары, что Артур Макен¹² воплощает в прозе, а Кларк Эштон Смит¹³ являет в стихах и в живописи.

Темноволосый, хрупкого сложения и несколько неряшливого вида, он томно обернулся на мой стук и, не вставая, осведомился, что у меня за дело. Я представился; он выказал некоторый интерес – мой дед некогда возбудил его любопытство: расспрашивая о странных снах, он, однако ж, так и не объяснил, в чем состояла суть его исследований. На этот счет и я его просвещать не стал, но ненавязчиво попытался его разговорить. Очень скоро я убедился в совершенной его искренности: он говорил о снах в манере весьма характерной. Эти сновидения и отпечаток их в подсознании глубоко повлияли на его творчество: Уилкокс показал мне чудовищную статую, очертания которой просто-таки дышали злобнейшей недоговоренностью. Скульптор не помнил, чтобы ему доводилось видеть оригинал, вот разве что на его собственном барельефе из сна, но контуры фигуры возникали под его рукой сами собою. Несомненно, именно этот гигантский фантом являлся ему в бреду. Вскоре стало очевидно, что юноша в самом деле ничего не знал о тайном культе, кроме разве того, что проскальзывало ненароком в ходе дедова безжалостного допроса; и я вновь принялся ломать голову, где же Уилкокс мог почерпнуть эти жуткие образы.

О снах Уилкокс рассказывал в причудливой поэтической манере, так, что я с ужасающей яркостью представлял себе и сырой циклопический город из склизкого зеленого камня, *геометрия* которого, по невразумительному отзыву юноши, *насквозь неправильная*, – и с боязливым предвкушением слышал неумолчный, словно бы мысленный зов из-под земли: «Ктулху фхтагн», «Ктулху фхтагн». Эти слова складывались в страшный ритуал, повествующий о сонном бдении мертвого Ктулху в каменном склепе Р'льеха; и, несмотря на весь мой рационализм, меня пробрало до самых костей. Наверняка Уилкокс где-то краем уха услышал о культе и вскорости позабыл о нем под наплывом столь же странных впечатлений от книг и грез. Однако ж впечатление запало юноше в душу и позже нашло выражение через бессознательное – в снах, в барельефе и в кошмарной статуе, что ныне стояла передо мной. Разумеется, деда он ввел в заблуждение не нарочно. Такой тип молодых людей – одновременно слегка претенциозный и несколько развязный, – я всегда не жаловал; однако ж теперь я был готов признать как незаурядный талант Уилкокса, так и его порядочность. Я дружески с ним распрощался и пожелал многообещающему гению всяческих успехов.

Между тем история культа по-прежнему меня завораживала; а порою я мечтал о том, как прославлюсь, досконально изучив происхождение культа и его связи. Я побывал в Новом Орлеане, потолковал с Леграссом и другими полицейскими, участниками той давней облавы, своими глазами увидел страшного идола и даже допросил нескольких арестантов-метисов, что дожили до сего дня. К сожалению, старик Кастро вот уже несколько лет как умер. То, что я

¹² Артур Макен (Arthur Machen, 1863–1947) – валлийский писатель мистически-оккультного плана, известен своими рассказами в жанре фантастики и фэнтези; мастер рассказов ужасов. Его творчество оказало определяющее влияние на Г. Ф. Лавкрафта.

¹³ Кларк Эштон Смит (Clark Ashton Smith, 1893–1961) – американский поэт и писатель, художник, скульптор; известен своими рассказами в жанре фантастики и фэнтези. Близкий друг Г. Ф. Лавкрафта.

теперь узнал из первых рук как наглядное подтверждение всего того, что записал мой дед, взволновало меня заново. Я был уверен, что напал на след самой настоящей, архисекретной и весьма древней религии, и открытие это принесет мне известность как антропологу. Я по-прежнему подходил к культу с позиций убежденного материалиста, – *хотел бы я оставаться таковым и сейчас!* – и с необъяснимым упрямством сбрасывал со счетов совпадения между записями снов и подборкой странных газетных вырезок, составленной профессором Эйнджеллом.

Единственное, что я тогда заподозрил, а теперь, боюсь, уверен в том доподлинно – дед мой умер отнюдь не естественной смертью. Он рухнул как подкошенный на узкой улочке, уводящей вверх по холму от старинной набережной, где кишмя кишел всякий заезжий сброд, – упал после того, как его случайно толкнул матрос-негр. Я хорошо помнил, что представляли собою служители культа в Луизиане: по большей части полукровки, по роду занятий связанные с морем, – не удивлюсь, если существуют разнообразные тайные способы и отравленные иголки, известные издревле и столь же неумолимые, как и загадочные обряды и верования. Лэграсса и его людей оставили в покое, что правда, то правда; а вот некий моряк из Норвегии, насмотревшийся на то и это, тоже мертв. Что, если подробные расспросы моего деда после того, как он пообщался со скульптором, дошли до недобрых ушей? Думается мне, профессор Эйнджелл погиб, потому что слишком много знал – или был к тому близок. Посмотрим, постигнет ли та же участь и меня – ибо теперь я и впрямь знаю слишком много.

III. БЕЗУМИЕ С МОРЯ

Если небеса когда-либо захотят меня облагодетельствовать, пусть они целиком и полностью сотрут из моей памяти последствия того, что однажды взгляд мой по чистой случайности упал на полку, застеленную ненужной бумагой. В моих повседневных занятиях ничего подобного мне бы в жизни не подвернулось: то был старый номер австралийского журнала «Сиднейский вестник» за 18 апреля 1925 года. Он ускользнул даже от внимания пресс-бюро моего деда, которое на тот момент жадно собирало материал для профессорских исследований.

Я уже почти бросил наводить справки о том, что профессор Эйнджелл называл «культуром Ктулху». В ту пору я гостил у одного своего высокоученого друга в Патерсоне, штат Нью-Джерси: он был хранителем местного музея и известным минералогом. Однажды, рассматривая экспонаты резервного фонда, в беспорядке разложенные на полках хранилища в самой глубине музея, я случайно наткнулся на странную иллюстрацию в одном из старых журналов, подстеленных под камни. Это и был вышеупомянутый «Сиднейский вестник», ибо друг мой имел широкие связи во всех мыслимых уголках мира; иллюстрация представляла собою полутоновое изображение отвратительного каменного идола – точную копию того, что нашел на болотах Лэграсс.

Жадно высвободив журнал из-под ценных образцов, я внимательно просмотрел заметку: к моему вящему сожалению, она оказалась недлинной. Однако ж содержание ее оказалась чрезвычайно важным для моих безуспешных розысков; я аккуратно вырвал страницу, это неожиданное руководство к действию. Говорилось в заметке следующее:

«В МОРЕ ОБНАРУЖЕНО

ЗАГАДОЧНОЕ ПОКИНУТОЕ СУДНО

«Бдительный» возвращается с неуправляемой тяжеловооруженной новозеландской яхтой на буксире.

На борту обнаружены люди: один выживший и один покойник. История отчаянной битвы и смертей на море. Спасенный моряк отказывается делиться подробностями о пережитом. При нем найден странный идол. Ведется расследование.

Грузовое судно «Бдительный» компании «Моррисон», идущее из Вальпараисо, причалило нынче утром к пристани в гавани Дарлинг, ведя на буксире поврежденную, выведенную из строя, но тяжеловооруженную паровую яхту «Сигнал» из Данидина (Новая Зеландия). Яхта была обнаружена 12 апреля на 34° 21′ южной широты, 152° 17′ западной долготы, с двумя людьми на борту; один из них жив, один – мертв.

«Бдительный» покинул Вальпараисо 25 марта, а 2 апреля отклонился от курса заметно южнее по причине исключительной силы штормов и чудовищных волн. 12 апреля было замечено покинутое судно; на первый взгляд, на нем не было ни души, но, поднявшись на борт, моряки обнаружили одного уцелевшего в полубредовом состоянии и один труп – по всей видимости, этот человек умер больше недели назад. Выживший судорожно сжимал в руке кошмарного каменного идола неизвестного происхождения, примерно в фут высотой, о природе которого специалисты из Сиднейского университета, Королевского общества и музея на Колледж-Стрит пребывают в полном недоумении. Спасенный утверждает, что нашел статуэтку в каюте яхты, в маленьком, ничем не примечательном резном ковчеге.

Этот человек, придя в сознание, рассказал историю в высшей степени странную – о пиратстве и смертоубийстве. Зовут его Густав Йохансен, он – норвежец; умом не обделен; был вторым помощником капитана на двухмачтовой шхуне «Эмма» из Окленда; шхуна отплыла в Кальяо 20 февраля, с экипажем из одиннадцати человек на борту. По словам Йохансена, «Эмма» изрядно задержалась в пути и отклонилась от курса далеко к югу по причине сильного шторма, разыгравшегося 1 марта. 22 марта на 49° 51′ южной широты, 128° 34′ западной долготы она повстречала «Сигнал», команда которого, состоящая из канаков и метисов, вид имела недобрый и крайне подозрительный. Капитану Коллинзу безапелляционно приказали поворачивать назад; тот отказался; тогда странная шайка без предупреждения открыла яростный огонь по шхуне из батареи тяжелой артиллерии – из медных пушек, которыми была укомплектована яхта. Команда «Эммы» вступила в бой, рассказал уцелевший, и хотя шхуна начала тонуть – ее обстреляли ниже ватерлинии – ей удалось-таки подойти вплотную к яхте. Матросы «Эммы» высадились на палубу неприятельского судна, схватились со свирепыми дикарями, которым ненамного уступали числом, и вынуждены были перебить их всех – ибо те сражались пусть и неумело, однако не на жизнь, а на смерть, не щадя никого.

Трое с «Эммы» погибли, в том числе капитан Коллинз и первый помощник Грин; а оставшиеся восемь под командованием второго помощника Йохансена взяли на себя управление захваченной яхтой и поплыли дальше в первоначальном направлении – проверить, в силу какой причины им велели поворачивать вспять. На следующий день они якобы высадились на небольшом островке, хотя в этой части океана никаких островов не отмечено; и шестеро членов экипажа там загадочным образом погибли. Эту часть истории Йохансен, как ни странно, замалчивает – говорит лишь, что они сгинули в скальном провале. Потом он и его единственный спутник, по-видимому, вернулись на яхту и попытались управлять ею, но 2 апреля разыгрался шторм и корабль оказался во власти ветров и волн. С того момента и вплоть до 12 числа, когда его спасли, Йохансен почти ничего не помнит – не знает даже, когда умер его напарник, Уильям Бриден. Смерть Бридена наступила по невыясненной причине: видимо, вследствие перевозбуждения или переохлаждения. По телеграфу из Данидина сообщили, что островное торговое судно «Сигнал» было там хорошо известно и пользовалось в порту самой дурной репутацией. Владела им странная шайка, состоящая из людей смешанной крови: их частые сборища и ночные вылазки в лес вызвали немалое любопытство. Сразу после бури и землетрясения 1 марта судно поспешно снялось с якоря и вышло в море. Наш корреспондент из Окленда дает прекрасные отзывы об «Эмме» и ее экипаже, а Йохансен охарактеризован как человек порядочный и здравомыслящий. Начиная с завтрашнего дня адмиралтейство назначит расследование дела, в ходе которого Йохансена постараются убедить рассказать о происшедшем подробнее».

И это было все – в придачу к изображению адской скульптуры; но что за поток мыслей всколыхнулся в моем сознании! Вот она – новая сокровищница фактов о культе Ктулху, вот оно – наглядное свидетельство тому, что культ ведет престранную деятельность как на суше, так и на море. Что за мотив побудил разношерстную команду приказать «Эмме» поворачивать вспять, в то время как сами эти люди плыли куда-то со своим омерзительным идолом? Что это еще за неведомый остров, на котором погибло шесть человек из экипажа «Эммы» и о котором второй помощник Йохансен упорно хранил молчание? Что выявило расследование вице-адмиралтейства и многое ли известно о пагубном культе в Данидине? И самое удивительное – что это за подспудная и не иначе как сверхъестественная связь дат – связь, наделившая зловещей и теперь уже бесспорной значимостью разнообразные повороты событий, столь тщательно задокументированные моим дедом?

1 марта – наше 28 февраля согласно международной демаркационной линии времени: землетрясение и буря. «Сигнал» и его гнусная команда поспешно покидают Данидин, словно торопясь на властный зов; а на другой стороне земного шара поэты и художники видят во сне странный и сырой циклопический город, и молодой скульптор вылепливает во сне фигуру кошмарного Ктулху. 23 марта команда «Эммы» высаживается на неизвестный остров; шесть человек гибнут. В тот же самый день сны гиперчувствительных людей обретают небывалую яркость и живость, окрашиваются ужасом перед злобным преследованием гигантского монстра; некий архитектор сходит с ума, а скульптор внезапно впадает в бредовое состояние! А как насчет шторма 2 апреля – именно тогда все сны о сыром городе прекратились, а Уилкоккс воспрял от странной лихорадки живой и невредимый? Как это все понимать – и как понимать намеки старика Кастро касательно погруженных в пучину, звезднорожденных Древних, их грядущего царства, преданного им культа и *их способности управлять снами*? Уж не балансирую ли я на самой грани космических ужасов, вынести которые человеку не под силу? А если так, то это, должно быть, ужасы чисто умозрительного характера, ведь каким-то непостижимым образом второе апреля положило конец чудовищной угрозе, взявшей было в осаду душу человечества.

Тем же вечером, в спешке отправив несколько телеграмм и предприняв все необходимые приготовления, я распрощался с моим хозяином и сел на поезд, идущий в Сан-Франциско. И месяца не прошло, как я уже был в Данидине, где, однако ж, обнаружил, что о странных служителях культа, некогда захаживавших в старые приморские таверны, почти ничего не известно. Порты вечно кишат всяким отребьем; но кто ж его запоминает? Однако ж ходили смутные слухи о том, как однажды эта разношерстная команда отправилась вглубь острова, и тогда на дальних холмах зажглось алое пламя и слышалось эхо барабанного боя. В Окленде я узнал, что по возвращении с поверхностного, чисто формального допроса в Сиднее Йохансен вернулся *седым*, притом что прежде был светловолос; продал свой домик на Уэст-Стрит и отплыл с женой на родину, в Осло. Другим о своем необычайном приключении он рассказал не больше, чем чиновникам адмиралтейства; все, чем они смогли мне помочь – это дать мне адрес Йохансена в Осло.

Я отправился в Сидней и поговорил с моряками и представителями адмиралтейского суда, да только все без толку. На Круговой набережной в Сиднейской бухте я своими глазами видел «Сигнал»: яхту продали, и теперь она использовалась в коммерческих целях. Ее ничем не примечательный корпус не открыл мне ничего нового. Фигурка монстра с моллюскообразной головой, драконьим телом и чешуйчатыми крыльями, замершего в полуприседе на покрытом иероглифами пьедестале, хранилась в музее в Гайд-Парке. Я долго и придирчиво изучал статуэтку – то была скульптура воистину зловещая в своем утонченном совершенстве, столь же непостижимо загадочная и чудовищно древняя, как и уменьшенная копия Лэграсса – и из того же странного внеземного материала. Геологи, как сообщил мне хранитель музея, до сих пор ломают головы, уверяя, что в мире такого камня просто не существует. Я вздрогнул, вспомнив,

что старик Кастро рассказывал Леграссу о первобытных Древних: «Они некогда пришли со звезд и принесли с собою Свои изваяния».

Все перевернулось в моей душе. Потрясенный как никогда, я решил во что бы то ни стало отыскать в Осло второго помощника Йохансена. Я отплыл в Лондон, тут же пересел на корабль, идущий в столицу Норвегии, и ясным осенним днем высадился на аккуратной как картинка пристани под сенью горы Эгеберг. Дом Йохансена, как выяснилось, находился в Старом городе короля Харальда Сурового, что хранил имя Осло на протяжении всех веков, пока город более обширный щеголял названием «Христиания». Я сел в такси и очень скоро уже постучался с неистово бьющимся сердцем в дверь чистенького старинного особнячка с оштукатуренным фасадом. Мне открыла печальная женщина в черном – и можете представить себе мое разочарование, когда она сообщила мне на ломаном английском, что Густава Йохансена больше нет в живых.

После своего возвращения он прожил недолго, рассказывала миссис Йохансен, – происшедшее на море в 1925 году окончательно его сломило. Жене он рассказал не больше, чем общественности, но оставил объемную рукопись – «технические материалы», как сказал он сам, – причем на английском языке, по всей видимости, чтобы жена случайно не прочла опасную исповедь. Йохансен прогуливался по узкой улочке близ Гётеборгского дока, как вдруг из чердачного окна выпала пачка бумаг – и сбила его с ног. Двое матросов-индийцев тут же подбежали к нему и помогли подняться, но еще до прибытия «Скорой помощи» он испустил дух. Врачи так и не смогли установить причину смерти и списали все на болезнь сердца и ослабленный организм.

Тут-то я и ощутил, как гложет меня изнутри темный ужас, которому не суждено утихнуть вплоть до того момента, когда и я расстанусь с жизнью, «по чистой случайности» или как-то иначе. Убедив вдову, что мое непосредственное отношение к пресловутым «техническим материалам» дает мне право на рукопись, я увез документ с собой и, еще не успев взойти на корабль, идущий в Лондон, тут же погрузился в чтение. То было безыскусное, сбивчивое повествование – попытка простодушного моряка вести дневник постфактум и описать день за днем то последнее, страшное путешествие. Я не возьмусь скопировать рассказ дословно, при всех его длиннотах и невнятице, но перескажу самую суть: достаточно, чтобы показать, почему плеск воды о корабельный борт сделался для меня невыносим и я заткнул уши ватой.

Йохансен, благодарение Господу, знал далеко не все, хотя и видел своими глазами и город, и Тварь. Но не знать мне ни сна, ни покоя, пока я думаю об извечных ужасах, что затаились за гранью жизни во времени и в пространстве, и о тех богомерзких дьяволах с древних звезд, что погружены в сон на дне морском – их знают и чтят служители страшного культа, и только и ждут своего часа, дабы выпустить их в мир, как только очередное землетрясение вновь вознесет чудовищный каменный город навстречу солнцу и воздуху.

Плавание Йохансена началось ровно так, как он и рассказывал представителям вице-адмиралтейства. «Эмма» вышла в балласте из Окленда в феврале 1920 года и в полной мере ощутила на себе силу порожденной землетрясением бури, которая, должно быть, и вознесла из пучины кошмары, наводнившие людские сны. Когда кораблем снова стало возможно управлять, «Эмма» начала быстро нагонять упущенное время. 22 марта ее попытался задержать «Сигнал»; с искренним сожалением писал помощник капитана о том, как корабль обстреляли и затопили. О темнолицых служителях дьявольского культа с «Сигнала» Йохансен говорит с неподдельным страхом. Ощущалось в них нечто неопишимо омерзительное, отчего уничтожить это отребье представлялось едва ли не священным долгом; и Йохансен с нескрываемым недоумением выслушал обвинение в жестокости, выдвинутое против его людей в ходе расследования. Затем побуждаемые любопытством моряки поплыли дальше на захваченной яхте под командованием Йохансена, завидели, что над морем торчит гигантская каменная колонна, и на 47° 9' южной широты, 126° 43' западной долготы причалили к береговой линии, где над грязью

и илом громоздилась затянутая водорослями циклопическая кладка. Это была не иначе как осязаемая реальность величайшего из ужасов земли – кошмарный город-могильник Р'лех, возведенный за необозримые миллиарды лет до начала истории отвратительными гигантскими пришельцами с темных звезд. Там покоился великий Ктулху и его полчища, сокрытые в зеленых илистых склепах; отсюда, наконец-то, спустя бесчисленные века, они слали мысли, насаждавшие страх в снах чутких провидцев, и властно обращались к своим преданным адептам, призывая их к паломничеству во имя освобождения и возрождения. Обо всем об этом Йохансен даже не подозревал, но, Господь свидетель, вскорости увидел он достаточно!

Полагаю, что над водой поднялась только одна из горных вершин – чудовищная, увенчанная монолитом цитадель, ставшая гробницей для Ктулху. Когда же я задумываюсь об истинном размахе всего того, что, вероятно, таится там, внизу, я с трудом удерживаюсь от самоубийства. Йохансен и его товарищи благоговейно взирали на космическое величие этого сочащегося влагой Вавилона старейших демонов; они, должно быть, и без подсказки догадались, что город не имеет отношения ни к этой, ни к любой другой нормальной планете. В каждой строчке пугающего описания живо ощущается священный ужас перед неправдоподобной величиной зеленоватых каменных глыб, и головокружительной высотой гигантского изваянного монолита, и ошеломляющим сходством колоссальных статуй и барельефов со странной статуэткой, обнаруженной в ковчеге на борту «Сигнала».

Йохансен ведать не ведал, что такое футуризм, и однако ж, рассказывая про город, он достиг весьма близкого эффекта; ибо, вместо того, чтобы описывать какое-то определенное строение или здание, он передает лишь общие впечатления от неохватных углов и каменных плоскостей – поверхностей слишком обширных и явно неуместных для этой земли и в придачу испещренных богопротивными изображениями и иероглифами. Я упомянул про его рассуждения об *углах*, поскольку они отчасти перекликаются с тем, что поведал мне Уилкокс о своих жутких снах. Скульптор настаивал, что *геометрия* пригрезившегося ему места была аномальной, неевклидовой, и просто-таки дышала тошнотворными сферами и измерениями, чуждыми нам. А теперь и необразованный матрос ощутил то же самое перед лицом страшной реальности.

Йохансен и его люди высадились на отлогом илистом берегу этого чудовищного Акрополя и, оскальзываясь, вскарабкались наверх по исполинским влажным глыбам явно нечеловеческой лестницы. Даже солнце небес словно бы представало в искаженном виде сквозь рассеивающие свет миазмы, клубящиеся над этим уродливым порождением моря. Извращенная угроза и смутная тревога плотоядно затаились среди безумных, ускользающих от понимания углов и плоскостей резного камня: там, где только что была выпуклость, мгновение спустя взгляд различал впадину.

Еще до того, как глазам открылось что-либо более определенное, нежели камень, ил и водоросли, исследователи ощутили нечто похожее на страх. Каждый из них уже обратился бы в бегство, если бы не опасался пасть в глазах остальных; с явной неохотой искали они – как выяснилось, напрасно, – хоть что-нибудь, что можно было бы унести на память.

Португалец Родригес взобрался к самому подножию монолита – и громким криком возвестил о какой-то находке. Прочие последовали за ним и с любопытством усталились на громадную резную дверь с уже знакомым барельефом в виде не то кальмара, не то дракона. По словам Йохансена, дверь была огромная, вроде амбарных ворот, и безошибочно распознавалась по изукрашенной притолоке, порогу и косяку, хотя было не вполне понятно, установлена ли она вплотную, вроде как дверца люка, или наклонно, как в подвале. Как сказал бы Уилкокс, геометрия этого места – насквозь неправильная. Невозможно было поручиться, что море и земля лежат в горизонтальной плоскости, и потому взаимное расположение всего прочего представлялось изменчивой фантазмагорией.

Бриден толкнул камень в нескольких местах – но безрезультатно. Затем Донован осторожно ощупал дверь вдоль края, нажимая на каждую из точек по очереди по мере продвижения. Он бесконечно долго карабкался вверх вдоль гротескного каменного карниза – то есть можно было бы сказать «карабкался», не будь эта плоскость все-таки горизонтальной, – а все недоумевали, откуда только взялась во вселенной дверь настолько огромная. И тут, беззвучно и плавно, панель площадью в акр в верхней своей части подалась внутрь; как выяснилось, она находилась в равновесии. Донован не то соскользнул, не то съехал вниз – или вдоль – косяка и присоединился к товарищам. Все заворуженно наблюдали, как покрытый чудовищной резьбой портал непостижимо уходит в глубину. В этом бреду призматического искажения он двигался неестественно, по диагонали, нарушая тем самым все законы материи и перспективы.

Провал наполняла тьма – тьма почти что материальная. Эта мгла воистину обладала положительным свойством: она затушевывала те части внутренних стен, что в противном случае открылись бы взгляду, и просто-таки выплескивалась наружу как дым из своего многовекового заточения, зримо затмевая солнце – по мере того, как расплзалась все дальше, выплывала на съездившееся плоско-выпуклое небо, взмахивая перепончатыми крыльями. Из разверстых глубин поднимался невыносимый смрад. Со временем чуткому Хокинсу почудилось, будто он слышит там, внизу мерзкий хлюпающий звук. Все насторожились – все чутко вслушивались, когда показалось Оно: истекая слизью, тяжело и неуклюже Оно на ощупь протиснулось в черный проем всем своим зеленым и желеобразным громадным телом – и вылезло в тлетворную атмосферу отравленного града безумия.

Когда Йохансен дошел до этого места, у бедняги едва не отнялась рука. Из шестерых матросов, что до корабля так и не добрались, двое, по всей видимости, скончались на месте от ужаса. Описанию Тварь не поддается – не придумано еще языка, дабы воздать должное этим безднам истерического древнего безумия, этому сверхъестественному противоречию материи, силе и вселенскому миропорядку. Ходячая, ковыляющая гора! Боже праведный! Стоит ли удивляться, что в этот проклятый миг мыслепередачи на другом конце земли великий архитектор сошел с ума, а злополучный Уилкоккс метался в лихорадочном бреду? Тварь, увековеченная в идолах, зеленое, липкое исчадие звезд, пробудилась – и явилась требовать своего. Звезды вновь встали в нужное положение, и то, чего не сумел исполнить преднамеренно многовековой культ, по чистой случайности совершила команда бесхитростных моряков. Спустя вигинтиллионы лет великий Ктулху вновь вырвался на свободу – и не было пределов его ликования.

Никто и оглянуться не успел, как Тварь уже подцепила троих своими вислыми когтями. Да упокоит бедняг Господь, если только есть во вселенной покой! То были Донован, Геррера и Ангстрем. Остальные трое сломя голову кинулись через бесконечные нагромождения позеленевшего камня обратно к кораблю. Паркер поскользнулся; и Йохансен клянется, что его поглотил угол здания, которого там и быть не могло: острый угол, который вел себя как тупой. Так что до лодки добежали только Бриден с Йохансеном; они отчаянно схватились за весла и во весь дух понеслись к «Сигналу», а чудовищная громадина плюхнулась на камни и замешкалась, барахтаясь на мелководье.

Несмотря на то, что вся команда сошла на берег, паровой котел не был отключен вовсе, так что понадобилось лишь несколько секунд лихорадочной беготни между штурвалом и машинным отделением, чтобы «Сигнал» пришел в движение. Мотор заработал – медленно, на фоне извращенных ужасов этой неопикуемой сцены, взрезая смертоносные воды, – а на каменной кладке этого нездешнего берега-мавзолея исполинская Тварь-со-звезд пускала слюни и бормотала что-то невнятное, как Полифем, проклиная корабль бежавшего Одиссея. Но великий Ктулху оказался храбрее легендарных Циклопов: он маслянисто сполз в воду и кинулся вдогонку, широкими, вселенски-мощными взмахами поднимая громадные волны. Бриден оглянулся – и лишился рассудка: он пронзительно расхохотался – и с тех пор то и дело

разражался хохотом, пока однажды ночью смерть не пришла за ним в каюту, когда Йохансен метался в бреду.

Но Йохансен не сдался. Понимая, что Тварь всенепременно настигнет «Сигнал», пока яхта не набрала скорость, он решился на отчаянную меру; и, прибавив тягу, молнией метнулся на палубу и крутнул штурвал, дав обратный ход. Зловонная пучина вспенилась, взбурлила гигантским водоворотом, паровой котел набирал мощность – а храбрый норвежец направил корабль прямоком на преследующее его желе, что поднималось над грязной пеной точно корма какого-то демонического галеона. Чудовищная кальмарья голова и шевелящиеся щупальца были почти вровень с бушпритом крепкой яхты – но Йохансен безжалостно гнал яхту вперед. Раздался взрыв – словно с треском лопнул громадный пузырь; гнусно, слякотно захлюпало, точно вспороти медузу, в воздухе разлилась вонь, точно из тысячи разверстых могил, послышался звук, воспроизводить который на бумаге автор записей не пожелал. На краткое мгновение корабль накрыло едкое и слепящее зеленое облако; за кормой ядовито вскипала и побулькивала вода, где – Господи милосердный! – вязкие ошметки этого неназываемого исчадия неба текуче *воссоединялись* в исходную отвратительную форму. Но с каждой секундой расстояние между ним и кораблем все увеличивалось: двигатель работал на полную мощность, и «Сигнал» набирал скорость.

Вот, в сущности, и все. После того Йохансен лишь мрачно размышлял над идолом в каюте да время от времени стряпал нехитрую еду себе и хохочущему маньяку рядом. После первого героического прорыва он уже не пытался управлять кораблем; на смену возбуждению пришел упадок сил, из души словно что-то ушло. Затем 2 апреля разразилась буря, и в сознании его сгустилась тьма. Было ощущение призрачного круговорота в водной пучине бесконечности, головокружительной гонки через мятущиеся вселенные на хвосте кометы и отчаянных прыжков из бездны до луны и с луны обратно в бездну, и все это оживлялось безудержным хохотом уродливых и разнузданных древних богов и зеленых насмешливых бесов с крылами летучей мыши из преисподней.

Из этого сна явилось спасение: «Бдительный», суд вице-адмиралтейства, улицы Данидина, долгая дорога обратно домой в старый особнячок близ холмов Эгеберга. Рассказать всю правду как есть Йохансен не мог – его бы сочли сумасшедшим. Он мог лишь записать все, что знал, перед тем, как умрет – но только так, чтобы жена ни о чем не догадалась. Смерть была бы благом – если бы только обладала властью стереть воспоминания.

Вот какой документ я прочел; теперь я кладу его в жестяную коробку вместе с барельефом и бумагами профессора Эйнджелла. Туда же отправятся и эти мои записи – доказательство моего душевного здоровья; в них собрано вместе все то, что, я надеюсь, никогда больше не будет сведено воедино. Я узрел весь тот ужас, что содержит в себе вселенная, и теперь даже весенние небеса и цветы лета отныне и впредь будут для меня что яд. Но не думаю, что мне суждено прожить долго. Как ушел из жизни мой двоюродный дед, как ушел бедняга Йохансен, так уйду и я. Я слишком много знаю, а культ – жив.

Жив и Ктулху, полагаю я – все в той же каменной расселине, в которой укрывался с тех пор, как солнце было молодо. Его проклятый город вновь ушел под воду, ибо «Бдительный» проплыл над тем местом после апрельского шторма; но служители Ктулху на земле и по сей день орут и вопят, отплясывают и проливают кровь вокруг увенчанных идолами монолитов в глухих укывищах. Должно быть, монстр оказался в ловушке, когда канул на дно, запертый в своей черной бездне, иначе мир уже оглох бы от воплей безумия и страха. Но кому известен финал? То, что поднялось из глубин, может и затонуть; то, что затонуло, может подняться на поверхность. Тошнотворная мерзость ждет и грезит в пучине, города людей рушатся, распадается распад и тлен. Настанет время – но я не должен думать об этом, я не могу! Об одном молюсь: если я не переживу своей рукописи, пусть в моих душеприказчиках осторожность

возобладает над храбростью и они позаботятся о том, чтобы страницы эти никому больше не попались на глаза!

1928

Данвичский кошмар

Горгоны, Гидры и Химеры – страшные рассказы о Келено и Гарпиях – могут вновь возникать в суеверных умах, но они были там и раньше. Они – копии, типы, а архетипы заключены в нас самих испокон веку. Почему бы иначе то, что нам известно как ложное, волнует нас? Неужели это естественно, что мы ужасаемся ему, считая, будто в его силах причинить нам зло? Его жизнь исчисляется не телесным бытием... оно было и без телесной оболочки и было таким же... Страх, который мы испытываем, чисто душевный страх – и он тем сильнее, чем беспредметнее, и более всего мучает нас в безгрешные детские годы, – и в этом трудность, преодоление которой могло бы помочь заглянуть в доземную жизнь или, по крайней мере, на темную сторону дожизни.

Чарльз Лэм. «Ведьмы и другие ночные страхи»

I

Если путешественник, оказавшись в северной части центрального Массачусетса, выберет неправильный путь на развилке дорог сразу за Страной Священника, где соединяются Вилы Эйлсбери, то он попадет в прелюбопытную пустошь. Отсюда ему придется все время идти вверх, и поросшие эрикой камни будут сужать и без того неширокую петляющую дорогу. Деревья довольно часто встречающихся рощ покажутся ему слишком большими, да и буйство пригодно растущих трав и кустов здесь какое нечасто встретишь в других местах. В то же время поля редкие и жалкие, и дома, расположенные довольно далеко друг от друга, все как один несут на себе печать старости, нищеты и разрушения. Сам не зная почему, путешественник поостережется спрашивать дорогу у угрюмых жителей, изредка провожающих его взглядами то с покосившегося крыльца, то с горного луга. Эти люди даже с виду так замкнуты и несговорчивы, что волей-неволей приходят на ум мысли о неких запретных вещах, от которых лучше держаться подальше. По мере того как дорога поднимается выше и внизу остаются густые леса, ощущение беспокойства нарастает. Слишком тут круглые и симметричные вершины, чтобы чувствовать себя легко и спокойно, тем более время от времени на фоне чистого неба ясно видны высокие каменные колонны, как бы завершающие гору.

Дорогу то и дело пересекают лощины и овраги неведомой глубины, и деревянные мосты не производят впечатления надежности. Когда же дорога начинает спускаться вниз, то зрелище болот не доставляет путешественнику удовольствия, а вечером может даже напугать, когда вдруг закричат скрытые от глаз козодои и видимо-невидимо светляков пускаются в пляс под хриплые и неотвязные ритмы лягушачьих песен.

Когда видишь горы вблизи, то леса на их крутых склонах пугают больше, чем увенчанные колоннами каменные вершины. Они такие темные и непроглядные, что не хочется приближаться к ним, но другой дороги нет. С крытого моста видна деревушка, притулившаяся между рекой и вертикальной стеной Круглой горы, прогнившие крыши которой куда как старше всех остальных в округе. Если подойти поближе, то зрелище брошенных и разрушающихся домов, а также полуразвалившейся церкви на месте когда-то процветавшего поселения действует угнетающе. Ступать на мост страшно, но и другого пути нет. К тому же от деревенской улицы, то ли на самом деле, то ли так кажется, поднимается слабый и удушливый запах, словно именно так должны пахнуть плесень и гниль веков. Эти места всегда покидаешь с радостью, а там узкая дорога идет вокруг гор через равнину и вновь выходит к Вилам Эйлсбери. Через какое-то время путешественник, возможно, узнает, что он побывал в Данвиче.

Чужаки редко сюда заглядывают, а после одного кошмара с дорог убрали все указатели. Если мерить обычными эстетическими мерками, то места здесь на редкость красивые, однако нашествия художников и туристов не наблюдается. Два столетия назад, когда никто не смеялся над разговорами о ведьминской крови, о поклонении Сатане и о странных обитателях леса, в обычае было как-то объяснять свое нежелание ехать туда. В наш разумный век, поскольку данвичское чудовище 1928 года постарались замолчать те, кому было дорого процветание города, люди объезжают его стороной, сами не зная почему. Вероятно, одна из причин, хотя это не относится к неинформированной части туристов, заключается в отталкивающей деградации местного населения, которое почти без сопротивления поддалось, увы, обычному для задворков Новой Англии явлению. Оно как будто сформировалось в особую расу с вполне определенными умственными и физическими показателями вырождения в результате браков между близкими родственниками. Средний уровень интеллекта тут чрезвычайно низок, но в летописях дым стоит коромыслом от ничем не прикрытых пороков, слегка завуалированных убийств, инцеста и прочих деяний немыслимой жестокости и извращенности. Здешняя аристократия, состоящая из потомков двух или трех привилегированных семейств, которые явились сюда из Салема в 1692 году, держится чуть выше общего уровня, хотя многие ее ветви уже настолько растворились в своем окружении, что только имена еще напоминают о предках, которых они позорят. Некоторые из Уэйтли и Бишопов до сих пор посылают своих сыновей в Гарвард и Мискатоник, после чего те редко возвращаются под гниющий родительский кров.

Никто, даже знающие о данвичском кошмаре, не скажет вам в точности, что происходит в Данвиче, хотя старинные легенды рассказывают о не освященных Церковью обычаях и тайных собраниях индейцев, во время которых они вызывали запретных духов тьмы из больших круглых гор и устраивали оргиастические моления, на которые те отвечали из-под земли страшным грохотом. В 1747 году преподобный Абийах Хоадли, явившись в конгрегационную церковь в Данвиче, произнес знаменитую проповедь о близости Сатаны и его бесов, в которой сказал:

– Следует признать, что богохульство адских демонов слишком хорошо всем известно, чтобы его отрицать, ибо проклятые Голоса *Азазела* и *Вузразла*, *Вельзевула* и *Велиала* слышали из-под земли десятки заслуживающих доверия Свидетелей. Я сам не более двух недель назад слышал Речи злых Сил за моим Домом на Горе, сопровождавшиеся такими Треском, Грохотом, Стонами, Визгом и Шипением, какие не под силу издать Земным Творениям. Они пришли из Пещер, отыскать которые можно только с помощью черной Магии, а отпереть – во власти одного лишь дьявола.

Мистер Хоадли вскоре после этой проповеди исчез, однако ее текст, отпечатанный в Спрингфилде, существует и поныне. О шуме в горах не переставали говорить из года в год, и до сих пор он вызывает удивление у геологов и физио-графов.

Еще рассказывают о мерзкой вони возле каменных колонн на вершинах и о том, что в определенные часы и с определенного места на дне пропасти можно услышать, как поднимаются вверх бестелесные существа. А некоторые до сих пор не оставляют попыток объяснить происхождение Дьявольского Хмельника – открытого и продуваемого ветрами склона, на котором не растет ни дерева, ни кустика, ни травинки. К тому же местные жители до смерти боятся бесчисленных козодоев, которые в теплые ночи не дают спать своими криками. Говорят, эти птицы, как психопомпы, лежат и ждут души умерших, и их жуткие крики усиливаются и затихают в такт прерывистому дыханию страдальца. Если им удастся поймать едва отлетевшую душу, то они устремляются прочь, заходясь в дьявольском хохоте, а если не удастся, они разочарованно смолкают, хотя и не сразу.

Эти сказки, конечно же, наивны и смешны, ибо дошли до нас из далекой древности. В самом деле, Данвич немыслимо стар, он гораздо старше любого из поселений на тридцать миль кругом. В южной его части еще сохранились стены в подвале и труба на крыше дома

Бишопов, построенного до 1700 года, тогда как развалины мельницы на водопаде, построенной в 1806 году, представляют собой образец самой поздней архитектуры. Промышленность здесь не привилась, и фабричное движение девятнадцатого столетия оказалось скоротечным. Древнее всего здесь круглые кольца каменных колонн, воздвигнутых на вершинах, но обыкновенно их относят ко времени, когда тут жили индейцы, то есть до прихода белых поселенцев. Огромное количество черепов и вообще костей, найденных внутри их и вокруг довольно просторной и похожей на стол вершины Сторожевой горы, укрепило всеобщую уверенность в том, что здесь в прежние времена были кладбища покамтуков, хотя многие этнографы, утверждая абсурдность этой теории, настаивают на том, что в этих местах находятся останки кавказцев.

II

В Данвиче, в большом и лишь частично жилом доме, расположившемся на отшибе, милях в четырех от поселка и полутора милях от ближайшего жилья, в воскресенье второго февраля 1913 года в пять часов утра родился Уилбер Уэйтли. День запомнили потому, что он пришелся на Сретенье, которое жители Данвича верно блюдут, но под другим именем, а еще потому, что в горах очень шумело и собаки накануне пролаяли до самого утра без перерыва. Менее достойно упоминания то, что мать новорожденного, принадлежавшая к вырождающейся ветви Уэйтли, была кособокой и некрасивой альбиноской лет тридцати пяти и жила вдвоем со старым полусумасшедшим отцом, о колдовском искусстве которого со страхом шептались в Данвиче. У Лавинии Уэйтли не было законного мужа, однако она, вопреки здешнему обычаю, и не подумала отказаться от младенца, предоставив людям болтать, сколько им вздумается, что они и делали, о его отце. Более того, она как будто даже гордилась своим смуглым и козлоподобным сыном, который не перенял от нее болезненный красноглазый альбинизм, и, никого не стесняясь, пророчила ему великую силу и необыкновенное будущее.

Лавиния могла себе это позволить, потому что единственная во всем Данвиче бродила в грозу по горам и пыталась читать огромные, странно пахнущие книги, которые двести лет собирали ее предки и которые были все в дырках от червей и рассыпались, стоило взять их в руки. Она ни одного дня не училась в школе, но была напичкана древними сказаниями, которые ей рассказывал старик Уэйтли. Люди боялись их одинокого дома, потому что думали, будто Уэйтли занимается черной магией, и внезапная насильственная смерть миссис Уэйтли, когда Лавинии исполнилось всего двенадцать лет, только ухудшила положение. Предоставленная самой себе в отцовском доме, Лавиния целыми днями предавалась неумным фантазиям или придумывала себе разные занятия, так как заботы о домашнем хозяйстве, в котором не наблюдалось ни чистоты, ни порядка, отнимали у нее немного времени.

В ту ночь, когда родился Уилбер, страшные крики заглушали привычный шум в горах и лай псов, но ни доктор, ни акушерка, насколько известно, не присутствовали при его появлении на свет. Лишь через неделю соседи узнали о младенце, когда старик Уэйтли приехал в Данвич и, не вдаваясь в подробности, поделился новостью с несколькими бездельниками в лавке Осборна. В нем как будто что-то изменилось, словно в его затуманенном сознании появилась тайна, превратившая его из объекта страха в субъект страха, хотя он был не из тех, кого выбивают из седла семейные обстоятельства. При этом он выказывал гордость, замеченную потом в его дочери, а то, что он сказал об отце своего внука, многие крепко запомнили и вспоминали много лет спустя.

— Плевать мне, что люди думают... Коли парнишка Лавинии вырастет в отца, вам еще надоест удивляться. Думаете, кроме вас, тут нет людей? Лавиния кое-что читала и кое-что видела, о чем вы только болтаете между собой. По мне, ее парень лучше любого мужа по эту сторону Эйлсбери. Знай вы о горах, сколько я знаю, вы бы тоже в церкви не венчались.

Вот что я вам скажу... *Когда-нибудь все услышат, как парнишка Лавинии назовет имя своего отца с вершины Сторожевой горы.*

В первый месяц жизни только старик Зехария Уэйтли из неугасающей ветви рода Уэйтли видел Уилбера да Мами Бишоп, невенчанная жена Эрла Сойера. Визит Мами был продиктован единственно любопытством, и то, что она потом рассказывала, делало честь ее наблюдательности. Зехария же привел Уэйтли пару коров олдернейской породы, которые тот купил у его сына Кертиса. Это положило начало закупкам скота маленьким семейством Уилбера, которые продолжались вплоть до 1928 года, когда случился данвичский кошмар, однако Уэйтли никогда не жаловался на тесноту в своем полуразвалившемся коровнике. Время от времени обуюнные любопытством соседи задавались целью пересчитать стадо, которое паслось на крутом склоне горы над старой фермой, но каждый раз обнаруживали там не больше десяти-двенадцати анемичных доходяг. Несомненно, высокую смертность в стаде Уэйтли можно было бы объяснить отравлением, вызываемым ядовитой травой на пастбище или грибами на гнилых бревнах вечно грязного коровника, если бы не непонятные раны и язвы вокруг надрезов. Кстати, в первые месяцы жизни Уилбера соседи, заходившие к Уэйтли, видели такие же язвы на шее седого небритого старика и его неряхи дочери, вечно ходившей с растрепанными белыми волосами.

Весной, после рождения Уилбера, Лавиния вновь принялась бродить по горам, однако теперь она не выпускала из длинных рук смуглого младенца. Постепенно всеобщий интерес к семейству Уэйтли, едва люди повидали сына Лавинии, сошел на нет, и никто не обращал ни малейшего внимания на его стремительное развитие, в прямом смысле слова не по дням, а по часам. И вправду, Уилбер – это было удивительно, ибо всего-навсего трехмесячным он ни в росте, ни в силе не уступал годовалому ребенку. Двигался он и вопил тоже не как новорожденная кроха, поэтому никому и в голову не пришло удивляться, когда в семь месяцев он сделал первые самостоятельные шаги, а в восемь зашагал вполне уверенно.

Примерно в это время или чуть позже, накануне Дня Всех Святых, люди увидели в полночь высокое пламя на вершине Сторожевой горы, где находится старый, похожий на стол камень, вокруг которого валяется множество отбеленных временем костей. Однако разговоры пошли только после того, как Сайлас Бишоп из процветающих Бишопов сказал, что видел мальчишку и его мать, бежавших на гору за час до появления огня. Сам Сайлас искал заблудившуюся телку, но совсем забыл о ней, когда заметил в свете фонаря две фигуры, почти бесшумно скользившие между деревьями, тем более что нечаянному свидетелю они привиделись совсем голыми. Потом, правда, он засомневался насчет Уилбера, на котором вроде были длинные штаны на ремне с бахромой. Живого и бодрствующего Уилбера всегда видели застегнутым на все пуговицы, и любой беспорядок в одежде, даже угроза такого беспорядка, неизменно внушал ему злобу и страх. Соседи с одобрением отмечали это его отличие от равнодушных к своему виду деда и матери, пока кошмар 1928 года не открыл причину этой аккуратности.

В январе сплетники без особого интереса отметили тот факт, что «чернявый мальчишка Лавинии» заговорил, когда ему исполнилось всего одиннадцать месяцев, причем удивительно, его выговор ничем не напоминал местный, и он совсем не лепетал, как это делают детишки даже лет трех-четырёх. Уилбер не был разговорчив, но, произнося слова, он почти неуловимо подражал кому-то явно не из местных, и эта непохожесть на местный говор заключалась не в словах и не в простейших идиомах, которые он употреблял, а в интонации, вероятно, в строевании его горла, отчего звуки у него получались какие-то не такие. Его лицо тоже поражало своей взрослостью. Хотя он унаследовал от деда и матери сильно скошенный подбородок, но крупный не по годам нос и огромные, черные, итальянские глаза придавали ему выражение недетской и почти сверхъестественной смысленности. И оно поражало редкой уродливостью. Что-то козлиное или звериное было в его толстых губах, желтоватой пористой коже, жестких курчавых волосах и необычно вытянутых ушах. В Данвиче его вскоре невзлюбили даже больше, чем деда или мать, и едва о нем заходила речь, как все тотчас вспоминали былое колдовство старика

Уэйтли и как содрогнулись однажды горы, когда он крикнул страшное имя *Йог-Сотот*, стоя посреди каменного круга с открытой книгой в руках. Собаки ненавидели мальчика и угрожающе лаяли на него, поэтому ему всегда приходилось быть настороже.

III

Тем временем старик Уэйтли продолжал скупать скот, хотя его стадо не увеличивалось в числе. Кроме того, он срубил несколько деревьев и принялся за ремонт пустовавшей части своего дома – довольно просторного, под островерхой крышей и упиравшегося боком в гору, – тогда как ему с дочерью всегда хватало трех комнат на первом этаже. Судя по тому, как он взялся за столь тяжелую работу, у старика еще было много сил, и хотя временами он бормотал что-то невразумительное, его плотничанье доказывало, что считать он не разучился. Это началось после рождения Уилбера, когда один из сараев с инструментами оказался вдруг приведенным в порядок, заново обшит досками и даже снабжен новым надежным замком. Обновляя второй этаж дома, старик Уилбер продемонстрировал не меньшее мастерство, и его мания сказала только в том, что он наглухо заколотил все окна. Правда, многие считали это предприятие полным безумием. Менее непонятным было то, что он занялся еще одной комнатой в нижнем этаже – для своего внука. Эту комнату несколько человек видели, но ни один из них не был допущен во второй этаж. Все стены здесь были в прочных полках чуть не до потолка, на которых он самым аккуратным образом расставил изъеденные червями старинные книги и даже куски книг, до этого валявшиеся по углам.

– Я неплохо ими попользовался, – говорил он, пытаясь склеить черную страницу сваренным на ржавой плите домашним клеем, – а мальчишка попользуется еще лучше. Он уж не упустит случая все их прочитать, других-то все равно нет.

Когда Уилберу исполнилось год и семь месяцев, а случилось это в сентябре 1914 года, он совсем напугал соседей своим ростом и своими познаниями. Внешне он походил на четырехлетнего и говорил на редкость разумно. Ему позволялось свободно бегать по горам и полям, и он часто сопровождал мать в ее блужданиях по окрестностям. Дома он разглядывал странные картинки и карты в дедушкиных книгах, пока старик Уэйтли длинными вечерами что-то объяснял ему, а потом задавал вопросы. К этому времени с ремонтом дома было покончено, и все, кто его видел, удивлялись, зачем надо было одно из окон превращать в крепкую дверь, то самое окно, что находилось в стене с восточной стороны и смотрело прямо на гору. Тем более никто не понимал, зачем Уэйтли понадобилось подводить к этой новой двери деревянную лестницу. Примерно в это же время все обратили внимание на то, что старый сарай, после рождения Уилбера тщательно обшитый досками и без окон, но с крепким замком, опять стоит брошенный. Дверь, открываясь и закрываясь, скрипела на петлях, и когда Эрл Соьер один раз заглянул в нее, приведя очередную партию коров старику Уэйтли, то ему стало не по себе от тамошнего ни на что не похожего запаха, в котором, по его собственному утверждению, нет ничего земного и которого нигде нет, кроме как возле индейских кругов на горах. И это при том что дома и сараи в Данвиче никогда не отличались райскими ароматами.

Прошло еще несколько месяцев, в которые не случилось ничего особенного, разве лишь все жители как один готовы были поклясться, что непонятный шум внутри гор усилился еще больше. В 1915 году под самый май начались подземные толчки, которые нельзя было не заметить даже в Эйлсбери, а полгода спустя в День Всех Святых подземный грохот странно совпал по времени со вспышкой пламени – «происки колдунов Уэйтли» – на вершине Сторожевой горы. Уилбер рос не по дням, а по часам и на четвертом году жизни выглядел десятилетним. Он уже сам читал одну книгу за другой, однако говорить стал меньше прежнего. То и дело он, погружаясь в глубокую задумчивость, словно отдалялся ото всех, и тут люди впервые обратили внимание на злобное выражение его козлиного лица. Иногда он бормотал что-то на непо-

нятном языке или напевал странные мелодии, а у слушателей мурашки бежали по спине от необъяснимого ужаса. Собаки ненавидели его пуще прежнего, и ему приходилось брать с собой пистолет, чтобы в целости и сохранности пройти по деревне. Иногда он использовал его, и это не добавляло к нему любви владельцев сторожевых псов.

Немногие посетители дома Уэйтли обычно заставляли Лавинию одну на нижнем этаже, тогда как со второго этажа доносились крики и шаги. Она никогда не рассказывала, что ее отец и сын делали там, хотя однажды побелела от страха, когда торговец рыбой, любитель пошутить, дернул закрытую дверь. Потом он рассказывал бездельникам, крутившимся в данвичской лавке, что слышал как будто лошадиный топот у себя над головой. Все тотчас заговорили об отдельном входе наверх и о непонятно куда девающемся скоте и с дрожью в голосе стали пересказывать легенды из юности старика Уэйтли, не забыв о странных существах, которых можно вызывать из недр земли, если вовремя принести вола в жертву языческим богам. Оказывается, все уже заметили, что собаки стали ненавидеть и бояться ферму Уэйтли с не меньшей силой, чем они боялись юного Уэйтли.

В 1917 году началась война, и сквайр Сэйер Уэйтли в качестве председателя местной призывной комиссии прилагал напрасные усилия, чтобы набрать достаточно юношей для отправки в учебный лагерь. Обеспокоенное таким вырождением целого региона, правительство послало в Данвич своих чиновников и медицинских экспертов, о проведенном расследовании которых, вероятно, еще помнят читатели газет Новой Англии. Поднятый шум навел репортеров на Уэйтли, после чего «Бостон глоуб» и «Аркхем адвертайзер» опубликовали цветистые воскресные репортажи о раннем развитии Уилбера, о черной магии старика Уэйтли, о полках со странными книгами, о запертом втором этаже дома, о жуткой таинственности Данвича и о шуме внутри гор. Уилберу уже исполнилось четыре с половиной года, а выглядел он на все пятнадцать. На щеках, над верхней губой и на подбородке у него уже пробивалась черная щетина, да и голос начинал ломаться.

Эрл Соьер привел репортеров и фотографов к Уэйтли и обратил их внимание на странный запах, который как будто просачивался из второго заколоченного этажа фермерского дома. Он сказал, что запах напоминает ему тот, что он уже слышал в сарае, когда его открыли после перестройки дома, а еще тот, который иногда шел от каменных кругов на вершинах гор. Жители Данвича читали репортажи в газетах и смеялись над откровенными нелепостями. Они никак не могли понять, почему столько внимания городские писаки уделили золотым старинным монетам, которыми Уэйтли расплачивался за купленный скот. Сами Уэйтли принимали визитеров с плохо скрываемым раздражением, хотя не осмеливались возбуждать еще большее любопытство своим отказом разговаривать с газетчиками.

IV

На десять лет семейная хроника Уэйтли потерялась в повседневной хронике нездоровой жизни Данвича, привыкшего к их странностям и переставшего обращать внимание на их оргии в Вальпургиеву ночь и в День Всех Святых. Дважды в год они жгли костер на вершине Сторожевой горы, и тогда в горах поднимался шум, раз от раза все громче и громче. А в остальное время странные вещи происходили на ферме, расположенной на отшибе. Время от времени редкие посетители замечали, что шум на втором этаже не прекращается, даже когда вся семья собирается внизу, и они задумались о том, как быстро или, наоборот, медленно приносят в жертву корову или вола. Соседи хотели было обратиться с жалобой в Общество защиты животных, но из этого ничего не вышло, потому что данвичцы не любят привлекать к себе внимание внешнего мира.

В 1923 году, когда Уилберу исполнилось десять лет, а своим умом, голосом, фигурой и заросшим бородой лицом он производил впечатление зрелого мужчины, начался второй вели-

кий этап плотницких работ в старом доме. Они велись в пределах верхнего этажа, и по отдельным наблюдениям соседи сделали вывод, что мальчишка и его дед сломали все перегородки и даже потолок или пол чердака, освободив все пространство между потолком первого этажа и высокой крутой крышей. Они разобрали также большую печь, стоявшую посередине, вместе с дымоходом, а вместо нее приспособили железную печурку с легкой трубой, которую вывели в окно.

Весной старик Уэйтли заметил, что очень много козодоев стало прилетать из лощины Холодного Ручья кричать по ночам под его окном. Казалось, он со всей серьезностью отнесся к этому и даже сказал бездельникам в лавке Осборна, что, видно, пришел его час.

– Они всё-то, когда кричат, ладятся под меня, – пожаловался он. – Верно, прилетели по мою душу. Они все знают и уж своего-то не упустят. А вы, ребята, слушайте, как они кричат, и будете знать, заполучили они меня или нет. Если заполучат, то будут кричать и хохотать до рассвета, а если нет – сразу замолчат. Уж мне-то поверьте. Правда, думается мне, не все души, за которыми они охотятся, легко им достаются.

В ночь под праздник урожая в 1924 году Уилбер Уэйтли срочно вызвал доктора Хоутона из Эйлсбери, прискакав ночью на своей единственной лошади в лавку Осборна, где был телефон. Доктор нашел старика Уэйтли в весьма плачевном состоянии. Сердце работало плохо, дыхание сбивалось, предвещая близкий конец. Растолстевшая альбиноска-дочь и не по возрасту бородатый внук стояли возле его кровати, а в это время с пустого второго этажа доносился какой-то тревожный шум: то ли шорох, то плеск, словно морские волны набегали на берег. На доктора, однако, более удручающее впечатление произвели вопли ночных птиц за окном. Бесчисленные полчища козодоев выкрикивали свое дьявольское послание, то затихая, то вновь поднимая голос в точном соответствии с хрипами умирающего. Доктору Хоутону все казалось жутким и противоестественным в этом доме... Он думал, что здесь даже слишком жутко, недаром ему совершенно не хотелось ехать на срочный вызов.

Около часа ночи к старику Уэйтли вернулась память, и он, преодолевая себя, сказал несколько слов внуку:

– Скоро надо будет больше места, Уилли... больше места. Ты растешь... а *то* растет еще быстрее. Скоро оно сослужит тебе службу, мальчик. Открой ворота Йог-Сототу длинной песней, которую найдешь на странице семьсот пятьдесят первой *полного издания*, а *потом* подожги узилище. Только земной огонь тебе тут не в помощь.

Старику Уэйтли стало совсем худо. Он помолчал немного, и козодои за окном закричали по-другому, а потом послышался шум в горах, и он продолжал:

– Корми его вовремя, Уилли, и соблюдай меру. Он не должен слишком расти, а то ему станет тесно прежде, чем ты откроешь для Йог-Сотота... И тогда все пропало. Только те, что внизу, могут заставить его работать... Только они, прежние, которые хотят обратно...

Он опять захрипел, и Лавиния закричала, услышав, как завопили козодои. Так продолжалось с час, пока он не затих навсегда. Доктор Хоутон закрыл старику Уэйтли глаза, и козодои понемногу умолкли. Лавиния рыдала, а Уилбер лишь хмыкнул, так как гул в горах продолжался.

– Он им не попался, – пробасил Уилбер.

К этому времени он уже стал большим знатоком в единственно интересовавшей его области знаний и был хорошо известен по переписке многим библиотекарям в самых разных уголках страны, где с давних времен хранились редкие и запрещенные книги. В Данвиче его ненавидели все сильнее и сильнее, подозревая, что по его вине в округе стали исчезать молодые люди, однако ему удавалось затыкать людям рты, одних взяв на испуг, других купив старинными золотыми монетами, которыми он, как дед, расплачивался за поставляемый скот. Выглядел он совсем зрелым мужчиной среднего роста, однако все еще продолжал расти. В 1925 году, когда к нему приехал один из его ученых корреспондентов из Мискатоникского университета,

уехавший бледным и трясущимся от страха, в нем было уже не меньше шести с тремя четвертями футов.

Все эти годы Уилбер относился к своей уродливой альбиноске-матери с возраставшим презрением и в конце концов запретил ей сопровождать его на гору в Вальпургиеву ночь и в День Всех Святых, а в 1925 году бедняжка пожаловалась Мами Бишоп, что боится своего сына.

– Я много чего знаю такого, о чем не могу тебе сказать, Мами, – призналась она. – Но и я не знаю всего. Клянусь Господом, я понятия не имею, чего он хочет и что собирается делать.

В тот год шум в горах в День Всех Святых был громче обыкновенного и огонь горел, как всегда, на Сторожевой горе, однако данвичцев больше интересовали многочисленные стаи припозднившихся козодоев, которые слетелись к погруженному во тьму дому Уэйтли. Сразу после полуночи они уже не просто кричали, а вопили в едином дьявольском порыве, вселяя ужас в души местных жителей, и так продолжалось до самого рассвета. Потом они исчезли, на целый месяц позже обычного улетев на юг. Сразу никто ничего не понял. Вроде не умер ни один человек... Однако бедняжку Лавинию Уэйтли, уродливую альбиноску, больше в Данвиче не видели.

Летом 1927 года Уилбер привел в порядок два сарая на своей ферме и начал перетаскивать туда книги из дома. Вскоре Эрл Сойер сообщил бездельникам в лавке Осборна, что Уилбер вновь взялся за переделки в доме. Теперь он заколотил все окна и двери на первом этаже и сломал стены между комнатами, как четыре года назад сделал его дед на втором этаже. Жил он теперь в одном из сараев, и Сойеру показалось, что выглядит он необычно удрученным и даже как будто испуганным. Данвичцы подозревали, что ему известны подробности исчезновения его матери, и теперь редко кто осмеливался подойти близко к его дому. Ростом он был уже больше семи футов, но расти продолжал по-прежнему.

V

Зимой произошло нечто из ряда вон выходящее. Уилбер впервые отправился за пределы Данвича. Несмотря на переписку с библиотекой Уайденера в Гарвардском университете и Национальной библиотекой в Париже, с университетом в Буэнос-Айресе и библиотекой Мискатоникского университета в Аркхеме, он не смог достать книгу, в которой отчаянно нуждался, поэтому в конце концов отправился сам, грязный, небритый, одетый в лохмотья и странно произносящий слова, в ближайший к дому Мискатоникский университет. Он уже был почти восьми футов и держал в руке дешевый новый саквояж, купленный им в лавке Осборна. Вот эта темнокожая и козлоподобная горгулья появилась в один прекрасный день в Аркхеме в поиске ужасной книги, хранившейся под замком в библиотеке колледжа, под названием «Necronomicon», которую написал сумасшедший араб Абдула Алхазред, перевел на латынь Олаус Вормий и издали в Испании в семнадцатом веке.

Никогда прежде Уилберу не приходилось бывать в городе, однако он думал только о том, как найти дорогу в университет, а там он не глядя прошел мимо огромного белозубого пса, который с необычной яростью облаял его и стал рваться с цепи.

У Уилбера была при себе бесценная, однако несовершенная копия английского перевода доктора Ди, которую ему завещал его дед, поэтому, заполучив латинский вариант, он немедленно принялся сравнивать оба текста в поиске тех слов, которые у него были пропущены на странице семьсот пятьдесят первой. Этого он не мог скрыть от библиотекаря, чтобы не показаться ему невежливым, от того самого многознающего Генри Армитейджа (члена-корреспондента Мискатоникской академии, доктора философии Принстонского университета, лауреата премии Джонса Хопкинса), который когда-то приезжал на ферму и который теперь самым вежливым образом его допрашивал. Уилбер признался, что ему нужна некая формула, или заго-

вор, содержащая страшное имя *Йог-Сотот*, и его удивляет количество разночтений, повторов и сомнительных слов, которое весьма затрудняет его работу. Наконец он принялся переписывать найденную формулу, и доктор Армитейдж, невольно заглянув через его плечо на открытую страницу, прочитал слева в латинской книге самые ужасные угрозы миру и здравомыслию человечества.

«Не следует думать, – гласил текст, который Армитейдж мысленно переводил на английский язык, – будто человек – первый и последний хозяин на земле или обычное представление о жизни и ее физическом представлении может быть только таким и никаким другим. Старый Народ был, Старый Народ есть, и Старый Народ будет. В неведомых нам пространствах, *сам по себе*, Он пребывает в тишине и первозданности, невидимый нами. *Йог-Сотот* знает ворота. *Йог-Сотот* и есть ворота. *Йог-Сотот* – ключ и страж ворот. Прошрое, настоящее, будущее сошлись в *Йог-Сототе*. Он знает, где Старый Народ вырвался из старины и где Он вырвется из нее вновь. Он знает, где Он топтал земные поля и где Он еще топчет их и почему никто не видит Его, когда Он является людям. Иногда Его выдает Запах, но какой Он с виду, не знает ни один человек, *если не считать черт, которые Он подарил людям*, а таких много, и разнятся они от самого обыкновенного облика человеческого до того невидимого и бестелесного, какой Он Сам. Старый Народ вонюче и незримо бродит в безлюдных местах, где Слова произносятся и Обряды отправляются в положенное Время. Ветер торопит голоса, и земля проговаривает мысли. Он гнет деревья и крушит город, и не могут лес и город остановить безжалостную руку. В холодном отчаянии Кадат познал Старый Народ, но кто из людей знает Кадат? Ледовая пустыня на юге и затонувшие острова в океане хранят камни, на которых стоит Его печать, но кто из людей видел замороженный город или опутанную морскими водорослями затонувшую башню? Великий Ктулху – родич Его, но и он видит Его тайком и издалека. *Йол Шуб-Ниггурат!* Как вонь ты знаешь Его. На твоём горле Его руки, и все же ты не видишь Его, хотя живет Он на твоём охраняемом пороге. *Йог-Сотот* – вот ключ к воротам, что разделяют два мира. Люди правят там, где прежде властвовал Он, но скоро Он будет править там, где теперь властвуют люди. После лета приходит зима, но после зимы вновь приходит лето. Он ждет, терпеливый и могущественный, ибо Его час недалек».

Доктор Армитейдж, сопоставив то, что он читал, с тем, что он знал о Данвиче и его невидимых обитателях, а также о самом Уилбере Уэйтли и его темной страшной ауре, которая со времени его непонятного рождения превратилась в черную тучу возможного матереубийства, ощутил наплывшую на него волну страха, такого же осязаемого, как липкий холод могилы. Склонившийся над книгой козлоподобный гигант был похож на выходца с другой планеты или из другого мира, как будто он только частично был человеком и крепкие узы связывали его с черными безднами сущности и бытия, которые простираются как гигантские фантомы над всем тем, что является мощью, материей, пространством и временем. Неожиданно Уилбер поднял голову и заговорил в своей странной резонирующей манере, которая наводила на мысль о нечеловеческом строении его горла.

– Мистер Армитейдж, – сказал он, – я подумал, что мне придется взять эту книгу домой. Здесь есть такое, что мне нужно опробовать в определенных условиях, а у вас их нет. Я совершу смертный грех, если останусь тут из-за ваших правил. Позвольте мне взять ее, сэр, и я клянусь вам, что никто ничего не заметит. Не стану даже говорить, как я буду беречь ее. У меня с вашей драгоценной книгой ничего не случится...

Уилбер замолчал, прочитав ответ на лице библиотекаря, и на его козлином лице появилось хитрое выражение. Армитейдж уже было собрался сказать, что он может скопировать все, что ему нужно, но, задумавшись о последствиях, остановил себя. Слишком большую ответственность он взял бы на себя, позволив такому существу получить ключ к богомерзким сферам. Уэйтли все понял и постарался, чтобы его слова прозвучали безразлично:

– Ладно, если вы так решили. Может быть, в Гарварде они не такие щепетильные.

Ничего больше не сказав, он встал и зашагал прочь, склоняя голову перед каждой дверью.

Армитейдж слышал, как злобно лаял большой сторожевой пес, пока он из окна глядел вслед гиганту, по-гориллы, вприпрыжку пересекавшему кампус. Он припомнил страшные сказки, которые ему рассказывали и которые он читал в воскресных выпусках «Адвертайзер», а еще те, что он слышал от простых людей в Данвиче во время своей поездки. Невидимые существа неземного происхождения, по крайней мере не трехмерной земли, зловонные и страшные, носились по узким долинам Новой Англии и сидели на горных вершинах. В это он верил. А теперь сам ощутил близость чего-то неведомого и ужасного, словно на него полыхнуло адом в черном царстве какого-то далекого ночного кошмара. Передернувшись от отвращения, Армитейдж спрятал и запер «Necronomicon», однако из комнаты не выветривалась непонятная и жуткая вонь.

– По воню их узнаете их, – процитировал доктор Армитейдж.

Вонь и вправду была точно такой же, от какой ему стало плохо, когда он приблизился много лет назад к ферме Уэйтли. Доктор Армитейдж вновь припомнил козлиный зловещий облик Уилбера и натужно посмеялся над деревенскими слухами об его отце.

– Дед ни при чем! – пробормотал он негромко. – Ну и простаки же там живут, господа! Покажите им великого бога Пана, сотворенного Артуром Мейченом, и они увидят в нем обыкновенного данвичского возмутителя спокойствия. Кто же – какой проклятый невидимка на этой земле или за пределами трехмерного пространства – был отцом Уилбера Уэйтли? Он родился на Сретенье, через девять месяцев после Вальпургиевой ночи 1912 года, когда разговоры о странном шуме в горах достигли Аркхема. Что же там было в мае? Исчадие чего подавило себя земле в этих получеловеческих плоти и крови?

Несколько недель доктор Армитейдж занимался тем, что собирал данные об Уилбере Уэйтли и невидимых данвичских обитателях. Он списался с доктором Хоутоном из Эйлсбери, который принял последний вздох старика Уэйтли, и нашел для себя много интересного в последних словах умирающего, которые запомнил его врач. Поездка в Данвич, однако, не дала почти ничего нового, зато «Necronomicon» в тех местах, которые читал Уилбер, снабдил его новыми и страшными ключами к пониманию природы, методов и целей непонятного зла, неуловимо угрожающего планете. Беседы с некоторыми исследователями старинного фольклора в Бостоне и обмен письмами с исследователями в других городах привели его в конце концов в состояние изумления, которое, медленно пройдя через разные степени беспокойства, превратилось в самый настоящий праведный ужас. Проходили летние дни, и он смутно чувствовал, что что-то надо делать с невидимыми кошмарами в верховьях Мискатоника и с чудовищем, которое людям известно как Уилбер Уэйтли.

VI

Данвичский кошмар случился в 1928 году между праздником урожая и равноденствием, и доктор Армитейдж был среди тех, кто оказался свидетелем страшного пролога. До него дошли слухи о нелепой поездке Уэйтли в Кембридж и его отчаянных, но безрезультатных попытках добыть или скопировать «Necronomicon» в библиотеке, так как Армитейдж настоятельно просил всех библиотекарей не сводить глаз с ужасной книги. В Кембридже Уилбер очень нервничал. Ему во что бы то ни стало надо было достать книгу и вернуться побыстрее домой, словно он боялся последствий своего долгого отсутствия.

В начале августа случилось неизбежное. Рано утром третьего числа доктор Армитейдж проснулся, разбуженный злобным лаем сторожевого пса. Он заходил в полубезумном рыке, который становился раз от разу все громче и громче, но паузы были еще страшнее и многозначительнее. Потом раздался крик другого существа, разбудивший половину жителей Аркхема

и потом не раз вторгавшийся в их сны, ибо так кричать не мог рожденный от земли или единственно от земли.

Армитейдж торопливо оделся и бросился по улице и через газон к университетским зданиям. Впереди бежали еще люди, и все слышали сирену, истошно вопившую о взломе библиотеки. Открытое окно при свете луны казалось черной дырой. Но это было только начало, потому что изнутри доносились лай и крики, стихшие до приглушенного рычания и стонов. Инстинкт предупредил Армитейджа о том, что происходящее там не для неподготовленных глаз, поэтому он твердо отодвинул толпу и открыл дверь. Среди прибежавших на сигнал тревоги он заметил профессора Уоррена Райса и доктора Френсиса Моргана, которым рассказывал кое-что из своих догадок и опасений, и он махнул им рукой, чтобы они следовали за ним. К этому времени из библиотеки слышались только жалобные стоны пса, и больше ничего, однако Армитейдж обратил внимание на неожиданный и громкий хор козодоев, расположившихся в кустах и то поднимающих голос, то утихавших в ритме предсмертных хрипов человека.

Дом был полон ужасной вони, уже знакомой доктору Армитейджу, и трое мужчин торопливо прошептали по коридору в маленький читальный зал, где хранились манускрипты и книги с родословными и откуда слышалось тихое повизгивание. Несколько мгновений они медлили зажечь свет, пока доктор Армитейдж не собрал все свое мужество и не щелкнул выключателем. Один из трех мужчин – неизвестно, кто – громко завопил, разглядев того, кто лежал между перевернутыми столами и стульями. Профессор Райс говорил потом, что ненадолго потерял сознание, хотя он не только не упал, но и не пошатнулся.

То, что лежало, скрючившись, в зловонной луже зеленовато-желтой сукровицы и чего-то дегтярно-липкого, было почти девяти футов роста. Собака сорвала с него одежду и даже кое-где кожу, но оно еще не умерло и молча дергалось в судорогах, а из его груди вылетали жуткие хрипы в унисон чудовищному пению ждущих своего часа козодоев. По всей комнате были разбросаны куски кожи от ботинок и ткани от костюма и рубашки, а возле самого окна лежал, где его, по-видимому, бросили, пустой холстяной мешок. У ножки стола в центре валялся неразряженный револьвер с поврежденным патроном, который никак не мог выстрелить. Однако в то время все внимание пришедших занимало лежавшее на боку существо. Я бы погрешил против истины, если бы стал утверждать, что человеческому перу не под силу описать его, так как гораздо правильнее сказать, что ни один человек, чьи представления ограничены общепринятыми формами жизни на нашей планете и тремя известными измерениями, не мог бы даже увидеть его в точности таким, каким он был, хотя отчасти он, без сомнения, походил на обыкновенного смертного – руками, головой и козлоподобным лицом со срезанным подбородком, как у всех Уэйтли. Однако торс и нижняя часть тела были с точки зрения тератологии невероятными, так что только благодаря одежде он оставался среди людей неузнанным и неуничтоженным.

Выше пояса он был получеловек, хотя на его груди, с которой пес все еще не спускал лап, кожа скорее напоминала рисунком крокодилю. Спина была пестрой, желто-черной и отдаленно походила на чешуйчатую оболочку некоторых видов змей. Зато своим видом ниже пояса он производил ужасное впечатление, ибо в нем не было ничего человеческого и все было исключительно фантастично. Кожа здесь густо заросла жестким черным мехом, и из живота тянулось множество длинных зеленовато-серых щупалец с красными присосками. Располагались они в причудливом порядке, повторяя, по-видимому, некую космическую геометрию, неизвестную на Земле и в Солнечной системе. На обоих боках располагалось по одному рудиментарному глазу, глубоко погруженному в розоватую орбиту с длинными ресницами, а вместо хвоста у него была трубка или щупальце с красными кольцеобразными метками, которое, судя по всему, представляло собой неразвитый рот или горло. Ноги, если не считать черного меха, в какой-то мере напоминали задние лапы доисторических гигантских ящеров, живших на Земле, и заканчивались мягкими складчатыми подушечками без копыт и когтей. Когда суще-

ство делало вдох, его хвост и щупальца меняли цвет, верно, благодаря системе циркуляции, унаследованной от нечеловеческих предков. Щупальца становились темно-зелеными, а хвост желтел, и на нем появлялись нездоровые серо-белые полосы между красными кольцами. Из жил умирающего существа не кровь, а вонючая зеленовато-желтая сукровица струей текла на крашенный пол за потемневший и загустевший край лужи, оставляя за собой странный светлый след.

Появление трех мужчин взволновало умиравшего, и он, не поднимая и не поворачивая головы, принялся что-то бормотать. Доктор Армитейдж не сделал тогда записей, но запомнил совершенно точно, что говорил он не по-английски. Поначалу издаваемые им звуки вообще не были похожи на земную речь, но постепенно доктор Армитейдж распознал несвязные куски «Nesconomicon», этого чудовищного богохульства, в погоне за которым погибало лежавшее перед людьми существо. Насколько Армитейдж запомнил, он говорил так:

– Н’гай, н’гха’гхаа, багг-шоггот, ай’хах; Йог-Сотот, Йог-Сотот...

Постепенно его голос стихал, тогда как козодои в нечестивом предвкушении орали все громче и громче.

Потом умирающий затих, и пес, задрав морду, зашелся в долгом скорбном вое. Желтое козлиное лицо простертого на полу существа изменилось, и огромные черные глаза страшно провалились. За окном неожиданно умолкли козодои, а над толпой началось паническое кружение и хлопанье крыльев. Бесчисленные стаи крылатых наблюдателей поднялись, закрыв собой луну, и, словно обезумевшие, стали исчезать с глаз.

Опять испуганно залаяла собака и выпрыгнула в открытое окно. В толпе завопили, и доктор Армитейдж торопливо крикнул, чтобы никто не входил в дом до приезда следователя или медицинского эксперта. Он радовался высоким окнам библиотеки, через которые, к счастью, никто не мог заглянуть внутрь, и сам тщательно их занавесил. К этому времени появились двое полицейских, и доктор Морган, выйдя в коридор, попросил их ради их же блага не ходить в провонявший читальный зал, пока нет медицинского эксперта и нельзя прикрыть тело.

Тем временем пугающие изменения продолжались. Нет смысла описывать *род* и *степень* уменьшения и разложения, происходивших на глазах доктора Армитейджа и профессора Райса, однако позволю себе заметить, что, если не считать лица и рук, в Уилбере Уэйтли было совсем мало человеческого. Когда приехал медицинский эксперт, на крашеном полу оставалась лишь клейкая беловатая масса и ужасная вонь тоже почти исчезла. Оказалось, что у Уэйтли не было ни черепа, ни скелета, по крайней мере в их земном понимании. Таким его сделал его неизвестный отец.

VII

Однако все это только пролог к данвичскому кошмару. Изумленные представители власти соблюли все формальности, сохранив в тайне от прессы и публики чудовищные подробности. В Данвич и Эйлсбери отправились чиновники, которые должны были оценить имущество и отыскать, если таковые имеются, наследников покойного Уилбера Уэйтли. Они нашли тамошних жителей в большом волнении из-за усиливавшегося в горах шума, а также из-за вон и громкого плеска, доносившихся из огромной пустой конуры, которую представлял собой теперь дом Уэйтли. Эрл Соьер, приглядывавший за лошадью и коровами в отсутствие Уилбера, превратился в болезненный комок нервов. А чиновники, придумав себе оправдания, чтобы не входить в шумящее огороженное логово, с радостью свели осмотр жилья умершего и заново отремонтированных сараев до одного-единственного визита. Они представили длинный отчет в суд Эйлсбери, и, говорят, бесчисленные Уэйтли с верхнего Мискатоника – как процветающие, так и вымирающие – до сих пор судятся из-за наследства.

Почти бесконечная рукопись на непонятном языке в виде толстеного гроссбуха, похожая на дневник из-за неравных расстояний между записями, сделанными разными чернилами и разными почерками, поставила в тупик тех, кто нашел ее на старом бюро, служившем владельцу письменным столом. Проспорив неделю, они отослали ее вместе с коллекцией старинных книг в университет для изучения и, возможно, расшифровки, однако даже самые опытные лингвисты скоро пришли к выводу, что разгадать эту загадку не так-то просто. Золота, которым платили свои долги Уилбер и старик Уэйтли, и след простыл.

Кошмар начался ночью девятого сентября. Вечером шум в горах был особенно громким и отчаянно лаяли собаки. Те, кто встал пораньше десятого сентября, учуяли в воздухе странный запах. Около семи часов мальчишка Лютер Браун, пастушонок Джорджа Кори, который живет между лощиной Холодного Ручья и деревней, весь похолодевший от страха прибежал с коровами с десятиакрового луга, куда обыкновенно по утрам гонял скот. Он был чуть не в судорогах, когда ввалился в кухню, а во дворе жалко мычала не меньше его напуганная скотина, разделившая с мальчиком паническое бегство. Задыхаясь, Лютер рассказал миссис Кори следующее:

– Там это за лощиной, миссис Кори... там это! Пахнет там как в грозу, и все кусты и деревья поменьше повывернуты из земли, как будто была буря. Но ничего такого не было. Там следы, миссис Кори... Большие круглые следы, как будто от бочек, и очень глубокие, как будто это слон там ходил, *только я вам скажу, это следы не четвероногих!* Я посмотрел на один, нет, на два до того, как убежал, и они покрыты линиями, которые все начинаются в одном месте, как на большом веере из пальмового листа... Но только они в два или три раза больше... И их там много на земле. А вонь там... точь-в-точь как возле дома колдуна Уэйтли...

На этом месте голос изменил ему, и он вновь задрожал от страха, прогнавшего его домой. Не в силах больше ничего из него выудить, миссис Кори принялась звонить по телефону соседям, таким образом положив начало панике, предшествовавшей еще большим ужасам. Когда же ей ответила Салли Соьер, домоправительница Сета Бишопа, который жил ближе всего к Уэйтли, настала ее очередь слушать, а не делиться новостями. Саллин сын Чонси, которого мучила бессонница, пошел на гору к дому Уэйтли, и едва взглянул на него и на луг, на котором мистер Бишоп оставил на ночь коров, как бросился в ужасе обратно.

– Представляете, миссис Кори, – звенел в проводах дрожащий голос Салли, – Чонси мой до того припустился, что до сих пор никак не отдышится! Он говорит, от дома старика Уэйтли ничего не осталось, и вокруг полно бревен, словно его взорвал кто-то динамитом, только пол целый, но он весь покрыт как будто дегтем и пахнет ужасно, а там, где стены обвалились, еще что-то капает. И во дворе страшные следы... Большие и круглые, больше бочки, и на них тоже что-то липкое, как на развалинах. Чонси мой говорит, следы ведут на луг, и там яма больше сарая, и никаких построек не осталось.

А еще, миссис Кори, он говорит, будто пошел искать коров Сета, хоть и очень испугался, и нашел их в ужасном состоянии на верхнем пастбище, где Дьявольский Хмельник. От них и половины не осталось, а у тех, что остались, будто вся кровь начисто выпита, и язвы на них, как были на коровах Уэйтли, когда Лавиния своего ублюдка родила. Сет пошел сам посмотреть, что там, хотя я просила его, чтобы он держался подальше от дома колдунов! Чонси не подумал посмотреть, куда ведет след, но он считает, что след ведет в лошину.

Вот что я вам скажу, миссис Кори, они не такие были, как мы, и, я думаю, черный Уилбер Уэйтли заслужил свой конец, вы только вспомните, как он родился. Не человек он, вот что я вам скажу, и, думается мне, старик Уэйтли вырастил в своем доме что-то совсем нечеловеческое. В Данвиче много водится нечисти, хоть мы ее не видим... живут тут... но не люди они, и нам нечего ждать от них добра.

Ночью мы слышали шум, миссис Кори, а под утро, Чонси говорит, стали орать козодои. Громко они орали, и знаете где, в лошине Холодного Ручья. Чонси никак не мог заснуть. А

потом ему показалось, будто он слышал кого-то в доме колдуна Уэйтли... скрип какой, что ли, будто кто-то открывает большой ящик. Ну, и не спал он до утра, все прислушивался, а рассвело, так он сразу же пошел к Уэйтли посмотреть, что там такое. Много он там увидел, миссис Кори, так я вам скажу! Не к добру это. Думается мне, надо всем мужчинам собраться вместе и что-то сделать. Чудится мне нехорошее, верно, время мое пришло, хотя один бог знает, когда и чей черед.

А ваш Лютер посмотрел, куда следы ведут? Нет? Ну, миссис Кори, коли они были на этой стороне лощины и никто еще у вас там не объявился, тогда, верно, в лощину, он в лощину пошел. Должно быть, так и есть. Я всегда говорила, лощина Холодного Ручья – плохое место. Козодоев там как светляков, и ведут они себя не как божьи твари. Недаром говорят, будто там можно услышать много непонятного, если встать на нужном месте между скалой и Медвежьей Берлогой...

Около полудня три четверти всех мужчин и юношей Данвича шли по дорогам и лугам между руинами Уэйтли и лощиной Холодного Ручья, в ужасе глядя на огромные следы, на покалеченных коров Бишопы, на разгромленную ферму, на затоптанный луг и дороги. Что бы ни было ниспослано на землю, оно отправилось в мрачное ущелье, потому что все деревья на берегу были погнуты и поломаны, а широкая дорога превратилась в опасные болота, укрытые подлеском. Похоже было, будто дом унесла лавина, и он оказался у подножия почти вертикального склона. Наверх не доносилось ни звука, зато поднималась непонятная вонь, поэтому неудивительно, что мужчины предпочли остаться на краю утеса и спорить, нежели сойти вниз и смело двинуться против кошмарного циклопа в его логове. Три пса, которые сопровождали людей, поначалу остервенело лаяли, но чем ближе они подходили к лощине, тем становились тише и трусливее. Кто-то позвонил в «Эйлсбери транскрипт», однако редактор, привыкший к страшным слухам из Данвича, только и сделал, что состряпал смешную заметку в несколько строк, вскоре перепечатанную другими газетами.

В тот вечер все жители Данвича, придя домой, постарались понадежнее забаррикадировать дома и сараи. Нечего и говорить, что ни одной коровы не осталось на лугу. А в два часа ночи ужасающая вонь и отчаянный лай собак разбудили семейство Элмера Фрая, которое жило на восточной стороне лощины Холодного Ручья, и они сошлись на том, что снаружи слышится шуршание или плеск. Миссис Фрай предложила позвонить соседям, и Элмер уже готов был с ней согласиться, как их дискуссии был положен конец. Кто-то принялся ломать деревянные стены сарая. Почти сразу же раздались страшные крики коров и громкий топот. Собаки пустили слюни и прижались к ногам онемевших от страха людей. Повинуясь привычке, Фрай зажег фонарь, но он знал, что смерти подобно идти теперь из дома. Дети и женщины тихонько хныкали, удерживаемые от рыданий во весь голос рудиментарным инстинктом, подсказывавшим им, что их жизнь зависит от их молчания. Наконец крики в сарае сменились жалобными стонами, и вновь люди слышали треск и грохот падающих стен. Члены семейства Фраев, собравшиеся в гостиной, не смели пошевелиться, пока шум не стих в лощине Холодного Ручья. Тогда, не обращая внимания на скорбные стоны животных и демонические крики козодоев, Селина Фрай подошла к телефону и всем рассказала о втором этапе обрушившегося на Данвич кошмара.

На другой день охваченные паническим страхом люди приходили молчаливыми группами посмотреть на дьявольский погром. Два гигантских разрушительных следа тянулись из лощины к ферме Фраев. Чудовищные круги отпечатались на голой земле. Одной стены старого красного сарая как не бывало. Из стада коров в живых осталась лишь четверть хоть на что-то похожих животных. Да и эти уцелели фрагментарно, поэтому их пришлось пристрелить. Эрл Соьер предложил обратиться за помощью в Эйлсбери и Аркхем, однако остальные решили, что это бесполезная трата времени. Старый Зебулон Уэйтли из ветви, балансировавшей между процветанием и угасанием, неожиданно и угрожающе заговорил об обрядах, которые необхо-

димо совершить на вершинах гор. Он происходил из семьи, не забывшей старые обычаи, и его воспоминания о пении в каменных кругах не были связаны исключительно с Уилбером и его дедом.

Темнота сошла на испуганную деревню, которая оказалась не в силах организовать какое бы то ни было сопротивление. В нескольких случаях тесно связанные между собой семьи соединились под одной крышей в ожидании неизбежного, но в основном повторилось то, что было накануне, то есть люди баррикадировали дома, непонятно зачем заряжали мушкеты и держали под руками вилы. Однако ничего не произошло, разве только в горах шумело, и наутро многие решили, что кошмар как неожиданно начался, так и закончился. Нашлись даже смельчаки, которые предложили наступательную операцию на лощину, правда, они не посмели показать пример храбрости трусоватому большинству.

Наступила ночь, и вновь жители забаррикадировали свои дома, но уже не объединялись под одной крышей. Утром семейства Фрая и Сета Бишопа сообщили о беспокойном поведении собак, а также о шуме и вони, а ранние охотники за новостями с ужасом рассказали о новых чудовищных следах вокруг Сторожевой горы. Обе стороны дороги, как прежде, представляли собой что-то нечеловечески ужасное, и следы вели в двух противоположных направлениях, как будто гора сошла с места в лощине Холодного Ручья и вернулась обратно той же дорогой. Тридцатифутовая полоса покореженного кустарника поднималась круто вверх, и искатели едва не потеряли дар речи, когда увидели, что даже отвесные склоны не помеха неумолимой напасти. Что бы ни представляло собой данвичское чудовище, оно могло одолеть любой подъем, и искатели более безопасными тропами поднялись на вершину посмотреть, где оно закончило свой путь... или скорее повернуло обратно.

Как раз тут, возле каменного стола, Уэйтли обыкновенно жгли свои дьявольские костры и пели дьявольские песни в Вальпургиеву ночь и в День Всех Святых. Сейчас камень оказался в середине огромного перекопанного пространства, и его немного вогнутая поверхность была покрыта толстым слоем чего-то липкого и вонючего, что оставалось на полу разрушенного дома Уэйтли после исчезновения оттуда чудовища. Мужчины переглядывались и бормотали ругательства. Потом они поглядели вниз. Чудовище, по всей очевидности, спустилось с горы той же дорогой, какой на нее поднялось. Делать какие-то предположения казалось делом бессмысленным. Здравый смысл, логика и естественное обоснование поступков были здесь ни при чем. Только Зебулон, не входивший в эту группу, мог бы правильно оценить ситуацию и предложить приемлемое объяснение.

Ночь в четверг началась как обычно, однако закончилась куда менее приятно. Козодои в лощине орали с такой силой, что многие не могли заснуть, а около трех часов утра у всех тревожно зазвонили телефоны. Снимавшие трубку слышали обезумевший от страха крик:

– Помогите! О нет! Господи...

И некоторым казалось, что едва смолкал крик, как они слышали грохот. И всё. Никто не посмел ничего предпринять, и никто до самого утра не знал, откуда звонили. Потом один из слышавших крик позвонил всем подряд и выяснил, что не отвечает семейство Фрая. Через час стала известна страшная правда, когда торопливо собравшаяся группа вооруженных мужчин отправилась к дому Фрая возле лощины. Зрелище было ужасное, но не неожиданное. Они опять увидели покореженные деревья и круглые следы, но никакого дома не было и в помине. На его месте они нашли вмятину, похожую на половинку яичной скорлупы, но среди руин не оказалось никого, ни живого, ни мертвого. Только запах и дегтярная слизь. Семья Элмера Фрая покинула Данвич.

VIII

Тем временем более тихая, но духовно куда более мучительная стадия данвичского кошмара разворачивалась в Аркхеме за запертой дверью комнаты с книжными стеллажами. Непонятная рукопись, возможно дневник Уилбера Уэйтли, отправленный на расшифровку в университет Мискатоника, породил много волнений и споров среди знатоков как старых, так и современных языков. Даже буквы, несмотря на их сходство с полузабытым арабским письмом Месопотамии, были совершенно незнакомы специалистам. Окончательное заключение лингвистов гласило, что в представленном тексте использован искусственный алфавит, похожий на шифр, хотя обычные методы расшифровки не дали результата ни на одном из известных языков. Старинные книги, вывезенные из дома Уэйтли, хотя и были исключительно интересными и многообещающими для новых и страшных открытий философов и других ученых, в этом случае оказались бесполезными. Одна из них, тяжелый том с металлической застежкой, тоже оказалась написанной на непонятном языке, но совсем на другом, более напоминающем санскрит. Старый гротеск попал в единоличное ведение доктора Армитейджа, во-первых, из-за его особого интереса к Уэйтли и, во-вторых, из-за его широких лингвистических познаний в мистических текстах, как совсем старых, так и средневековых.

Армитейджу пришло в голову, что язык, на котором писали Уэйтли, может быть тайным языком какого-нибудь запрещенного культа, сохранившего его с давних времен и унаследовавшего множество обрядов и традиций от сарацинских колдунов. Впрочем, он не считал эту мысль очень важной, ибо необязательно знать происхождение символов, если, как он подозревал, они используются в качестве шифра на современном языке. Он был убежден, что, принимая во внимание количество текста, писавший вряд ли взваливал на себя лишние трудности в виде чужого языка, если только не вносил в текст формулы и заклинания. И доктор Армитейдж пошел в наступление на рукопись, предварительно решив, что ее язык может быть только английским.

Доктор Армитейдж знал, благодаря неудачам своих коллег, что загадка и трудная, и сложная и бесполезно даже пытаться применять к ней простой ключ. Всю вторую половину августа он пополнял свои знания криптографии, используя богатые ресурсы своей библиотеки и проводя ночь за ночью в тайнописях «Polygraphiae» Тритемия, «De Furtivis Literarum notis» Жанбаттисты Порты, «Traicté des Chiffres» Де Виженера, «Cryptomenysis Patefacta» Фальконера, трудов Дэвиса и Тикнеса восемнадцатого столетия, а также более или менее современных авторитетов, таких, как Блейр, фон Мартен и «Kryptographik» Клюбера. Переменяя изучение книг с атаками на рукопись, он в конце концов пришел к выводу, что имеет дело с одной из самых хитрых и остроумных криптограмм, в которой многие листы расположены как таблица умножения, и смысл текста скрыт за произвольными ключевыми словами, известными лишь посвященному. Более старые авторитеты оказались полезнее современных, и Армитейдж сделал вывод, что код рукописи принадлежит далекой древности и, несомненно, изменялся под влиянием экспериментаторов-мистиков. Несколько раз он думал, что разгадка совсем близко, и его вновь отбрасывали назад непредвиденные препятствия. Потом наступил сентябрь, и тучи рассеялись. Определенные буквы в определенных частях рукописи были точно и безошибочно идентифицированы, и оказалось, что текст действительно писан по-английски.

Вечером второго сентября, взяв последний высокий барьер, доктор Армитейдж в первый раз прочитал большой кусок из писаний Уилбера Уэйтли. Это на самом деле оказался дневник, в чем никто не сомневался, и его стиль ясно демонстрировал одновременно оккультную эрудицию и абсолютное невежество странного автора. Едва ли не первой доктор Армитейдж расшифровал запись от двадцать шестого ноября 1916 года, которая его очень обеспокоила.

Он вспомнил, что Уилберу в то время было три с половиной года, а выглядел он на все двенадцать или тринадцать.

«Сегодня изучал АКЛО для Субботы, – читал он, – и, похоже, на нее отвечают из гор, а не из воздуха. Кажется, тот, что наверху, обгоняет меня быстрее, чем я думал, и, похоже, у него совсем нет земных мозгов. Убил пса Джека, принадлежавшего Эламу Хатчинсу, когда он чуть было не укусил меня, и Элам сказал, что убил бы меня, если бы мог. Думаю, он не убьет. Вчера вечером дед заставлял меня повторять формулу ДХО, и мне показалось, что я видел внутренний город возле двух магнетических полюсов. Пойду туда, когда земля очистится, если смогу правильно сказать формулу ДХО-ХНА. Те, что из воздуха, сообщили мне в субботу, что пройдут годы, прежде чем я смогу очистить землю. Наверное, дед уже умрет к тому времени, так что надо получше запомнить углы уклонов и все формулы между ИР и НХХНГР. Те, что извне, помогут, только им не стать видимыми без человеческой крови. Тот, что наверху, вроде такой, как надо. Я вижу его немного, когда делаю правильный знак или кидаю в него порошком Ибн Гази, и он похож на тех, которые бывают в Вальпургиеву Ночь на Горе. Другое лицо, наверное, сотрется немного. Интересно, каким я буду, когда земля очистится и на ней не останется ни одного человека. Тот, который пришел с субботней АКЛО, сказал, что я могу стать больше похожим на тех, что извне, если буду как следует работать».

Когда наступило утро, доктор Армитейдж был в холодном поту от страха и бессонной ночи. Он ни на минуту не отрывался от дневника, дрожащими руками торопливо переворачивал страницу за страницей в свете электрической лампы и едва успевал расшифровывать записи. Испуганный, он позвонил жене и сказал, что не придет домой, а когда она принесла ему из дома завтрак, он не смог проглотить ни ложки. Весь следующий день он продолжал читать, недовольно останавливаясь, только если требовался новый шифр. Ленч и обед ему принесли в библиотеку, но есть он был не в состоянии. В середине следующей ночи он заснул в своем кресле, однако вскоре его разбудили кошмары, почти такие же ужасные, как правда об угрозе человечеству, которую он разгадал.

Утром четвертого сентября к нему заглянули профессор Райс и доктор Морган и ушли от него с посеревшими лицами и дрожа от страха. Вечером он лег в постель, но почти не спал. В среду, на другой день, доктор Армитейдж возвратился к рукописи и принялся выписывать из нее куски расшифрованного текста. Вечером он поспал немного в мягком кресле, не покидая свой кабинет, но еще до рассвета вновь засел за рукопись. Незадолго до полудня его врач доктор Хартвелл зашел к нему и стал настаивать на отдыхе. Доктор Армитейдж отказался, заявив, что для него жизненно необходимо прочесть дневник до конца, и обещал все рассказать в свое время. Вечером, едва стемнело, он закончил свою страшную работу и, измученный, откинулся на спинку кресла. Принеся ему обед, жена обнаружила его в полукомадном состоянии, однако он был в сознании настолько, чтобы прогнать ее, едва заметив, что ее глаза прикованы к заметкам, которые он делал в последние дни. С трудом поднявшись, доктор Армитейдж собрал их, запечатал в большой конверт и положил во внутренний карман пиджака. Ему хватило сил добраться до дома, однако он так явно нуждался в медицинской помощи, что тотчас вызвали доктора Хартвелла. Когда доктор уложил его в постель, он все шептал и шептал:

– Господи, что же делать?

Доктор Армитейдж заснул, однако в течение следующего дня часто терял сознание. Хартвеллу он ничего не объяснил, однако, приходя в себя, настаивал на срочной встрече с Райсом и Морганом. Другие его высказывания были совершенно непонятны окружающим, ибо он со страхом сообщал о том, что кого-то надо уничтожить в запертom доме, или делал еще более фантастические заявления о грядущем уничтожении земных людей, животных и растений какой-то ужасной старой расой из другого измерения. Он кричал, что мир пребывает в опасности, так как Старый Народ пожелал обезлюдить его и перетащить на другую планету или в другую фазу пространства, из которой он выпал много вечностей назад. В другое время он

требовал принести ему «Necronomicon» и «Daemonolatrea» Ремигия, где он надеялся отыскать некую формулу, с помощью которой сможет предотвратить беду.

– Остановите их! Остановите их! – кричал он. – Уэйтли задумали впустить их к нам, и самый страшный еще жив! Скажите Райсу и Моргану... мы должны что-то предпринять... мы не будем действовать вслепую, я знаю, как сделать порошок... Его не кормили со второго августа, когда Уилбер нашел тут свою смерть, и в его состоянии...

Однако доктор Армитейдж был, несмотря на свои семьдесят три года, довольно крепок физически, поэтому ему достаточно было отоспаться ночь, и его не скрутила настоящая лихорадка. В пятницу он проснулся поздно, с ясной головой, но обуреваемый страхом и удрученный непосильной ответственностью за жизнь человечества. В субботу днем он почувствовал себя настолько окрепшим, что отправился в библиотеку и встретился там с Райсом и Морганом, и остаток дня и весь вечер трое мужчин мучили свои мозги в отчаянных спорах и самых невероятных предположениях. Станные и страшные книги были во множестве сняты с полок и вытащены из надежных хранилищ, и ученые с лихорадочной торопливостью выписывали из них бессчетные диаграммы и формулы. О скептицизме и речи не могло идти. Все трое видели тело Уилбера Уэйтли, простертое на полу того самого здания, где они теперь сидели, и после этого ни у одного из них не возникло желания рассматривать дневник как бред сумасшедшего.

Мнения разделились по другому поводу – надо ли ставить в известность массачусетскую полицию. В конце концов решено было этого не делать. Не всему могли поверить люди, не видевшие труп, и это станет очевидно в ближайшем будущем. Поздно вечером ученые разошлись, не выработав четкого плана действий, однако все воскресенье Армитейдж сравнивал формулы и смешивал химические вещества, раздобытые им в университетской лаборатории. Чем больше он вникал в дьявольский дневник, тем больше сомневался в эффективности материальных средств воздействия на существо, оставшееся в запертом доме Уилбера Уэйтли и угрожающее жизни на Земле, на то существо, которое было неизвестно ему и могло вырваться наружу в ближайшие часы, чтобы стать памятным данвичским кошмаром.

Понедельник был для доктора Армитейджа таким же, как воскресенье, поскольку его задача требовала бесконечных исследований и опытов. Дальнейшее чтение чудовищного дневника вносило изменения в первоначальный план действий, но доктор Армитейдж знал, что, даже завершив работу, он не сможет быть до конца уверенным в успешном результате. Ко вторнику у него окончательно созрело решение, так как он понял, что ему не миновать поездки в Данвич в течение ближайшей недели. А в среду случилось самое страшное. Случайно заглянув в нижний угол газеты «Аркхем адвертайзер», он обратил внимание на короткую заметку, пришедшую из агентства Ассошиэйтед Пресс и сообщавшую о невиданном чудовище, недавно объявившемся в Данвиче. Испуганному Армитейджу хватило сил позвонить Райсу и Моргану. Далеко за полночь они обсуждали, как им поступить, и следующий день все трое провели в стремительных сборах. Армитейдж знал, что ему придется иметь дело с могущественными силами, однако не видел другого способа уничтожить зло, сотворенное до него другими.

IX

Утром в пятницу Армитейдж, Райс и Морган отправились на машине в Данвич и приехали в деревню около часа дня. День выдался теплый, но в этих нездоровых местах даже под ярким солнцем не исчезал необъяснимый ужас перед колоколоподобными горами и их глубокими лесистыми лощинами. То на той, то на другой горе ученые замечали мрачную каменную колонну на фоне синего неба. По страху, который не могли скрыть люди в магазине Осборна, они поняли, что случилось нечто ужасное, и вскоре им рассказали об уничтожении дома и семьи Элмера Фрая. Весь день они ездили по Данвичу, расспрашивали жителей и с ужасом осматривали ни на что не похожие руины, покрытые черной слизью, покалеченный

скот Бишоп, дьявольские следы во дворе Фраев и широкие полосы покореженной земли в разных местах Данвича. След, который вел на вершину и с вершины Сторожевой горы, показался Армитейджу особенно важным, и он уделил много внимания зловещему камню, похожему на алтарь.

Наконец ученые, которым стало известно о приехавших утром полицейских из Эйлсбери, которых послали в Данвич в ответ на сообщение о трагедии семьи Фраев, решили повидаться с ними и сравнить свои впечатления. Однако это оказалось легче решить, нежели сделать, поскольку никаких полицейских нигде не было видно. В машине их явилось пятеро, но машина стояла пустая возле развалин во дворе Фраев. Местные жители, которые разговаривали с полицейскими, поначалу тоже ничего не поняли, а потом старый Сэм Хатчинс задумался и побледнел. Он толкнул локтем Фреда Фарра и показал на сырую глубокую лощину неподалеку.

– Господи, – проворкотал он, – я же им говорил, чтобы они туда не ходили. Не думал я, что они посмеют туда идти, когда там эти следы и вонь и козодои вопят по ночам...

И ученые, и местные жители содрогнулись и сразу же инстинктивно прислушались, затаив дыхание. Армитейдж, теперь уже реально столкнувшись с чудовищем и его делами, пришел в ужас от ощущения страшной ответственности за происходящее. Скоро ночь, и тогда гигантское чудовище снова будет грозить людям. *Negotium perambulans in tenebris...* Старый библиотекарь произнес вслух формулу, которую он запомнил, и взял в руки бумаги, где была записана другая формула, которую он не запомнил. Его фонарик исправно работал. Райс, державшийся поблизости, достал из портфеля металлический распылитель, какие обычно используют для уничтожения вредных насекомых, а Морган расчехлил ружье, казавшееся ему более надежным, хотя коллеги и предупреждали его, что никакое огнестрельное оружие здесь не годится.

Армитейдж, читавший ужасный дневник, отлично знал, чего надо ждать, однако ему даже намеком не хотелось еще больше пугать жителей Данвича. Он рассчитывал победить чудовище, не раскрывая миру его суть. Когда начали сгущаться тени, жители понемногу разошлись по домам, торопясь забаррикадироваться, хотя уже получили достоверные доказательства, что никакие замки и запоры не в силах устоять перед чудовищем, легко валящим деревья и крушащим дома. Они покачали головами на предложение ученых поставить заграждение на руинах дома Фраев возле лощины и ушли, не рассчитывая еще раз встретиться с ними.

В горах вечером вновь поднялся шум и грозно закричали козодои. В конце концов порыв ветра испортил свежий ночной воздух, принесся из лощины Холодного Ручья ту самую вонь, которую трое дозорных уже познали, стоя над умирающим, прожившим пятнадцать с половиной человеческих лет. Однако ожидаемое чудовище не явилось. Кто бы ни был в лощине, он выжидал свое время, и Армитейдж сказал коллегам, что смерти подобно пытаться одолеть его в темноте.

Потом наступило утро, и шум стих. День был серый и хмурый, то и дело начинал накрапывать дождик, и тяжелые черные тучи собирались на северо-западе за горами. Приехавшие из Аркхема ученые не знали, что делать дальше. Найдя укрытие в одной из двух уцелевших построек на дворе Элмера Фрая, они спорили, что им предпочесть – мудрое ожидание или атаку на неизвестное чудовище, прячущееся в лощине. Дождь усиливался. Потом вдалеке послышались раскаты грома. Сверкнула зарница. Совсем рядом на мгновение вспыхнула раздвоенная молния, словно ей не терпелось заглянуть в проклятую лощину. Небо быстро темнело, и городские дозорные надеялись, что гроза не будет долгой.

Все еще было пасмурно и темно, когда всего через час или даже меньше с дороги послышался нечеткий говор. Мгновением позже горожане увидели группу испуганных мужчин, не больше дюжины, которые вопили на бегу и истерически рыдали. Тот, что бежал впереди, прокричал какие-то слова, и ученые встrepенулись, едва они поняли их смысл.

– О господи боже мой! – выкрикивал мужчина. – Опять пришел, *теперь днем!* Он там... Там он... Идет... Только бог знает, что с нами со всеми будет!

Он замолчал, и его рыдания подхватил другой житель Данвича:

– Час назад у Зеба Уэйтли зазвонил телефон. Это была миссис Кори, жена Джорджа, они живут на пересечении дорог. Она сказала, что мальчишка, который у них работает, Лютер, бежал с коровами от грозы и увидел поваленные деревья у выхода из лощины... с другой стороны... и вонь там была в точности как в тот день, в понедельник, когда он в первый раз напал на следы. Еще она сказала, что он сказал, будто он слышал шорох или плеск и тотчас деревья стали валиться набок, и кусты тоже, а ему послышалось тяжелое чавканье в грязи. И знаете, Лютер никого там не разглядел, только видел, как деревья валяются.

А потом, – продолжал он, – возле Епископского ручья, который по другую сторону дороги, он слышал, как трещит и ломается мост. Он говорит, будто хорошо это слышал. Но он никого не видел, только падающие деревья и кусты. А потом раздался свист на Сторожевой горе... Лютер не побоялся подняться на вершину, откуда доносился свист, и осмотреться. Там под ногами у него было болото, над головой – черное небо. Дождь-то смыл все следы. А на выходе из лощины, где легли деревья, следы еще оставались, и они были в точности такими, какие он видел в понедельник.

На этом месте его перебил первый мужчина, который никак не мог успокоиться:

– Не *в этом* дело сейчас... Это всего лишь начало. Зеб всем нам сказал, чтобы мы были настороже, когда позвонил Сет Бишоп. Его экономка Салли закатила истерику... сказала, что видела поваленные деревья возле дороги, и еще, что слышала пыхтенье, так, верно, слон дышит. Оно направлялось к дому. Потом она учуяла вонь, и ее мальчишка Чонси крикнул, что вонь такая же, как была, когда в понедельник разрушился дом Уэйтли. И все псы как залают!..

А потом она страшно закричала и сказала, что тот, который шел по дороге, ввалился во двор, будто буря поднялась, но ведь ветра никакого не было. Все мы слушали, затаив дыхание. А потом Салли опять завопила, будто баррикады на дворе как не бывало, но все равно никого не видно. И тут мы услышали крик Чонси и старого Сета Бишоп, потом Салли, и дом обрушился, хотя ни молнии не было, ни ветра, ничего, только кто-то большой стал бросаться на переднюю стену, и раз бросался, другой, но вы бы все равно никого там не увидели. А потом... потом...

Морщины на всех лицах словно стали глубже, но потрясенный Армитейдж все же попросил говорившего продолжать.

– Ну, потом... Салли потом закричала: «Спасите, в стене дыра!» И мы все слышали грохот и крики... в точности такие, как когда был разрушен дом Элмера Фрая, лишь...

Он замолчал, и заговорил еще один мужчина из толпы:

– Это все. Больше не было ни звука. Тишина. Ну, мы собрали побольше здоровых мужчин и пошли к Кори, а по дороге решили спросить вас, что же нам делать, если только это не божье возмездие, которого уж точно ни одному смертному не избежать.

Армитейдж понял, что пришло время действовать, и твердо заявил испуганным фермерам:

– Нам, ребята, надо идти за ним. – Он старался, чтобы его голос звучал по возможности уверенно. – Думаю, у нас есть шанс извести его. Вы знаете, что Уэйтли были колдунами... Так что это чудовище – результат их колдовства, и убить его можно тоже только колдовством. Я читал дневник Уилбера Уэйтли и еще некоторые из тех страшных старых книг, которые он тоже читал, и мне кажется, я знаю, каким заклинанием можно заставить его уйти. Конечно, мы не можем быть до конца уверены, но почему бы нам не попытаться? Чудовище невидимо... Я так и думал... но у нас в распылителе есть порошок, от которого он сразу нам покажется. Мы его используем потом. Это чудовище ужасное, но останься Уилбер жив, оно было бы еще ужаснее. Вы даже не представляете, какой опасности избежала земля. Пока мы должны сразиться всего

лишь с одним чудовищем, и оно никак не может размножиться. Однако оно может причинить нам много вреда, поэтому нельзя медлить ни минуты.

Надо идти к нему... И сначала мы пойдем к разрушенному дому. Показывайте дорогу... Я не знаю, как тут у вас, но мне кажется, должен быть короткий путь. Правильно?

Мужчины поколебались некоторое время, и Эрл Сойер, тыча грязным пальцем в утихающий дождь, тихо сказал:

– Самое быстрое – это пересечь нижний луг, перейти ручей, потом подняться вверх по лесу. Вы выйдете на верхнюю дорогу, а там дом Сета совсем рядом... чуть в сторону.

Армитейдж вместе с Райсом и Морганом зашагали в указанном направлении, и за ними медленно последовали мужчины Данвича. Небо просветлело, и было очевидно, что гроза заканчивается. Когда Армитейдж случайно повернул не в ту сторону, Джо Осборн окликнул его, а потом сам пошел вперед. Побеждали смелость и уверенность в себе, хотя почти отвесный лесистый склон и фантастические старые деревья, между которыми пришлось пробираться, словно по крутой лестнице, устроили людям жестокую проверку.

Что бы там ни было, но когда они выбрались на раскисшую дорогу, на небе показалось солнышко. Дом Сета Бишопа был уже близко, о чем говорили поваленные деревья и непонятные, но уже известные следы. Еще несколько минут, и они подошли к развалинам. Все было как с Фраями. Ни живых, ни мертвых среди балок и досок дома и сараев. Никто не хотел задерживаться тут, среди липких вонючих следов, и мужчины, не раздумывая, повернули к цепи отвратительных следов, которая вела к развалинам Уэйтли и дальше к Сторожевой горе.

Проходя мимо фермы Уилбера Уэйтли, все заметно содрогнулись и засомневались в своих силах. Дело нешуточное разрушить такой большой дом, и хотя того, кто это сделал, не видно, власть у него дьявольская. Возле Сторожевой горы следы сошли с дороги и появилась новая полоса поваленных деревьев, в точности такая же, как прежняя, что отмечала путь чудовища на вершину и обратно вниз.

Армитейдж достал довольно сильный карманный бинокль и навел его на крутой зеленый склон. Вскоре он передал его Моргану, у которого зрение было получше. Морган стал смотреть в него и вдруг, вскрикнув, отдал бинокль Эрлу Сойеру, показывая пальцем на какую-то точку вдали. Подобно всем людям, непривычным к подобным инструментам, Сойер замешкался, но в конце концов с помощью Армитейджа отфокусировал линзы и тотчас закричал не хуже Моргана:

– Боже всемилостивейший, трава и кусты движутся! Оно идет наверх... медленно... ползет... почти на вершине сейчас, один бог знает зачем!

Паника охватила присутствующих. Одно дело – преследовать нечто безымянное, но совсем другое дело – найти его. Заклятия должны сработать... а если нет? Данвичцы принялись расспрашивать Армитейджа, что он знает о чудовище, но его ответы никого не успокоили. В непосредственной близости других фаз Природы и совершенно немыслимого существа все ощущали себя вне разумного опыта человечества.

Х

В конце концов трое ученых из Аркхема – старый, с белой бородой доктор Армитейдж, коренастый, с проседью профессор Райс и моложавый доктор Морган – отправились на гору одни. После довольно долгого и терпеливого объяснения, как настраивать бинокль и как им пользоваться, они отдали его испуганным данвичцам, оставшимся стоять на дороге, а сами полезли наверх под неотступным присмотром увеличительных стекол.

Дорога оказалась нелегкой, и Армитейдж мог одолевать ее только с помощью своих коллег. Высоко над головами смельчаков волновалось большое болото, по мере того как его

дьявольский создатель с медлительностью улитки продвигался вперед. Было совершенно очевидно, что преследователи его догоняли.

Когда маленькая группа круто свернула с пути, бинокль был в руках Куртиса Уэйтли – из неугасающих Уэйтли. Он сказал остальным, что ученые люди, видимо, хотят залезть на соседнюю вершину, которая возвышалась над болотистой полосой довольно далеко от того места, где были последние поломанные кусты. Так это и оказалось. На глазах данвичцев они одолели небольшой подъем чуть-чуть позже невидимого чудовища.

Потом Уэсли Кори, который смотрел в бинокль, закричал, что Армитейдж достал распылитель и теперь надо ждать результата. Мужчины переглянулись и зашевелились, вспомнив, что невидимое чудовище должно стать ненадолго видимым. Двое или трое закрыли глаза, но только не Куртис Уэйтли, который вернул себе бинокль и торопливо настроил его. Он увидел, что у Райса, так как ученые оказались выше чудовища и позади него, появилась отличная возможность с наибольшей отдачей использовать свой распылитель.

Те, у которых бинокля не было, разглядели лишь неожиданно появившееся серое облако – с дом средних размеров – возле самой вершины. Тут Куртис с отчаянным криком уронил бинокль в грязь, в которой они утопали по колено. Он весь скорчился и упал бы, не поддержи его двое или трое мужчин.

– Ох, ох, всемогущий боже... *это... это...*

Все обрушились на него с вопросами, и лишь Генри Уилер нагнулся за биноклем, поднял его и насухо вытер. Куртис никак не мог прийти в себя, и даже отрывочные пояснения давались ему с трудом:

– Оно больше сарая... все из перекрученных веревок... похоже как будто на куриное яйцо, но такое большое... и ноги, ноги похожи на щупальца... они наполовину исчезают. Когда оно идет... в нем нет ничего твердого... похоже на желе с веревками... и всюду огромные выпученные глаза... десять или двадцать ртов или трубок со всех сторон... они большие, как дымоходы, и все время открываются и закрываются... серые с синими и красными кругами... *а еще, боже всемогущий, наверху у него пол-лица!*

Это последнее почему-то особенно сильно поразило беднягу Куртиса, и он лишился чувств, ничего больше не сказав. Фред Фарр и Билл Хатчинс оттащили его на обочину и уложили на сырую траву. Генри Уилер, весь дрожа, навел бинокль на гору. Он увидел три крошечные фигурки, бежавшие что было мочи на вершину. И все... Больше ничего не было. Неожиданно все обратили внимание на шум в лошине и в кустах на Сторожевой горе. Это подали голос козодои, и в их быстро крепнущем хоре слышалось напряженное и недоброе ожидание.

Бинокль взял Эрл Сойер и сообщил, что три человека стоят на самом верху, на одном уровне с алтарным камнем, но не рядом с ним. Один человек, говорил он, через определенные промежутки времени вздымает руки над головой, и, когда он это говорил, данвичцы слышали негромкое пение вдалеке, сопровождавшее движения рук. Причудливая фигурка на вершине горы наверняка представляла собой нелепое и внушительное зрелище, однако ни один из смотревших не был в состоянии оценить эстетическую сторону действия.

– Верно, он творит заклинание, – прошептал Уилер, поднося бинокль к глазам.

Козодои надрывались от крика, однако ритм их воплей не совпадал с тем, что происходило на глазах данвичцев.

Неожиданно потемнело, хотя ни туч, ни облаков видно не было. Это странное явление заметили все данвичцы. Внутри гор начал нарастать ропот, который непонятным образом смешивался с ропотом, который шел от неба. Сверкнула молния, и ничего не понимающие люди напрасно искали приметы бури. Ученые из Аркхема пели все громче, и Уилер увидел в бинокль, что теперь они все в определенном ритме вздымали руки к небу. С какой-то отдаленной фермы доносился отчаянный лай собак.

Тьма становилась все гуще, и данвичцы с удивлением посмотрели на небо, яркая голубизна которого, сгущаясь до черноты, давила на гудящие горы. Потом опять сверкнула молния, еще ярче, чем раньше, и данвичцы увидели в ее свете туман над алтарным камнем. В ту минуту, правда, никто не смотрел в бинокль. Козодои продолжали кричать через неравные промежутки времени, и всем было ясно, что грядет нечто страшное, пока еще таящееся в воздухе.

Неожиданно они услышали глубокие хриловато-надтреснутые звуки, которые никогда не сотрутся из памяти слышавших их. Эти звуки не могли быть человеческими, потому что человеческое горло не в силах издать ничего подобного. Можно было бы подумать, что они выходят из подземелья, если бы они не рождались, как все безошибочно определили, на алтарном камне на вершине горы. Впрочем, *звуками* это назвать было нельзя, потому что они страшным инфрабасовым голосом зывали к самым дальним тайникам сознания и страха, а не к уху, и все же иначе их не назовешь, поскольку они совершенно определенно слагались в полупонятные *слова*. Они были громкими... громче, чем грохот и гром, сквозь которые прорывались... но исходили они от невидимого существа. А так как воображение всегда может подсказать соответствующий источник из мира невидимых существ, то люди, которые и так жались друг к другу, встали еще теснее и замерли, словно в ожидании удара.

– Игнаайих... игнаайих... поду'нгха... Йог-Сотот... – разносилось в воздухе громкое карканье. – Т'бдмш... в'яая – н'гркл'лх...

На этом месте речь изменила существу, словно оно переживало тяжелое психическое давление. Генри Уилер схватился за бинокль, однако увидел только три нелепые человеческие фигурки, которые нелепо и торопливо махали руками, продолжая свое заклинание и уже почти доведя его до кульминации. Из каких черных колодцев адского страха, из каких немеренных бездн внекосмического сознания или непонятной, долго ждавшей своего часа наследственности доносились эти полупонятные громовые раскаты? Но вот они набрали новую силу и теперь звучали еще страшнее, яснее и неистовее.

– Э-я-я-я-яздеее – е'яаяаяааа... нг'ааааа... нг'ааа... де'тыы... де'тыы... ПОМОГИ! ПОМОГИ!.. от-от-от-ОТЕЦ! ОТЕЦ! ЙОГ-СОТОТ!..

И всё. Мертвенно-бледных данвичцев на дороге шатало от *абсолютно английских* слов, которые тяжело падали на них из обезумевшей пустоты возле ужасного алтарного камня и которые они слышали в первый и последний раз. Они подпрыгнули, едва раздался ответный оглушительный грохот, едва не расколовший каменные горы. Никто не понял, с неба он или из-под земли. Одна-единственная раздвоенная молния полыхнула из фиолетового зенита на алтарный камень, и большая невидимая волна необыкновенной силы, оставляющая позади себя неопишемую вонь, окатила с горы всю местность кругом. Она с яростью хлестала деревья, траву, кусты и едва не сбила с ног испуганных и полузадохнувшихся людей у подножия горы. Вовсю залаяли вдалеке собаки, зеленая трава и листья стали невиданного нездорового желто-серого цвета, и на поле и лес посыпались трупы гибнущих козодоев.

Вонь скоро выветрилась, однако овощи и сейчас плохо растут в тех местах. До наших дней есть что-то странное и нечестивое на горе и возле нее. Куртис Уилер только тогда вновь пришел в себя, когда ученые из Аркхема не торопясь спустились с горы в лучах солнца, вновь ярко осветившего все кругом. Серьезные и молчаливые, они были потрясены своими видениями, еще более ужасными, чем те, которые приводили в содрогание ожидавших внизу жителей Данвича. На все вопросы они лишь качали головой, не скрыв лишь самое главное.

– Оно навсегда исчезло, – сказал Армитейдж. – Стало тем, чем было раньше, и больше его никогда не будет. В нормальном мире такое невозможно. Оно никак не соответствовало нашим земным понятиям. Похоже было на своего отца... и большая его часть ушла к отцу в какую-то запредельную реальность или неведомое нам измерение вне нашего материального мира, откуда его ненадолго призвали с помощью самых злых заклинаний, какие только известны нечестивым богохульникам.

Все молчали, и как раз в это время чувства начали возвращаться к Куртису Уилеру, так что он обхватил руками голову и застонал. Он вспомнил то, что так его потрясло, и вновь его охватил ужас.

– Ой, ой, господи, пол-лица... всего пол-лица сверху... пол-лица с красными глазами и белыми, как у альбиноса, волосами, и со срезанным, как у всех Уэйтли, подбородком... Самото похоже на спрута, на сороконожку, на паука, а половина лица у него человеческая и в точности как у колдуна Уэйтли, разве лишь большая, во много ярдов...

Он затих, не имея сил продолжать, тогда как все данвичцы во все глаза смотрели на него в изумлении, которое вполне могло опять стать страхом. И тогда заговорил старик Зебулон Уэйтли, еще помнивший кое-что из старины и до сих пор не открывавший рта.

– Пятнадцать лет назад, – невпопад проговорил он, – я слышал, как старик Уэйтли обещал, что когда-нибудь сын Лавинии назовет имя своего отца на вершине Сторожевой горы...

Его перебил Джо Осборн, чтобы вновь обратиться к ученым мужам из Аркхема:

– *Что же это все-таки было* и как колдуну Уэйтли удалось вызвать это на Землю?

Армитейдж тщательно подбирал слова:

– Это было... Это было большей частью то, что не принадлежит нашему миру. Оно живет, действует и формируется по другим законам, нежели предписывает наша Природа. Незачем нам вызывать эти силы извне, но дурные люди и дурные секты никак не могут остановиться. Сам Уилбер Уэйтли тоже был таким отчасти... но вполне достаточно, чтобы стать дьяволом и скороспелым чудовищем и уйти, представляя собой ужасное зрелище. Я сожгу его проклятый дневник, а вы поступите дальновидно, если взорвете динамитом здешний алтарный камень и разобьете каменные колонны на других горах. Они привлекают к себе существа, которых так любили Уэйтли... те самые существа, что в любой момент могут уничтожить человечество и утащить Землю в какое-нибудь неизвестное место для неизвестных целей.

Что же до того, – продолжал Армитейдж, – которого мы только что отослали обратно... Уэйтли вырастили его для самого страшного. Оно быстро росло по той же причине, по которой быстро рос Уилбер... но оно превзошло его, потому что в нем было больше *неземного*. Не надо спрашивать, как Уилбер вызвал его извне. Он его не вызывал. *Это был его брат-близнец, но только он больше походил на своего отца.*

1929

Шепчущий из тьмы

I

Запомните накрепко: в последний момент никакого зримого ужаса я не увидел. И сказать, будто окончательный вывод я сделал в состоянии психологического шока – последней соломинки, заставившей меня среди ночи спешно покинуть уединенную ферму Эйкли и помчаться в его автомобиле по безлюдной дороге меж округлых холмов Вермонта, – значит игнорировать элементарные факты. Невзирая на все серьезные вещи, которые я увидел и услышал, невзирая на всю наглядность впечатления, произведенного на меня этими тварями, я даже теперь не могу в точности сказать, прав я был или нет, придя к ужасающему умозаключению. Ведь, в конце концов, исчезновение Эйкли ни о чем не говорит. В его доме не нашли ничего подозрительного, за исключением следов от пуль, продырявивших стены снаружи и внутри. Можно было подумать, что он просто вышел на прогулку по окрестным горам и не вернулся. Ничто не указывало на то, что в доме побывали некие гости, и в его кабинете не нашли тех жутких металлических цилиндров и машин. А в том, что высокие лесистые горы и бесконечный лабиринт журчащих ручьев, среди которых он родился и вырос, внушали ему смертельный ужас, тоже нет ничего необычного; ведь тысячи людей подвержены аналогичным болезненным страхам. Странное же поведение, как и обуревавшие его приступы страха, можно легко объяснить эксцентричностью натуры.

События, сыгравшие столь значительную роль в моей жизни, случились во время печально знаменитого Вермонтского наводнения 3 ноября 1927 года. Тогда – как и сейчас – я преподавал литературу в Мискатоникском университете в Аркхеме, штат Массачусетс, и изучал древние поверья Новой Англии. Вскоре после того небывалого в истории наводнения среди множества публикаций в прессе о разрушениях, бытовых тяготах населения и помощи пострадавшим появились и странные сообщения о существах, обнаруженных в речных запрудах; тогда многие мои знакомые пустились с азартом обсуждать эти новости и попросили меня пролить свет на сей предмет. Мне было лестно сознавать, что они столь серьезно относятся к моим штудиям местного фольклора, и я постарался разоблачить те дикие рассказы, которые, как мне представлялось, выросли на почве невежественных деревенских суеверий. Меня немало забавляло, как некоторые весьма образованные люди с полной серьезностью настаивали на том, будто циркулировавшие слухи основывались на фактах – пусть даже искаженных и неверно истолкованных.

Источником небылиц, привлечших мое внимание, были главным образом газетные публикации; впрочем, одну историю, или скорее сплетню, мой приятель узнал из письма матери, жившей в Хардвике, штат Вермонт. В нем описывалось примерно все то же самое, что и в прочих слухах, но речь шла о трех не связанных между собой находках – одна была обнаружена в Уинуски-ривер близ Монпелье, другая – в Вест-ривер в округе Уиндэм за Ньюфаном, а третья – в реке Пассампсик в округе Каледония выше Линдонвилля. Разумеется, разные источники упоминали о множестве находок, но по всему выходило, что они толкуют именно об этих трех. В каждом случае местные жители сообщали о замеченных в бурных водах, что низвергались с пустынных холмов, неких диковинных жутковатых объектах, причем молва связывала эти объекты с циклом тайных и очень древних преданий, о которых ныне помнили лишь немногие старики.

Людам чудилось, будто они видели фрагменты органических существ, не похожих ни на какие доселе им известные. Естественно, в те трагические дни разлившиеся реки выбрасывали на берег тела погибших при наводнении; но очевидцы, описывавшие странные фраг-

менты, уверяли, что это не были человеческие останки, хотя и походили на людей размерами и общими очертаниями. Вместе с тем утверждалось, что эти фрагменты явно не принадлежали ни одному из животных, что водятся в Вермонте. Они были розоватого цвета, длиной около пяти футов; по виду напоминали ракообразных и имели множество пар то ли спинных плавников, то ли перепончатых крыльев и несколько пар членистых конечностей, а иные напоминали спиралевидный эллипсоид, покрытый множеством крохотных щупальцев – там, где у обычных ракообразных находится голова. Что особенно удивляло – так это точность, с какой совпадали описания из разных источников. С другой стороны, чему тут удивляться? Ведь старинные легенды этого горного края изобиловали живописными подробностями, которые исподволь питали возбужденное воображение так называемых очевидцев и расцветчивали их рассказы. Мой же вывод заключался в том, что очевидцы – а они в каждом случае были наивными и простодушными обитателями провинциальной глуши – замечали в потоках вод изуродованные и вздутые трупы людей и домашних животных; но тем не менее, под влиянием полузабытых местных легенд, приписывали несчастным жертвам наводнения самые фантастические свойства.

Предания старины, туманные, невнятные и большей частью давно забытые нынешним поколением, были весьма необычны и явно отражали влияние еще более древних индейских сказаний. Все это мне было прекрасно известно (хотя никогда до той поры я не бывал в Вермонте) по редчайшей монографии Эли Давенпорта, где описаны устные народные предания, собранные до 1839 года среди долгожителей штата. Эти предания к тому же совпадали с рассказами, которые я лично слышал от стариков в горных селениях Нью-Гэмпшира. Если суммировать все эти рассказы, то в них речь шла о неведомой расе ужасных существ, обитавших в самых отдаленных горных районах – в глухих чащах, на вершинах высоких пиков и в уединенных долинах, где протекают ручьи, берущие начало из неведомых ключей. Этих тварей редко когда удавалось увидеть воочию, и свидетельства их существования передавались теми, кто некогда отважился зайти на самые дальние склоны гор или спуститься в глубокие горные ущелья, которых избегали даже волки.

На илистых берегах тамошних ручьев и на иссохших клочках земли они находили диковинные отпечатки лап и клешней, а также выложенные из камней таинственные круги с вытоптанной по диаметру травой, которые явно не были созданы природой. А на склонах гор обнаруживались диковинные пещеры неведомой глубины, заваленные – отнюдь не случайно! – гигантскими валунами, и множество следов, ведущих как внутрь пещер, так и прочь от них – если, конечно, направление следов было верно определено. Но хуже того, там были найдены предметы, на которые даже самым безрассудным следопытам редко когда удавалось наткнуться в сумеречных долинах и в непроходимых чащах мачтового леса, далеко за границами областей, обычно посещаемых путешественниками.

Все это вызывало бы куда меньшую тревогу, если бы отрывочные рассказы об этих предметах не были столь похожи. А так сложилось, что почти все местные байки сходились в ряде важных подробностей: очевидцы уверяли, будто эти существа напоминают гигантских алых крабов с множеством пар лап и с парой огромных крыльев, точно у летучей мыши, посередине спины. Иногда существа передвигались на всех конечностях, но иногда лишь на паре задних лап, используя остальные для переноски крупных предметов неясного назначения. Кто-то однажды наблюдал целую их стаю значительной численности, которая организовано передвигалась по обмелевшей речушке стройными колоннами по трое в ряд. Как-то этих тварей видели в полете – они взмыли с вершины одинокой голой скалы ночью и исчезли в вышине, шумно махая огромными крыльями и на миг заслонив яркий диск луны.

Похоже, горным чудовищам не было дела до людей, хотя их кознями объясняли загадочные исчезновения поселенцев – особенно тех, кто намеренно строил дома слишком близко к печально известным долинам или слишком высоко на склонах печально известных гор. Мно-

гие места в тех краях считались нежелательными для поселения, причем даже и после того, как повод для этого общераспространенного опасения давно позабылся. На иные окрестные горы люди смотрели с содроганием, хотя никто уже и не помнил, сколько поселенцев пропало в горных лесах и сколько домов сгорело дотла у подножия этих угрюмых зеленых часовых.

Согласно самым ранним легендам, жуткие твари нападали лишь на тех, кто осмеливался нарушать пределы их владений, но вот более поздние поверья рассказывали о том, что они выказывали любопытство в отношении людей и даже высылали тайные отряды слежения за поселенцами. Известны также рассказы о странных отпечатках когтей, что находили по утрам на оконных рамах фермерских домов, а также об исчезновении людей вдали от всем известных опасных мест. И еще рассказывали о странных жужжащих голосах, явно копирующих человеческую речь, которые делали ужасающие предложения одиноким путникам на тропинках или проезжих дорогах в лесных чащах, и о детишках, насмерть перепуганных увиденным или услышанным в тех местах, где вековые леса вплотную подступали к их жилищам. И наконец, в преданиях совсем недавнего прошлого – когда все прежние суеверия уже стерлись из памяти и люди вовсе перестали посещать те заповедные места – фигурируют ужасные истории об отшельниках и обитателях уединенных ферм, которые внезапно подвинулись рассудком и будто бы продали душу богомерзким тварям. А в одном из северо-восточных округов в самом начале XIX века возникло даже поветрие обвинять эксцентричных и нелюдимых затворников в том, что они-де заключили союз с отвратительными тварями или стали их посланцами в нашем мире.

Что же до самих тварей, то тут описания, понятное дело, разнились. Обыкновенно их называли «те самые» или «те древние», хотя в разных местах бытовали и другие термины, но они не смогли закрепиться надолго. Возможно, многие поселенцы-пуритане считали их порождением дьявола и на этом основании пускались истово строить теологические спекуляции. Те же, в чьих жилах текла кельтская кровь – а таковыми были нью-гэмпширские потомки шотландцев и ирландцев и их сородичи, прибывшие в Вермонт осваивать дарованные губернатором Уэнтвортом земли, – связывали этих тварей со злыми духами или болотным «малым народцем» и оберегали себя от их козней заговорами, передававшимися из поколения в поколение. Но самые фантастические домыслы на их счет распространяли местные индейцы. При всем различии древних сказаний у разных индейских племен они совпадали в некоторых важнейших деталях. Так, существовало единодушное мнение, что эти твари – порождение не земного мира. В изобилующих живописными подробностями мифах пеннакуков рассказывается, что Крылатые прилетели с неба, с Большой Медведицы, и вырыли в земных горах глубокие шахты, где они добывают особые минералы, которых не найти нигде в других мирах. Они вовсе не поселились на Земле, говорят нам мифы, а просто выставили тут временные форпосты и регулярно летают к своим звездам в северной части неба с грузом добытых минералов. И уничтожают они лишь тех земных жителей, которые подбираются к ним чересчур близко или пытаются их выслеживать. Дикие звери сторонятся их из природного инстинкта, а не потому, что твари на них охотятся. Питаться земными растениями и животными Пришлые не могут, поэтому они принесли с собой свою пищу с далеких звезд. Подходить к их колониям опасно – вот почему молодые охотники, забредавшие в облюбованные тварями горы, пропадали навсегда. Столь же опасно вслушиваться в их ночное перешептывание в лесах, когда они жужжат точно пчелы, пытаясь подражать человеческой речи. Им ведом язык всех людей – пеннакуков, гуронов, пяти ирокезских племен, – но у них самих, похоже, нет своего языка, да они в нем и не нуждаются. Они переговариваются, меняя цвет головы, что и служит им для передачи осмысленных сообщений.

Разумеется, все легенды и предания, как индейские, так и белых поселенцев, в течение девятнадцатого века почти полностью забылись, лишь местами сохраняясь в форме древних суеверий. После того как жители Вермонта прочно обосновались на земле и начали строить

дороги и поселения по четкому плану, они все реже вспоминали о старинных страхах и запретах, в угоду которым эти планы составлялись. Большинство фермеров просто знали, что такие горные районы издавна считаются опасными, невыгодными для освоения или непригодными для проживания, и чем дальше от них держаться, тем лучше. Со временем вошедшие в привычку обычаи и соображения экономической выгоды столь глубоко укоренились, что поселенцам более не было смысла выходить за границы своих мест обитания, а запретные горы так и остались необитаемыми – скорее волею случая, нежели по умыслу. И за исключением нечастых вспышек панических страхов в тех местах, лишь суеверные старухи да девятистолетние деды, вспоминая свою юность, судачили о тварях, обитающих в дальних горах; но даже пересказывая шепотом древние предания, рассказчики соглашались, что теперь нечего бояться тварей, ведь они давно смирились с присутствием ферм и поселков, коли люди раз и навсегда оставили их в покое, не посягая на выбранные ими для обитания места.

Все это мне давно было известно из книг и устных преданий, собранных мною в Нью-Гэмпшире; вот почему, когда после наводнения появились все эти нелепые слухи, я легко догадался, на какой благодатной почве они возникли. Мне стоило немалых усилий объяснить все это моим друзьям, и меня соответственно позабавило, когда некоторые особенно задиристые спорщики продолжали настаивать, будто во всех этих нелепых сообщениях содержится изрядная доля истины. Эти упрямы указывали на то, что все древние предания объединяет сходство общей канвы событий и деталей и что было бы крайне глупо безапелляционно судить о таинственных обитателях малоизученной вермонтской глухомани. Их сомнения не могли развеять даже мои заверения, что все мифы повторяют хорошо известную, общую для всего человечества сюжетную структуру и что они возникли на ранних стадиях творческой деятельности человека и отражают одинаковые заблуждения.

Было бесполезно доказывать таким оппонентам, что в сущности вермонтские мифы мало чем отличаются от универсальных легенд о персонификации природных явлений, благодаря которым Древний мир населяли фавны, дриады и сатиры, а уже в современной Греции возникли легенды о калликанзарах, а в древнем Уэльсе и Ирландии – предания о троглодитах и землероях, жутких существах, обитающих глубоко под землей. И было бесполезно ссылаться на удивительно схожую веру народов горного Непала в ужасного Ми-го или «мерзких снежных людей», что бродят по ледникам Гималайских хребтов. Когда я сослался на эти факты, мои оппоненты обратили их против меня, увидев в них намек на историческую достоверность старинных преданий и лишний аргумент в пользу реального существования диковинной расы древних обитателей Земли, вынужденных прятаться от господствующего на планете *homo sapiens* и, с большой долей вероятности, кое-где доживших до относительно недавних времен – а то и существующих по сей день.

И чем больше я поднимал на смех теории моих друзей, тем с большим упорством они настаивали на их истинности, добавляя, что даже без влияния древних мифов недавние сообщения слишком недвусмысленны, подробны и объективны, чтобы от них можно было просто отмахнуться. Два-три самых отъявленных фанатика сослались на древние индейские сказания, в которых говорилось о внеземном происхождении таинственных тварей, и цитировали экстравагантные писания Чарльза Форта, уверявшего, будто посланцы иных миров из глубин космоса частенько посещали нашу Землю в прошлом. Большинство же моих противников, однако, были всего лишь романтиками, упрямо пытавшимися пересадить на реальную почву фантастические вымыслы о таинственном «малом народце», которые популяризовал блистательный мастер литературы ужасов Артур Мейчен.

II

Естественным образом так получилось, что наши острые дебаты в конце концов были опубликованы в форме писем, направленных в редакцию «Аркхем эдвертайзер»; кое-какие из них были затем перепечатаны в газетах тех районов Вермонта, где и возникли фантастические рассказы в связи с недавним наводнением. «Ратлэнд геральд» посвятила половину полосы выдержкам из писем с обеих сторон, в то время как «Братлборо реформер» полностью перепечатало мой обширный историко-мифологический обзор, пронизательно снабдив публикацию глубокомысленным комментарием своего обозревателя, пишущего под псевдонимом Пендрифтер, который целиком и полностью поддержал и одобрил мои скептические выводы. К весне 1928 года я стал в Вермонте чуть ли не местной знаменитостью, притом что никогда не посещал этот штат. Вот тогда-то я и начал получать от Генри Эйкли письма с опровержениями моих взглядов, которые произвели на меня глубокое впечатление и вынудили в первый – и последний – раз в жизни посетить этот удивительный край безмолвных зеленых гор и говорливых лесных ручьев.

Многое из моих сведений о Генри Уэнтворте Эйкли было почерпнуто из переписки с его соседями и его единственным сыном, проживающим в Калифорнии, уже после моего посещения его уединенной фермы. Он был, как я выяснил, последним представителем старинного и уважаемого во всей округе семейства юристов, администраторов и землевладельцев. Однако именно на нем древний род резко уклонился от практических занятий в сторону чистой науки, и он многие годы посвятил изучению математики, астрономии, биологии, антропологии и фольклора в Вермонтском университете. До той поры я никогда не слышал его имени, и он не слишком щедро делился автобиографическими подробностями в письмах, но из них мне сразу стало ясно, что это человек большого ума и эрудиции, с сильным характером, давно уже живущий затворником и посему мало искушенный в обычных житейских делах.

Несмотря на всю фантастичность высказанных Эйкли идей, я с самого начала отнесся к нему куда более серьезно, чем к кому-либо из иных своих оппонентов. Во-первых, он, похоже, и впрямь сталкивался с конкретными явлениями – зримыми и осязаемыми, – о которых он высказывался в столь фантастической манере; а во-вторых, его отличало подкупающее стремление облекать свои умозаключения в форму предположений и гипотез, как и подобает истинному ученому мужу. Он не старался убедить меня в чем-либо и в своих выводах основывался исключительно на том, что считал неопровержимым свидетельством. Разумеется, первым моим побуждением было объявить его гипотезы ошибочными, но при всем том я не мог не отдать должное его уму и эрудиции. И я никогда не был склонен, в отличие от его знакомых, объяснять взгляды Эйкли, равно как и его безотчетный страх перед безлюдными лесистыми горами вокруг его фермы, безумием. Я убедился, сколь неординарной личностью был этот человек, и понимал, что излагаемые им факты, безусловно, порождены весьма странными и требующими изучения обстоятельствами, – пусть даже они и не вызваны теми фантастическими причинами, на которые он ссыался. Позднее я получил от него и вещественные доказательства, в свете которых все изложенное им сразу предстало в ином, пугающе-странном виде.

Я не могу придумать ничего лучше, нежели полностью пересказать, насколько это возможно, длинное письмо, в котором Эйкли поведал кое-что о своей жизни и которое сыграло поворотную роль в моей интеллектуальной биографии. Я более не располагаю этим письмом, но в моей памяти запечатлелось буквально каждое слово; и я вновь хочу подтвердить, что не сомневаюсь в душевном здоровье его автора. Вот это письмо – дошедший до меня текст, замечу, был написан несколько старомодными затейливыми каракулями, что вполне соответствовало образу ученого отшельника, почти не поддерживающего связей с внешним миром.

п/я № 2

д. Тауниенд, округ Уиндхэм, Вермонт.

5 мая 1928 года

Альберту Н. Уилмарту, эск.,

Солтонстолл-ст., 118,

Аркхэм, Масс.

Уважаемый сэр,

я с большим интересом прочитал в «Братлборо реформер» (от 23 апреля 1928 г.) перепечатку Вашего письма касательно недавних сообщений о странных телах, замеченных в наших реках во время наводнения прошлой осенью, и о любопытных народных преданиях, с которыми они столь детально совпадают. Легко понять, почему у чужака возникла высказанная Вами точка зрения и по какой причине м-р Пендрифтер с Вами согласился. Подобной позиции обыкновенно придерживаются образованные люди как в самом Вермонте, так и за его границами, таковой была и моя собственная позиция в юности (сейчас мне 57 лет), задолго до того, как научные изыскания общего характера и изучение книги Давенпорта заставили меня обратиться к исследованию некоторых здешних гор, куда никто не осмеливается заходить.

На эти исследования меня натолкнули странные древние сказания, которые я слышал от престарелых фермеров, не отличавшихся ученостью, но теперь я убежден, что было бы лучше, если бы я не брался за эти изыскания вовсе. Должен сказать, со всем должным смирением, что антропология и фольклор не чужды моим интересам. Я много занимался этими предметами в колледже и хорошо знаком с трудами признанных корифеев в данной области – таких, как Тайлор, Лаббок, Фрэзер, Катрфаж, Мюррей, Осборн, Кит, Буль, Дж. Эллиот Смит и т. д. Мне отнюдь не в новинку, что предания о скрывающихся расах стары как человечество. Я читал перепечатки Ваших писем, а также и тех, кто с Вами согласен, в «Ратленд геральд», и, пожалуй, понимаю, в чем суть Вашего диспута.

Пока же я спешу заявить, что Ваши противники, боюсь, скорее более правы, нежели Вы, хотя, как представляется, здравый смысл на Вашей стороне. Они даже более правы, нежели сами это осознают, – ибо, разумеется, они руководствуются лишь теорией и не могут знать того, что известно мне. Если бы мои познания в данном предмете были столь же ничтожны, я ни за что не поддержал бы их точку зрения. И был бы целиком на Вашей стороне.

Как видите, мне весьма непросто перейти к предмету моего письма, вероятно, потому, что меня страшит этот предмет, но дело в том, что я располагаю определенными свидетельствами о жутких лесных тварях, обитающих в горах, где никто не осмеливается ходить. Сам я не видел останки тварей, замеченных после наводнения, как о том писали в газетах, но я лично встречал подобных тварей при обстоятельствах, говорить о коих мне просто страшно. Я видел их следы, которые в последнее время стали появляться в непосредственной близости от моего дома (я живу на старой ферме Эйкли, южнее деревни Тауниенд, на склоне Темной горы). Несколько раз в лесу я слышал голоса, которые не осмелился бы даже вкратце описать.

В одном месте я слышал их настолько долго, что даже записал их с помощью фонографа и диктофона на восковый валик – постараюсь

прислать Вам сделанную мной запись. Я воспроизвел эту запись на аппарате и дал ее послушать нашим старикам, и их буквально парализовал страх, когда они услышали один из голосов, очень похожий на тот, о котором в детстве им рассказывали бабушки и даже пытались имитировать (о таком же жужжащем голосе в лесу упоминает Давенпорт). Я знаю, как большинство обывателей относится к человеку, который будто бы «слышал голоса», – но прежде чем сделать свой вывод, просто прослушайте мою запись и поинтересуйтесь у кого-нибудь из сельских стариков, что они об этом думают. Если Вы сможете найти этому нормальное объяснение, очень хорошо; но за этим стоит нечто неведомое. Ибо, как Вы сами знаете: *Ex nihilo nihil fit*¹⁴.

Итак, цель моего письма не в том, чтобы затеять с Вами спор, но предоставить Вам информацию, которую, я полагаю, человек Вашего склада сочтет весьма и весьма интересной. Но это в приватном порядке. Публично же я на Вашей стороне, ибо, как свидетельствует ряд вещей, людям нет нужды знать слишком много об этом деле. Мои собственные исследования носят сугубо частный характер, и я бы не стал делать какие-либо заявления, могущие привлечь внимание широкой публики и побудить людей к посещению обследованных мною мест. Но правда – ужасная правда – в том, что за нами постоянно наблюдают существа внеземного происхождения, чьи шпионы из числа людей собирают о нас сведения. От одного несчастного человека, который являлся таким шпионом (так он сам утверждал, и я не вижу причин ему не верить), я почерпнул большую часть разгадки этой тайны. Потом он покончил с собой, но у меня есть основания полагать, что, помимо него, есть еще и другие.

Эти твари прибыли с другой планеты, они способны жить в межзвездном пространстве и перемещаться в эфире с помощью неуклюжих, но весьма мощных крыльев; ими довольно трудно управлять, вот почему эти крылья практически бесполезны для полетов в земной атмосфере. Я остановлюсь на этом подробнее чуть позже, если Вы не сочтете меня безумцем, недостойным Вашего внимания. Они прилетают к нам ради добычи металлов в глубоких горных шахтах, и, мне кажется, я знаю, откуда они родом. Они не причинят нам вреда, если мы оставим их в покое, но никто не может предсказать, что произойдет, если мы будем проявлять слишком большое любопытство. Разумеется, армия вооруженных людей могла бы стереть с лица земли их горную колонию. Вот этого они и опасаются. Но если так случится, из космоса сюда прилетят их бесчисленные полчища. Они с легкостью смогут завоевать Землю и до сих пор не пытались этого сделать только потому, что это им не нужно. Они скорее оставят все как есть – лишь бы не предпринимать лишних усилий.

Я думаю, они хотят избавиться от меня – из-за моих открытий. В лесу на Круглом холме, что к югу отсюда, я нашел большой черный камень, покрытый полустертыми загадочными иероглифами; и после того, как я принес его домой, все изменилось. Если твари сочтут, что я узнал о них слишком много, они меня либо убьют, либо утащат с Земли на свою планету. Они имеют обыкновение время от времени похищать кого-нибудь из наших ученых, чтобы оставаться в курсе событий человеческого мира.

¹⁴ Из ничего не возникает ничто (лат.).

Итак, я подошел ко второй цели моего обращения к Вам, а именно: побудить Вас притушить разгоревшийся в прессе спор, а не раздувать его ради более широкой огласки. Местные жители должны держаться подальше от этих гор, и, чтобы отвадить их, нам не следует возбуждать любопытство публики. Бог свидетель, местных жителей и так подстерегает масса иных опасностей, исходящих от предпринимателей и торговцев недвижимостью, наводнивших Вермонт, и от орд дачников, спешащих захватить свободные участки земли и застроить горные склоны дешевыми коттеджами.

Буду рад получить от Вас ответ и попытаюсь отправить Вам экспресс-почтой фонографический валик с записью и черный камень (надписи на нем настолько стерты, что никакая фотография их не передаст), если Вы соизволите проявить свой интерес. Я говорю «попытаюсь», ибо думаю, что эти мерзкие твари способны вмешиваться в ход событий. Есть тут у нас один тип по имени Браун, угрюмый и скрытный, он живет на ферме неподалеку от нашей деревни... Так вот, я полагаю, что он их шпион. Мало-помалу твари стараются пресечь все мои связи с внешним окружением, потому что я слишком много узнал об их мире.

Они ухитряются разными способами выведывать все, чем я занимаюсь. Это письмо, возможно, даже не попадет к Вам в руки. Думаю, если ситуация ухудшится, мне придется покинуть родные места и переехать к сыну в Сан-Диего, в Калифорнию, хотя будет очень нелегко покинуть дом, где ты родился и вырос и где прожили шесть поколений твоего рода. К тому же едва ли я осмелюсь продать кому-нибудь дом именно теперь, когда эти твари взяли его на заметку. Вероятно, они попытаются завладеть этим черным камнем и уничтожить фонографическую запись, но я, если смогу, им в этом воспрепятствую. Мои большие сторожевые псы всегда отпугивают тварей, потому как в здешних краях они все еще малочисленны и боятся разгуливать в открытую. Как я уже сказал, их крылья не приспособлены для коротких полетов над землей. Я вплотную подошел к расшифровке иероглифов на камне и надеюсь, что Вы, с Вашими познаниями в области фольклора, поможете мне восполнить недостающие элементы. Полагаю, Вам многое известно о страшных мифах, предшествующих периоду возникновения человека, – в частности, о циклах Йог-Сотота и Ктулху, на которые есть ссылки в «Некрономиконе». Как-то я держал в руках эту книгу, и, как я слышал, у Вас в университетской библиотеке хранится под замком один ее экземпляр.

В заключение, мистер Уилмарт, хочу выразить убеждение, что с багажом наших знаний мы можем оказаться весьма полезными друг другу. Я вовсе не желаю, чтобы Вы каким-то образом пострадали, и должен Вас предупредить, что обладание камнем и записью представляет опасность; но я уверен, что Вы сочтете любой риск во имя знания оправданным. Я поеду в Ньюфан или Братлборо, чтобы отправить Вам все, что Вы сочтете желательным, так как тамошняя почтовая служба заслуживает больше доверия, чем наша. Должен заметить, что теперь я живу в совершенном одиночестве, ибо никто из местных не хочет наниматься ко мне на ферму. Они боятся тварей, которые по ночам подбираются близко к дому, заставляя моих псов беспрестанно лаять. Мне остается радоваться, что я не увлекся всеми этими вещами еще при жизни моей жены, ибо все это свело бы ее с ума.

С надеждой, что Вы не сочтете меня чересчур назойливым и захотите связаться со мной, а не выбросите это письмо в мусорную корзину, сочтя его бредом сумасшедшего, остаюсь

искренне Ваш,

Генри У. Эйкли.

Р. С. Я собираюсь сделать дополнительные отпечатки некоторых фотографий, которые, надеюсь, помогут проиллюстрировать ряд моих утверждений. Местные старики находят их отвратительными, но правдоподобными. Я их незамедлительно вышлю, если Вам интересно.

Г. У. Э.

Трудно описать чувства, охватившие меня при первом прочтении этого странного документа. По здравом размышлении подобные экстравагантные излияния должны были рассмешить меня куда сильнее, чем значительно более безобидные измышления простаков, ранее вызвавшие мое бурное веселье. Но что-то в тоне письма заставило меня отнестись к нему, как ни парадоксально, с исключительной серьезностью. Не то чтобы я хоть на секунду поверил в существование загадочных обитателей подземных шахт, прилетевших с далеких звезд, о чем рассуждал мой корреспондент; но, отбросив первые сомнения, я необъяснимым образом поверил в полное здравомыслие и искренность Эйкли, как и в его противостояние с неким реально существующим и весьма загадочным феноменом, который он не мог объяснить никак иначе, кроме как призвав на помощь свое буйное воображение. Все обстояло совсем не так, как ему казалось, размышлял я, но, с другой стороны, эта тайна требовала тщательного расследования. Несомненно, его сильно взволновало и встревожило нечто странное, и едва ли его волнение и тревога были беспричинны. Он был по-своему конкретен и логичен, и, что особенно любопытно, его повесть четко укладывалась в сюжеты древних мифов, в том числе самых невероятных индейских преданий.

Вполне возможно, что он на самом деле слышал в горах пугающие голоса и на самом деле нашел черный камень, но из этого он делал совершенно безумные выводы, вероятно, по наущению человека, которого он счел шпионом космических пришельцев и который позднее покончил с собой. Легко предположить, что этот человек был не в своем уме, но, возможно, в его рассказах простодушный Эйкли обнаружил крупную очевидную, но извращенную логику, заставившей его – уже готового к подобным вещам благодаря многолетнему изучению фольклора – поверить в эти бредни. Что же до последних событий – а именно отказа местных жителей наниматься к нему на работы, – то, видимо, малодушные односельчане Эйкли были в не меньшей степени, чем он, уверены, что его дом по ночам подвергается нашествию жуткой нечисти. И что еще важно: собаки ведь лаяли!

И потом, упоминание про фонограф и записанные на нем голоса – у меня не было оснований не верить, что он сделал подобную запись в горах именно при тех самых обстоятельствах, о коих он мне поведал. Но что это было – то ли звериный вой, ошибочно принятый им за человеческую речь, то ли голос скрывающегося в лесу одичавшего человека? Размышления привели меня к черному камню, испещренному загадочными иероглифами, и я стал ломать голову над тем, что бы это значило. А потом задумался о фотоснимках, которые Эйкли обещал мне переслать и которые его соседи-старики сочли столь устрашающе правдоподобными...

Перечитывая его каракули, я проникался убеждением, что мои доверчивые оппоненты, возможно, имели для своего мнения куда больше оснований, чем мне ранее казалось. В конце концов, странные человекоподобные существа с признаками наследственного вырождения и впрямь могут обитать в безлюдных горах Вермонта, хотя они, конечно, не являются теми рожденными на далеких звездах монстрами, о которых толкуют народные поверья. А если эти твари и впрямь существуют, то тогда находки странных тел в разлившихся реках едва ли можно считать сплошной выдумкой. Не слишком ли самонадеянным было мое предположение, будто

старинные сказания, как и недавние газетные сообщения, очень далеки от реальности? Но даже при возникших у меня сомнениях мне было стыдно сознавать, что пищей для них послужили причудливые фантазии экстравагантного Генри Эйкли.

В конце концов я ему написал, выбрав тон дружелюбной заинтересованности и попросив сообщить мне более подробные детали. Через пару дней пришел ответ. Как Эйкли и обещал, он сопроводил письмо несколькими фотоснимками сцен и предметов, иллюстрирующих его рассказ. Вытащив фотографии из конверта и взглянув на них, я испытал ужас от внезапной близости к запретному знанию; ибо, невзирая на размытость большинства снимков, они источали некую сатанинскую власть внушения, и власть эту лишь усиливал факт их несомненной подлинности – как оптического доказательства реальности запечатленных объектов и как результата объективной передачи странных изображений без предвзятости, искажения или фальши.

Чем дольше я рассматривал фотоснимки, тем более убеждался в том, что моя легковесная оценка личности Эйкли и его рассказа безосновательна. Безусловно, эти изображения служили неоспоримым свидетельством присутствия в горах Вермонта чего-то такого, что явно выходило за пределы наших знаний и верований. Самое жуткое впечатление производила фотография отпечатка лапы – снимок, сделанный в тот момент, когда солнечный луч упал на влажную землю где-то в пустынном высокогорье. Это не было дешевым надувательством – что было ясно с первого взгляда, ибо отчетливо видимые камушки и травинки служили четким ориентиром масштаба изображения и не оставляли возможности для трюка с фотомонтажом. Я назвал изображение отпечатком лапы, но правильнее было бы назвать это отпечатком клешни. Даже сейчас я вряд ли смогу описать его точнее, чем сказать, что след походил на отпечаток гигантской крабьей клешни, причем направление ее движения определить было невозможно. След был не слишком глубоким, не слишком свежим, а размером примерно соответствовал ступне взрослого мужчины. По краям следа располагались отростки, похожие на зубья пилы, чье назначение меня озадачило: я не мог с уверенностью сказать, что этот орган служил для передвижения.

На другой фотографии – явно сделанной с большой выдержкой в густой тени – виднелся вход в лесную пещеру, закрытый огромным валуном. На пустой площадке перед пещерой можно было различить множество странных следов, и, рассмотрев изображение с лупой, я вздрогнул, поняв, что эти следы схожи с отпечатком лапы на первой фотографии. На третьем фотоснимке был запечатлен сложенный из камней круг, напоминающий ритуальные постройки друидов, на вершине поросшего лесом холма. Вокруг загадочного круга трава была сильно вытоптана, хотя никаких следов – даже с помощью лупы – я не обнаружил. О том, что это глухое место находится вдалеке от обжитых районов штата, можно было судить по бескрайним горным грядам на заднем плане, что тянулись далеко к горизонту и тонули в дымке. Но если изображение лапы-клешни вызвало в моей душе некую невнятную тревогу, то крупный черный камень, найденный в лесу на Круглом холме, наводил на определенные мысли. Эйкли сфотографировал камень, лежащий, по-видимому, на его рабочем столе в кабинете, ибо я заметил на заднем плане книжную полку и бюстик Мильтона. Камень, как можно было догадаться, располагался перед объективом вертикально, обратив к зрителю неровную выпуклую поверхность размером примерно один на два фута; но вряд ли в нашем языке найдутся слова для точного описания его поверхности или формы. Каким принципам внеземной геометрии подчинялась рука неведомого резчика – а у меня не было ни малейшего сомнения в искусственном происхождении этого каменного изваяния, – я даже отдаленно не мог предположить. Никогда раньше я не видел ничего подобного: этот диковинный камень, несомненно, имел внеземное происхождение. Мне удалось разобрать немногие из иероглифов на его поверхности, и, всмотревшись в них, я испытал настоящий шок. Конечно, эти письмена могли оказаться чьей-то безобидной шуткой, ведь кроме меня есть немало тех, кто знаком с богопротивными строками «Некрономикона», принадлежащими перу безумного араба Абдула Альхазреда; но тем

не менее я невольно содрогнулся, узнав некоторые идеограммы, – насколько я знал из своих ученых занятий, они имели прямую связь с леденящими кровь кощунственными заклинаниями существ, пребывавших в безумном полусне-полубоддрствовании задолго до возникновения Земли и иных далеких миров нашей Солнечной системы.

На трех из пяти остальных фотографий были запечатлены болота и леса со смутными приметами тайного обитания каких-то омерзительных тварей. Еще было изображение загадочной отметины на земле вблизи дома Эйкли, которую, по его словам, он сфотографировал на рассвете после той самой ночи, когда его псы разлаялись пуще обычного. След был очень нечетким, и по его виду невозможно было понять, что это такое, хотя он, пожалуй, принадлежал тому же отвратительному существу, что и отпечаток лапы-клешни, сфотографированный в безлюдном высокогорье. На последнем фотоснимке я увидел жилище Эйкли – фермерский дом белого цвета, в два этажа, с чердаком, выстроенный, верно, век с четвертью тому назад, с аккуратно подстриженной лужайкой и мощенной камнями дорожкой, которая вела к двери, покрытой изящной резьбой в георгианском стиле. На лужайке расположились несколько сто-рожевых псов, а на переднем плане стоял мужчина приятной наружности с коротко стриженной седой бородкой – по-видимому, Эйкли собственной персоной, сфотографировавший самого себя, о чем можно было судить по проводу, соединенному с лампой-вспышкой в его правой руке.

Разглядев фотографии, я обратился к объемистому, написанному убористым почерком письму и в следующие три часа погрузился в глубины несказанного ужаса. То, о чем в предыдущем послании Эйкли упомянул лишь вскользь, теперь излагалось во всех деталях. Он приводил обширные цитаты из речей, услышанных им ночью в лесу; он подробно описывал жутких розоватых существ, замеченных им в сумерках, а также поведал ужасающую повесть о космических пришельцах, которую он, пользуясь своими разнообразными научными познаниями, сложил из обрывков бессвязных речей безумного шпиона-самозванца, позднее покончившего с собой. Я едва не запутался в обилии имен и терминов, слышанных мною когда-то давно в связи со зловещими преданиями: Юггот, Великий Ктулху, Цатоггуа, Йог-Сотот, Р'льех, Ньяр-латхотеп, Азатот, Хастур, Иан, Ленг, Озеро Хали, Бетмура, Желтый Знак, Л'мур-Катулос, Бран и *Magnum Innominandum*¹⁵, – и перенесся сквозь безымянные эры и непостижимые измерения в миры древнейшего, потустороннего естества, о чьей природе безумный автор «Некрономикона» мог лишь строить догадки самого смутного свойства. Я узнал о бездонном колодце первобытной жизни, и о струящихся в этой бездне потоках, и, наконец, о вытекающем из одного такого потока крошечном ручейке, которому суждено было дать начало жизни на нашей Земле.

Мой мозг пришел в смятение – если раньше я пытался дать загадочным вещам разумное толкование, то теперь начал верить в самые противоестественные и неправдоподобные чудеса. Я получил массу важнейших свидетельств – многочисленных и ошеломляющих, и хладнокровный научный подход Эйкли – подход, далекий, насколько возможно, от какого бы то ни было безумного фантазирования, истерического фанатизма и экстравагантного философствования, – сильно повлиял на мои мысли и суждения. По прочтении этого жуткого письма я вполне осознал причины обуревавших его страхов и сам уже был готов сделать все, что в моих силах, лишь бы удержать людей от посещения тех пустынных и опасных гор. Даже сейчас, когда время несколько притупило остроту первых впечатлений и заставило меня усомниться в собственной правоте, породив ужасные подозрения, я сохраню в тайне некоторые вещи, о которых говорилось в письме Эйкли и которые я не осмелюсь ни назвать, ни попытаться описать словами. Я даже рад, что и письмо, и восковой валик с записью, и все фотографии пропали, и лишь сожалею, по причинам, о которых скажу далее, что новая планета за орбитой Нептуна все же была недавно открыта.

¹⁵ Великое Неименуемое (лат.).

После прочтения письма Эйкли я перестал участвовать в публичном обсуждении вермонтского ужаса. Я оставлял аргументы моих оппонентов без ответа или давал невнятные обещания опровергнуть их в будущем, и постепенно наш спор угас. Весь конец мая и вплоть до 1 июня я переписывался с Эйкли; правда, время от времени наши письма терялись при пересылке, поэтому нам приходилось восстанавливать в памяти их содержание и пересказывать заново. В целом же мы сопоставили свои заметки, относящиеся к малоизвестным ученым трудам по мифологии, и попытались выявить более четкую связь между вермонтскими ужасами и общим корпусом сказаний первобытного мира. Во-первых, мы пришли практически к единодушному мнению, что эти твари и жуткие гималайские Ми-го принадлежат к одной и той же разновидности чудовищ. Мы также выдвинули ряд предположений об их зоологической природе, о чем я горел желанием рассказать профессору Декстеру в своем родном колледже, но Эйкли настрого запретил мне делиться с кем-либо нашими открытиями. И если сейчас я готов нарушить его запрет, так лишь по причине своей уверенности в том, что предупреждения об опасностях, тающихся в далеких вермонтских горах, – как и на тех гималайских пиках, которые отважные путешественники с таким азартом планируют покорить, – в большей степени способствуют общественной безопасности, нежели попытки сохранить это в тайне. Одним из важнейших наших совместных достижений обещала стать расшифровка иероглифов, выбитых на ужасном черном камне, – эта расшифровка, к которой мы приблизились, могла дать нам ключ к тайнам, самым значительным и захватывающим из всех, что ранее были ведомы человечеству.

III

В конце июня я получил фонографическую запись, отправленную экспрессом из Братлборо, поскольку Эйкли не был склонен доверять обычной почтовой службе округа. В последнее время он все отчетливее ощущал слежку за собой, и его опасения только усугубились после утраты нескольких наших писем; он сетовал на вероломство некоторых лиц, считая их агентами затаившихся в горном лесу тварей. Больше всего подозрений у него вызывал неприветливый фермер Уолтер Браун, который жил в одиночестве в обветшалой хижине на опушке густого леса и которого частенько замечали околачивающимся без видимой надобности то в Братлборо, то в Беллоус-Фоллс, то в Ньюфоне или Саут-Лондондерри. Эйкли не сомневался, что Браун был одним из участников подслушанной им в ночном лесу жуткой беседы, и как-то раз он обнаружил возле дома Брауна отпечатки лапы или клешни, что считал весьма зловещим знаком, поскольку рядом заметил следы от башмаков самого Брауна, которые вели прямо к отпечатку мерзкого чудовища.

Итак, запись была отправлена мне из Братлборо, куда Эйкли добрался на своем «форде» по безлюдным вермонтским проселкам. В сопроводительной записке он признался, что лесные дороги внушают ему страх и теперь он ездит за покупками в Тауншенд исключительно при свете дня. Никому не стоит стараться узнать больше о вермонтском ужасе, снова и снова повторял Эйкли, ну разве лишь тем, кто живет на значительном удалении от этих загадочных необитаемых холмов. Он сам собирался вскоре переехать на постоянное жительство к сыну в Калифорнию, хотя и признавался, что ему будет тяжело покинуть дом, где многое напоминает о жизни нескольких поколений его семьи.

Прежде чем воспроизвести запись на аппарате, позаимствованном мною в административном здании колледжа, я внимательно перечитал разъяснения Эйкли. Эта запись, по его словам, была сделана около часа ночи 1 мая 1915 года близ заваленного камнем входа в пещеру на лесистом западном склоне Темной горы, у подножия которого раскинулась заболоченная Пустошь Ли. В тех краях местные жители довольно часто слышали странные голоса, что и побудило его отправиться в лес с фонографом, диктофоном и чистым восковым валиком в надежде записать эти голоса. Богатый опыт фольклориста говорил ему, что канун первого мая

– ночь ведьмовского шабаша, если верить мрачным европейским поверьям, – вполне подходящая дата, и он не был разочарован. Впрочем, стоит оговориться, с тех пор никаких голосов в том самом месте он ни разу не слышал.

В отличие от большинства других бесед, подслушанных им ранее в лесу, это был своеобразный обряд, в котором участвовал один явно человеческий голос, принадлежность коего Эйкли не смог установить. Голос принадлежал не Брауну, а весьма образованному мужчине. Второй же голос оказался тем, ради чего Эйкли и предпринял свою экспедицию: то было злое жужжание, не имевшее ни малейшего сходства с живым человеческим голосом, хотя слова проговаривались четко, фразы строились по правилам английской грамматики, а манера речи напоминала декламацию университетского профессора.

Фонограф и диктофон работали безупречно, и, конечно, большим неудобством было то, что голоса звучали издали и несколько приглушенно, поэтому восковой валик сохранил лишь фрагменты подслушанного обряда. Эйкли прислал мне транскрипцию произнесенных реплик, и, прежде чем включить аппарат, я пробежал ее глазами. Текст был скорее невнятно-таинственным, нежели откровенно пугающим, хотя, зная его происхождение и способ получения, я все равно испытал невыразимый страх.

Приведу текст полностью, каким я его запомнил, – причем я вполне уверен, что точно заучил его наизусть благодаря не только чтению транскрипции, но и многократному прослушиванию записи. Да и как такое забудешь!

(Неразборчивые звуки)

(Голос образованного мужчины)

... есть Повелитель Лесов, равный... и дары обитателей Леса... и так, из кладезей ночи в бездну космоса, и из бездны космоса к кладезям ночи, вечная хвала Великому Ктулху и Цатоггуа и Тому, Кто не может быть Назван по Имени. Да пребудет с Ними вечно слава, да будет изобилие Черному Козлу Лесов. Йа! Шуб-Ниггурат! Козел с Легионом Младых!

(Жужжание, подражающее человеческой речи)

Йа! Шуб-Ниггурат! Черный Козел с Легионом Младых!

(Мужской голос)

И так случилось, что Повелитель Лесов, будучи... семь и девять, вниз по ониссовым ступеням... (вос) славляют Его в Бездне, Азатот, Тот, Кого Ты обучил всем чуде (сам) ... на крыльях ночи за пределы бескрайнего космоса, за пределы... Того, чьим последним творением является Юггот, одиноко блуждающий в черном эфире на самом краю...

(Жужжащий голос)

... ходи среди людей и найди свой путь там, что Он в Бездне может знать.

Ньярлатхотепу, Могучему Посланнику, должно поведать обо всем. И Он облечет себя в подобие людей, надев восковую маску и одеяние, что скроет его, и снизойдет из мира Семи Солнц, дабы осмеять...

(Человеческий голос)

(Ньярл) атхотеп, Великий Посланник, несущий странную радость Югготу сквозь пустоту, Отец Миллионов Предпочтимых, Ловец среди...

(Голоса обрываются – конец записи)

Вот что мне предстояло услышать, воспроизведя запись на фонографе. Дрожа от страха, я заставил себя нажать на рычаг; послышался легкий скрип сапфировой иглы звукозаписывающего аппарата. Признаюсь, я обрадовался, когда до моего слуха донеслись обрывки первых невнятных слов, произнесенных человеческим голосом – приятным интеллигентным голосом, в котором можно было различить нотки бостонского говора и который, безусловно, не принадлежал уроженцу вермонтской глуши. Вслушиваясь в невнятную запись, я отмечал полное совпадение реплик с транскрипцией Эйкли. Приятный голос с бостонским выговором вещал нараспев... «Йа! Шуб-Ниггурат! Черный Козел с Легионом Младых!...»

Но затем я услышал другой голос. До сих пор у меня по коже бегут мурашки, стоит мне вспомнить, как он потряс меня, несмотря на то что после описания Эйкли я был готов услышать что угодно. И все, кому я потом пересказывал содержание этой записи, пытались меня убедить, что это всего лишь дешевое надувательство или речи безумца, но имей они возможность своими ушами услышать те богомерзкие речи или ознакомиться с посланиями Эйкли (особенно с подробнейшим вторым письмом), уверен, они бы отнеслись к этому иначе. Очень жаль, что я в свое время не ослушался Эйкли и не продемонстрировал запись своим знакомым – о чем я особенно сожалею теперь, когда все письма пропали. Мне, посвященному в события, на фоне которых была сделана запись, и услышавшему ее собственными ушами, жужжащий голос внушил невыразимый ужас. Жужжание быстро сменяло человеческий голос в ритуальном диалоге, но в моем воображении оно звучало отвратительным эхом, несущимся на крыльях сквозь невообразимые бездны из адовых глубин космоса. Прошло уже два года с тех пор, как я в последний раз запускал этот дьявольский восковой цилиндр, но и сейчас, как и тогда, в моих ушах стоит это слабое, едва различимое зловещее жужжание, и я испытываю тот же самый ужас, что объял меня при первом прослушивании.

«Йа! Шуб-Ниггурат! Черный Козел с Легионом Младых!»

Но хотя я все еще отчетливо слышу этот голос, мне не хватило духу его проанализировать, чтобы точно описать. Он походил на монотонное гудение омерзительного гигантского насекомого – гудение неземного существа, как бы с усилием преображенного в артикулированную человеческую речь, причем я с полной уверенностью могу утверждать, что органы, производившие эти звуки, ни в малейшей степени не похожи на голосовые связки человека или на голосовой аппарат земных млекопитающих. С учетом ни с чем не сравнимых особенностей тембра, диапазона и обертонов, я не могу поставить это существо в один ряд с человеком или другими земными животными. Его неожиданное звучание в первый момент ошеломило меня, и я дослушал запись до конца, находясь в состоянии отрешенного оцепенения. Когда зазвучал самый продолжительный пассаж этого гудения, ощущение чудовищной безысходности, которое я испытал при прослушивании предыдущего, более короткого фрагмента, усилилось многократно. Запись внезапно обрывалась на середине фразы, которую декламировал с бостонским прононсом высокообразованный мужчина; но после автоматического отключения аппарата я еще долго сидел, бессмысленно уставившись в пустоту.

Вряд ли нужно говорить, что я многократно воспроизводил ту жуткую запись и затем скрупулезно описал и прокомментировал услышанное, сравнивая свои заметки и записи Эйкли. Бесполезно и даже страшно повторять сделанные нами выводы; скажу лишь одно: мы сошлись на том, что нам удалось обнаружить ключ к происхождению ряда наиболее отвратительных древних ритуалов в различных религиях человечества. Мы также уяснили, что в глубочайшей древности возникли весьма сложные связи между таинственными внеземными тварями и некими представителями человеческого рода. Насколько широкое распространение этот альянс получил тогда и насколько он прочен сегодня, в сравнении с прошлыми эпохами, мы не знали, но, по крайней мере, могли строить на сей счет множество самых страшных предположений. По всей видимости, ужасный союз между человеком и безымянной бесконечностью со времен глубокой древности прошел несколько стадий. Богомерзкие твари, по нашему разумению, пришли на Землю с темной планеты Юггот, расположенной на самом краю Солнечной системы, но и она была лишь одной из колоний страшной межзвездной расы, обитающей далеко за пределами пространственно-временного континуума Эйнштейна, вне известного нам большого космоса.

Между тем мы продолжали обсуждать возможный способ доставки черного камня в Аркхем – причем Эйкли считал нежелательным мой приезд к нему, на место его пугающих ночных открытий. По какой-то неведомой мне причине он опасался отправлять камень обычным маршрутом. В итоге он решил сам привезти его в Беллоус-Фоллс и отправить экспрессом по

Бостонско-Мэнской железнодорожной ветке, через Кин, Уинчендон и Фичбург, даже невзирая на то, что для этого ему пришлось сделать большой крюк и ехать по безлюдным лесным и горным дорогам, а не напрямик по главному шоссе в Братлборо. По его словам, отправляя мне ранее посылку с фонографической записью, он заметил около почтового отделения в Братлборо незнакомца, чей внешний вид и поведение показались ему весьма подозрительными. Этот незнакомец о чем-то настойчиво расспрашивал почтовых клерков и сел на тот самый поезд, в котором отправилась посылка с восковым валиком. Эйкли признался, что волновался до последней минуты, пока не получил от меня известия о благополучной доставке записи.

Примерно в это самое время – во вторую неделю июля – в очередной раз затерялось мое письмо, о чем Эйкли сразу же мне сообщил. После этого случая он попросил более не адресовать письма в Тауншенд и направлять всю корреспонденцию до востребования в службу почтовой доставки Братлборо, куда он обещал почаще наезжать либо в своем «форде», либо на междугороднем автобусе, который не так давно пришел на смену вечно опаздывающим пассажирским поездам. Я заметил, что в последнее время его беспокойство усилилось, ибо он в мельчайших подробностях описывал участвовавший лай собак безлунными ночами и свежие отпечатки клешней, появлявшиеся по утрам на дороге перед домом и на заднем дворе. Однажды он поведал мне о множестве таких отпечатков рядом с собачьими следами и в подтверждение своих слов приложил к письму жуткую фотографию. Это случилось сразу после ночи, когда псы особенно надрывно лаяли и выли.

Утром в среду, 18 июля, я получил от Эйкли посланную из Беллоус-Фоллс телеграмму. Он сообщал, что посылка с черным камнем отправлена по Бостонско-Мэнской ветке поездом № 5508, который уходит из Беллоус-Фоллс в 12:15 по местному времени и прибывает на вокзал Норт-Стейшн в Бостоне в 16:12. По моим расчетам, камень должны были доставить в Аркхем по крайней мере в следующий полдень; соответственно, все утро четверга я пробыл дома в ожидании посылки. Но ни в полдень, ни позднее посылку так и не принесли, а когда я телефонировал в офис экспресс-почты, мне сообщили, что никакого почтового отправления на мое имя к ним не поступало. Тогда, уже встревожившись не на шутку, я заказал междугородний разговор с агентом почтовой службы вокзала Норт-Стейшн в Бостоне и не сильно удивился, узнав, что никакой посылки для меня у них нет. Поезд № 5508 прибыл накануне днем, опоздав всего на 35 минут, но в почтовом багаже ящика на мое имя не обнаружилось. Агент, правда, пообещал навести справки о пропавшей посылке, и вечером того же дня я отправил Эйкли письмо, обрисовав сложившуюся ситуацию.

К моему удивлению, ответ из бостонского офиса не заставил себя долго ждать: уже на следующий день агент экспресс-почты сообщил мне по телефону о результатах своей проверки. По его словам, клерк, сопровождавший почту в поезде № 5508, вспомнил об инциденте, который мог бы объяснить пропажу: когда поезд во втором часу пополудни местного времени сделал остановку в Кине, штат Нью-Гэмпшир, к нему обратился незнакомец – худой, рыжеволосый, со странным голосом, с виду деревенский. По его словам, он ждал тяжелую посылку и беспокоился из-за того, что в поезде среди ящиков ее не оказалось и даже в книге записей почтовых отправок она не значилась. Парень назвался Стэнли Адамсом, у него был очень необычный, густой, какой-то жужжащий голос, и почтовый клерк, пока его слушал, внезапно почувствовал странное головокружение и сонливость. Чем завершилась их беседа, клерк не помнил, но заверил, что его сонливость как рукой сняло, стоило поезду отойти от платформы. Бостонский почтовый агент добавил, что этот молодой клерк работает в компании достаточно давно и до сих пор не имел никаких нареканий по службе, так что его правдивость и надежность не вызывают сомнений.

Тем же вечером я отправился в Бостон расспросить этого клерка лично, узнав его имя и адрес в офисе. Разговорившись с ним – а он оказался добродушным честным малым, – я сразу понял, что ему нечего добавить к первоначальному изложению событий. Меня, правда,

удивило, когда клерк заметил, что, встретить он того незнакомца снова, он вряд ли смог бы его узнать. Я вернулся в Аркхем и просидел до утра за письмами к Эйкли, в почтовую компанию, в полицейское управление и станционному начальству в Кине. Сомнений не было: обладатель странного голоса, который необъяснимым образом словно загипнотизировал клерка, сыграл в этом загадочном происшествии основную роль, и я надеялся, что смогу получить хоть какую-то информацию о том, как таинственный незнакомец ухитрился найти и присвоить мою посылку – либо от сотрудников железнодорожной станции в Кине, либо из регистрационной книги местного телеграфного офиса.

Увы, вынужден признать, что мои розыски ни к чему не привели. Обладателя странного голоса и впрямь видели на станции в Кине утром 18 июля, и один местный житель даже припомнил, что да, вроде бы тот нес тяжеленный ящик; но, вообще-то, его там никто не знал и никогда не видел – ни до, ни после. Он не заходил на телеграф, не получал никаких сообщений, о чем телеграфисты должны были бы знать, равно как и не было обнаружено никаких квитанций, свидетельствовавших о том, что черный камень прибыл с поездом № 5508 и был кем-то получен. Естественно, Эйкли присоединился к моим поискам и даже лично съездил в Кин, чтобы расспросить людей возле станции. Но он отнесся к происшествию куда более фаталистически, чем я: похоже, пропажу посылки он счел зловещим предвестием чего-то неотвратимого и уже не надеялся ее вернуть. Он говорил о несомненных телепатических и гипнотических способностях горных тварей и их агентов, а в одном из писем намекнул, что, по его мнению, камень уже находится далеко от Земли. Я же был в тихом бешенстве, ибо чувствовал, что мы упустили верный, пусть и зыбкий, шанс добыть из полустертых иероглифов на камне удивительные и важные сведения. Чувство досады продолжало бы беречь мою душу, если бы в последующих письмах Эйкли тайна жутких гор не обнаружила новый аспект, который тотчас же целиком завладел моим вниманием.

IV

Неведомые твари, сообщал мне Эйкли в очередном письме, написанном сильно дрожащей рукой, начали осаждать его дом еще более решительно и агрессивно. Лай собак безлунными ночами теперь стал просто невыносимым, и были даже дерзкие попытки напасть на него на безлюдных дорогах в дневное время. Второго августа, когда он поехал в автомобиле в деревню, путь ему преградило упавшее дерево – как раз в том месте, где шоссе углублялось в лесную чащу. И хотя свирепый лай двух псов, сопровождавших его в поездке, выдал скрытное присутствие богомерзких тварей, как бы все обернулось, не будь с ним собак, он даже не смел предположить. После этого случая, если ему надо было куда-то поехать, он брал с собой по крайней мере двух преданных мохнатых сторожей. Пятого и шестого августа случились новые дорожные происшествия – в первый раз выпущенная кем-то пуля оцарапала кузов «форда», в другой раз собачий лай возвестил о близком присутствии этих тварей в лесной чаще.

Пятнадцатого августа я получил взволнованное письмо, которое немало меня встревожило; прочитав его, я подумал, что пора Эйкли наконец нарушить свой зарок молчания и обратиться за помощью в местную полицию. В ночь с двенадцатого на тринадцатое произошли ужасные события: за стенами его дома гремели выстрелы и свистели пули, и наутро он обнаружил трупы трех из двенадцати сторожевых псов. На дороге нашлось множество отпечатков клешней, среди которых он заметил и следы башмаков Уолтера Брауна. Эйкли телефонирует в Братлборо с намерением приобрести новых собак, но телефонная связь оборвалась прежде, чем он смог произнести первые слова. Тогда он отправился в Братлборо на автомобиле и на телефонной станции узнал тревожную новость: кто-то аккуратно перерезал основной кабель там, где телефонная линия тянулась по безлюдным горам к северу от Ньюфана. Но он вернулся домой с четырьмя новыми волкодавами и несколькими коробками патронов для своего круп-

нокалиберного охотничьего ружья. Письмо было написано в почтовом отделении Братлборо, и я получил его без задержки.

К этому времени мое отношение к происходящим событиям изменилось – они вызывали у меня теперь не просто научный интерес, но и глубоко личное чувство тревоги. Я тревожился и за Эйки, осажденного в уединенном доме, и немного за себя. Ведь теперь я был причастен к тайне странных обитателей вермонтских гор и просто не мог не думать о своей вовлеченности в опасную череду таинственных событий. Затянет ли меня трясина этой тайны, стану ли я ее жертвой? Отвечая на последнее письмо Эйки, я настоятельно посоветовал ему обратиться за помощью к властям и намекнул, что, если он не захочет ничего предпринять, я смогу это сделать сам. Я написал, что готов ослушаться его запрета, лично приехать в Вермонт и помочь ему изложить ситуацию представителям закона. В ответ, однако, я получил из Беллоус-Фоллс короткую телеграмму следующего содержания:

БЛАГОДАРИЮ ЗА СОЧУВСТВИЕ НО НИЧЕГО СДЕЛАТЬ НЕЛЬЗЯ НЕ ПРЕДПРИНИМАЙТЕ НИЧЕГО МОЖЕТЕ ТОЛЬКО НАВРЕДИТЬ НАМ ОБОИМ ЖДИТЕ РАЗЪЯСНЕНИЙ ГЕНРИ ЭЙКЛИ

Но опасность стремительно нарастала. Ответив на телеграмму Эйки, я получил написанное дрожащей рукой письмецо с удивительными новостями: оказывается, он не только не отправлял мне никакой телеграммы, но и не получал от меня письма, очевидным ответом на которое я счел эту телеграмму. Он поспешно навел справки в Беллоус-Фоллс и выяснил, что телеграмму отправил худой рыжеволосый парень с необычно густым, как бы жужжащим, голосом. Никаких других подробностей о нем Эйки выяснить не удалось. Телеграфист показал Эйки оригинал рукописного текста, но почерк незнакомца был ему совершенно незнаком; правда, он заметил, что имя отправителя написано с ошибкой: ЭЙКЛЕ. Из этого можно было сделать вполне определенные выводы, но, будучи сильно взволнованным, Эйки не стал о них распространяться в письме. Он сообщил о гибели еще нескольких собак и о покупке новых и о перестрелках, которые теперь случались в каждую безлунную ночь. Он с неотвратимой регулярностью находил среди множества отпечатков клешней на дороге и во дворе позади дома следы Брауна и еще по меньшей мере одной или даже двух пар чьих-то башмаков. Дело, по словам Эйки, приняло совсем дурной оборот, и он намеревался вскоре перебраться в Калифорнию к сыну, даже вне зависимости от того, удалось бы ему продать старый дом или нет. Ему трудно было покинуть единственное место на земле, которое он считал своим родным, и он тянул время в надежде раз и навсегда отпугнуть непрошенных гостей – в особенности если он бросит свои попытки проникнуть в их тайны.

В ответном письме я вновь предложил Эйки содействие и повторил, что готов приехать к нему и помочь убедить власти в грозящей его жизни опасности. В очередном письме он, вопреки моим ожиданиям, уже не отказывался столь категорично от предложенного плана, но заявил, что хотел бы еще немного повременить – с тем чтобы привести дела в порядок и свыкнуться с необходимостью навсегда покинуть дорогой его сердцу дом, к которому он был необычайно привязан. Люди всегда косо смотрели на его научные занятия, и было бы разумно обставить внезапный отъезд тихо, не привлекая ничьего внимания и не возбуждая ненужных сомнений в его душевном здоровье. По словам Эйки, он уже довольно натерпелся за последнее время и хотел бы по возможности капитулировать с достоинством.

Я получил от него письмо 28 августа и тотчас ответил, постаравшись найти как можно более обнадеживающие слова. По-видимому, это подействовало на Эйки благотворно, ибо в очередном письме он не пустился в ставшие для меня привычными описания ужасов. Правда, он не был и излишне оптимистичным, выражая уверенность, что лишь благодаря полнолунию твари перестали тревожить его по ночам. Он надеялся, что в последующие ночи тучи не скроют яркую луну, и мельком упомянул о намерении снять меблированную комнату в Братлборо,

когда луна пойдет на убыль. Я вновь написал ему ободряющее письмо, но 5 сентября получил еще одно послание, отправленное явно ранее моего.

И на это письмо я никак не мог ответить в столь же ободряющем тоне. Ввиду важности сообщения хочу привести его здесь полностью. Итак, вот содержание письма:

Понедельник

Уважаемый Уилмарт,

направляю Вам довольно мрачный P. S. к последнему письму. Прошлой ночью все небо заволочло густыми тучами – но дождь так и не пошел, – и луны не было видно. Ситуация заметно ухудшилась. Думаю, развязка уже близка, как бы мы ни надеялись на лучшее. После полуночи что-то шумно упало на крышу дома, отчего собаки всполошились и выбежали во двор. Я слышал топот их лап и лай, а потом одна ухитрилась запрыгнуть на крышу с пристройки. Там началась ожесточенная схватка, я услышал жуткое жужжание, которого мне никогда не забыть. А потом я почувствовал отвратительную вонь. И в этот самый момент по моим окнам начали стрелять, и я едва увернулся от пуль. Думаю, что основной отряд горных тварей подошел вплотную к дому, выбрав момент, когда часть собачьей стаи отвлек шум на крыше. Что там произошло, я не знаю, но боюсь, что твари теперь приноровились использовать свои гигантские крылья для полетов в воздушном пространстве, а не только в космосе. Я зажег лампу и, воспользовавшись окнами как бойницами, начал палить из ружья, стараясь направлять ствол повыше, чтобы не попасть случайно в собак. Поначалу я решил, что это помогло и опасность миновала. Но наутро я обнаружил во дворе большие лужи крови, а рядом с ними лужи зеленоватого студенистого вещества, отвратительно пахнувшего. Я забрался на крышу и нашел там еще лужи студенистого вещества. Погибло пять собак. Боюсь, одну из них застрелил я сам, когда направил ствол ружья слишком низко, потому что на спине у нее зияла пулевая рана. Сейчас я меняю оконные рамы, поврежденные выстрелами, и собираюсь поехать в Братлборо за новыми собаками. Не удивлюсь, если хозяин собачьего питомника считает меня сумасшедшим. Чуть позднее черкну еще пару слов. Думаю, буду готов к переезду недели через две, хотя сама мысль об этом меня просто убивает.

Извините, что пишу второпях,

Эйкли

На следующее утро – то есть 6 сентября – я получил еще одно письмо, нацарапанное дрожащей, точно в лихорадке, рукой. Оно обескуражило меня настолько, что я места себе не мог найти. Постараюсь как можно точнее воспроизвести текст по памяти:

Вторник

Тучи не рассеялись, луны опять нет – и она пошла на убыль. Я бы снова подключил в доме электричество и выставил прожектор, если бы не был уверен, что стоит починить провода, как они их сразу же опять перерезают.

Мне кажется, что я схожу с ума. Возможно, все, о чем я писал Вам ранее, всего лишь дурной сон или плод помраченного рассудка. Раньше было все плохо, но на этот раз хуже уже некуда. Они разговаривали со мной прошлой ночью – мерзкими жужжащими голосами, и то, что мне сказали, я просто не смею повторить. Эти голоса перекрывали собачий лай, но однажды, когда лай их заглушил, заговорил человеческий голос. Не связывайтесь в это, Уилмарт, – все обстоит куда хуже, чем мы с Вами думали. Теперь они не позволят

мне переехать в Калифорнию – они хотят забрать меня живым или в том состоянии, которое можно назвать теоретически или интеллектуально живым, не только на Юггот, но и еще дальше, за пределы галактики, а возможно, и за искривленный оком космического пространства. Я заявил, что не соглашусь последовать туда, куда они намерены – или предлагают – меня забрать, но боюсь, теперь все бесполезно. Мой дом стоит на отшибе, и они очень скоро придут сюда снова, либо днем, либо ночью. Я потерял еще шесть собак, и я отчетливо ощущал их присутствие на лесистых участках дороги, когда ехал сегодня в Братлборо. Напрасно я отправил Вам записку и черный камень! Уничтожьте восковой валик, пока не поздно. Черкну Вам еще завтра, если буду жив. Ах, если бы мне удалось снять комнату в Братлборо и перевезти туда свои вещи и книги! Я бы сбежал отсюда, бросив все, если бы мог, но некая внутренняя сила удерживает меня здесь. Конечно, я могу тайком ускользнуть в Братлборо, где я окажусь в безопасности, но я буду чувствовать себя пленником и там, как и здесь, в доме. И похоже, я знаю, что мне не удалось бы спастись от них, даже если бы я все бросил и попытался бежать. Все слишком ужасно – не связывайтесь в это дело!

Ваш Эйкли

Получив это жуткое письмо, я всю ночь не мог сомкнуть глаз, теперь уже вконец усомнившись в душевном здоровье Эйкли. То, что он писал, было полным безумием, хотя манера изложения – принимая во внимание все предшествующие события – отличалась мрачной силой убедительности. Я даже не стал писать ему, считая, что теперь самое разумное – дожидаться, когда Эйкли найдет время ответить на мое предыдущее письмо. И на следующий день его ответ пришел, хотя изложенные в нем самые свежие новости затмили все разумные доводы, приведенные мной в предыдущем послании. Вот что я запомнил из того текста, написанного в лихорадочной спешке нетвердым пером со многими пометками.

Среда

Я получил Ваше письмо, но больше нет смысла что-либо обсуждать. Я сдался. Странно, что мне еще достает силы воли сражаться с ними. Мне не спастись, даже если я решу все бросить и сбежать. Они все равно доберутся до меня где угодно.

Вчера получил от них письмо – его принес почтальон, пока я был в Братлборо. Написано и отослано из Беллоус-Фоллс. Сообщают, что намерены со мной сделать, – но я не могу этого повторить. Вам тоже следует опасаться! Уничтожьте записку! Ночное небо все в тучах, а от луны остался тонкий месяц. Если бы кто-то мне помог! Это могло бы укрепить мою силу воли. Но любой, кто осмелится прийти ко мне на помощь, наверняка назовет меня безумцем, не найдя веских доказательств моей правоты. Мне даже некого попросить приехать ко мне без всякого повода – ведь я ни с кем не поддерживаю связь уже многие годы.

Но Вы еще не знаете самого ужасного, Уилмарт. Соберитесь с духом, чтобы продолжить чтение, ибо Вам предстоит пережить шок. Я говорю правду. Вот она: я видел одну из тварей и дотрагивался до нее – точнее, до ее конечности. Боже, как это ужасно! Разумеется, она была мертва. Ее загрыз один из моих псов, и я нашел ее труп около псарни сегодня утром. Я попробовал сохранить тело в сарае, чтобы показать людям и убедить их в своей правоте, но через несколько часов оно испарилось! От тела ничего не осталось. Вспомните, что мертвых тварей в реках видели только в первое

утро наводнения. Но вот самое страшное. Я попытался сфотографировать для Вас мертвую тварь, но когда проявил пленку, там ничего не было видно, кроме сарая. Из чего же она состоит? Я видел ее и трогал ее, и все они оставляют следы на земле. Она явно материального происхождения – но что это за материал? Описать ее форму я затрудняюсь. Вообразите гигантского краба с туловищем из густого студенистого вещества, которое составлено, как пирамида, из множества плотных колец или узлов, покрытых множеством щупальцев в том месте, где у человека находится голова. А зеленое студенистое вещество является их кровью или живительным соком. И таких тварей на Земле с каждой минутой становится все больше и больше.

А Уолтер Браун пропал – никто больше не видел его. Наверное, я подстрелил его из ружья, а эти твари обычно утаскивают с собой своих убитых и раненых.

Доехал до поселка сегодня без приключений. Но боюсь, они просто перестали меня преследовать, ведь они уже не сомневаются в моей покорности. Пишу это письмо на почте в Братлборо. Может быть, это мое прощальное письмо – в таком случае свяжитесь с моим сыном по адресу: Джордж Гуденаф Эйкли, Плезант-стрит, 176, Сан-Диего, штат Калифорния, – но сами сюда не приезжайте! Напишите моему мальчику, если в течение недели от меня не будет никаких известий, и следите за новостями в газетах!

А теперь я намерен выложить свои последние два козыря – если мне хватит на это духу. Во-первых, попробую воздействовать на тварей ядовитым газом (у меня есть все необходимые химикалии, и я смастерил противогазы для себя и для собак), а потом, если и это не подействует, расскажу обо всем нашему шерифу. Меня могут, конечно, поместить в психиатрическую лечебницу, – но так оно будет лучше, чем то, что намереваются сотворить со мной эти чудовища. Возможно, мне удастся уговорить власти обратить пристальное внимание на следы вокруг дома, – они едва заметны, но я нахожу их каждое утро. Впрочем, предполагаю, что полиция скажет, будто это я сам всё подстроил, ведь все считают меня чудаком.

Надо вызвать кого-нибудь из полиции штата и уговорить провести тут ночь, чтобы все увидеть своими глазами, – хотя не исключая, что твари об этом прознают и именно в эту ночь не станут мне докучать. Ночью они перерезают телефонные провода всякий раз, когда я пытаюсь вызвать подмогу, – на телефонной станции считают все это весьма странным, они могли бы подтвердить мои слова, если бы не подозревали, что я сам и порчу провода. Вот уже целую неделю я даже не пытаюсь вызвать мастера для восстановления телефонной связи.

Я мог бы убедить кое-кого из наших неграмотных стариков засвидетельствовать реальность этих ужасов, но здесь над ними только смеются, и, в любом случае, даже старики давно уже обходят мой дом стороной, так что им ничего не известно о последних событиях. Вы самого никчемного из этих невежд-фермеров не заставите подойти ближе чем на милю к моему дому! Почтальон рассказывал, как они отзываются обо мне и какие шуточки отпускают на мой счет. Боже! Если бы я мог его убедить в реальности всего этого! Возможно, стоило бы показать ему следы на дороге, но он разносит почту после полудня, а к этому времени следы уже не столь

отчетливы. И даже если бы мне удалось сохранить хоть один след, поместив над ним коробку или тазик, он, конечно же, сочтет, что это подлог или шутка.

Можно лишь пожалеть, что я жил таким отшельником и соседи перестали заходить ко мне в гости, как бывало когда-то. Я никому не показывал ни тот черный камень, ни фотоснимки и не проигрывал запись – за исключением лишь малограмотных стариков. Другие сказали бы, что это розыгрыш, и подняли бы меня на смех. Надо показать кому-нибудь фотографии. На них отпечатки клеишей вышли очень четко, хотя мне не удалось сфотографировать самих тварей. Как досадно, что никто не видел эту мертвую тварь сегодня утром до того, как она обратилась в ничто!

Но теперь мне все равно. После всего, через что я прошел, сумасшедший дом для меня ничем не хуже, чем любое другое место. Доктора помогут мне решиться на продажу дома, а это именно то, что может меня спасти.

Напишите моему сыну Джорджу, если от меня долго не будет вестей. Прощайте, уничтожьте запись и не связывайтесь ни во что.

Ваш Эйкли

Честно говоря, это признание ужаснуло меня несказанно, породив самые мрачные мысли. Я не знал, что ему ответить, но все же нацарапал несколько беспомощных фраз ободрения и отправил письмецо заказной почтой. Помнится, я настоятельно советовал Эйкли немедленно переехать в Братлборо и обратиться за защитой к местным властям, добавив, что приеду туда с фонографической записью и помогу доказать в суде его вменяемость. И еще я, кажется, написал, что пришло время предупредить людей об опасности, грозящей им с появлением этих тварей. Надо сказать, что в ту минуту сильнейшего волнения моя собственная вера во все, что поведал мне Эйкли, была почти полной и безоговорочной, хотя у меня и промелькнула мысль, что неудачная попытка сфотографировать мертвое чудовище объясняется не столько капризом природы, сколько его собственной оплошностью.

V

А днем в субботу, 8 сентября, по-видимому опередив мою кратенькую записку, от него пришло новое, в высшей степени странное письмо. Аккуратно напечатанное на пишущей машинке, оно было выдержано в совершенно ином – удивительно спокойном и умиротворенном – тоне, причем его автор радушно приглашал меня приехать к нему. Это письмо стало неожиданным поворотным пунктом в развитии всей этой кошмарной драмы в уединенных горах. Я приведу его по памяти и постараюсь, не без причины, передать по возможности как можно точнее особенности его стиля. Судя по штемпелю на конверте, оно было отправлено из Беллоус-Фоллс, и на машинке был отпечатан не только сам текст, но даже и подпись, как это нередко делают люди, только-только овладевшие навыками машинописи. Сам же текст был напечатан без единой опечатки, что необычно для новичка, из чего я заключил, что Эйкли, видимо, когда-то пользовался пишущей машинкой – наверное, в колледже. Честно говоря, я прочитал это письмо с великим облегчением, хотя и не смог до конца избавиться от некоей смутной тревоги. Если Эйкли сохранил здравый рассудок после всех описанных им ужасов, был ли он в здравом рассудке теперь, после избавления от своих напастей? И упомянутое им «налаживание интеллектуального взаимопонимания»... Это как понимать? Словом, все в этом послании говорило о неожиданной радикальной смене настроения Эйкли. Но вот содержание письма, точно восстановленного по памяти, которой я весьма горжусь.

Тауниенд, штат Вермонт

Четверг, 6 сент. 1928 г.

Дорогой Уилмарт, с радостью должен успокоить Вас относительно всех тех глупостей, которые я Вам написал. Я говорю «глупости» и под этим подразумеваю свое продиктованное страхом отношение к происходящему, а не описание определенных явлений. Эти явления реальны и чрезвычайно важны; и ошибкой было мое неправильное отношение к ним. Думаю, я упоминал, что мои странные визитеры уже предпринимали попытки вступить в общение со мной, и вот наконец-то прошлой ночью мы впервые установили полноценный контакт. В ответ на определенные звуковые сигналы я принял в доме посланца этих существ – спешу уточнить: человека. Он рассказал много такого, чего ни Вам, ни мне не могло даже в голову прийти, и ясно дал понять, насколько глубоко мы заблуждались относительно Пришлых и насколько неверно истолковали цель нахождения их тайной колонии на нашей планете. Похоже, все злонамеренные небылицы о предложениях, которые они якобы делают людям, и о цели их пребывания на Земле есть целиком и полностью результат невежественного непонимания их аллегорической речи – речи, понятное дело, сформировавшейся на базе культуры и интеллектуальных обычаев, безмерно далеких от самых смелых наших фантазий. Мои собственные умозаключения, признаюсь откровенно, были столь же далеки от истины, как любые догадки нашей невежественной деревенщины и диких индейцев. То, что мне представлялось мрачным, постыдным и богомерзким, на самом деле вызывает благоговейный восторг, если не сказать восхищение, и расширяет наши представления о мире – и мои прежние оценки были всего лишь проявлением извечной склонности человека ненавидеть, опасаться и сторониться всего, что отличается от привычного.

Теперь я могу лишь сожалеть о том вреде, который я причинил этим удивительным внеземным существам в ходе наших ночных стычек. Как жаль, что с самого начала я не догадался мирно и благоразумно побеседовать с ними. Но они не держат на меня зла. Ибо их эмоциональная организация весьма отличается от нашей. На беду, они выбрали в качестве своих агентов в Вермонте недостойные образчики рода человеческого – каким, к примеру, был ныне покойный Уолтер Браун. Это он заставил их отнестись ко мне с предубеждением. Вообще-то, они никогда сознательно не причиняли людям вреда, но часто сами становились жертвами злонамеренных оговоров и преследований со стороны нас, землян. Существует тайный культ грешников (такой человек, как Вы, обладающий глубокими познаниями в области мистической науки, поймет меня, если я скажу, что этот культ связан с Хастуром и Желтым Знаком), посвятивших себя выслеживанию и уничтожению их ради чудовищных сил, господствующих в иных измерениях. Именно против таких воинственных вырожденков – а вовсе не против нормальных людей – направлены строгие меры предосторожности Пришлых. Случайно я узнал, что многие наши потерянные письма были украдены вовсе не Пришлыми, но эмиссарами жрецов этого греховного культа.

Все, что надо Пришлым от человека, – это мир, невмешательство в их дела и налаженное интеллектуальное взаимопонимание. Это последнее совершенно необходимо теперь, когда новейшие изобретения и механизмы расширяют наше знание и улучшают способы передвижения, что представляет возрастающую угрозу для тайных колоний Пришлых на нашей планете. Внеземные существа хотят, во-первых, лучше изучить человечество

и, во-вторых, дать возможность избранным философам и ученым Земли узнать о них как можно больше. Благодаря такому взаимному обмену знаниями все невзгоды уйдут в прошлое и установится благоприятный *modus vivendi*¹⁶. Сама же идея об их стремлении поработить или уничтожить человечество просто смехотворна.

В знак такого улучшения взаимопонимания Пришлые, естественно, выбрали меня – кто обладает уже довольно значительным багажом знаний о них – своим главным посланником на Земле. Много я узнал прошлой ночью – факты поразительного и многообещающего свойства, – и вскоре мне будет сообщено куда больше – как устно, так и письменно. Меня не призывают прямо сейчас покинуть Землю, хотя в будущем я, возможно, захочу совершить такое путешествие, для чего мне придется прибегнуть к особым средствам и пережить такое, что невозможно вообразить, основываясь только на человеческом опыте. Больше они не будут подвергать мой дом осаде. Все вернулось к нормальному состоянию. И моим собакам больше не надо меня сторожить. Теперь вместо ужаса мне обещаны неисчерпаемые кладези знаний и интеллектуальные приключения, до сих пор изведенные лишь немногими смертными.

Пришлые, вероятно, самые чудесные органические существа во всем космосе и за его пределами; это представители космической расы, в сравнении с которыми все иные формы жизни являются лишь тупиковыми ветвями. Они скорее растительной, нежели животной природы, если только в этих терминах можно описать субстанцию, из коей они созданы, и имеют грибовидную структуру, хотя наличие хлорофиллоподобного вещества и очень необычной пищеварительной системы разительно отличает их от обычных листостебельных грибов. В сущности, данный тип существ создан из уникальной разновидности материи, не встречающейся на нашем участке космического пространства, – и ее электроны имеют совершенно иной коэффициент вибрации. Вот почему эти существа не отображаются на обычной фотопленке или фотопластинке, хотя мы можем их видеть невооруженным глазом. Впрочем, при должном знании любой хороший химик смог бы создать особую фотоземлю, с помощью которой можно было бы запечатлеть их изображения.

Эти существа уникальны в своей способности перемещаться в холодном безвоздушном пространстве, сохраняя телесную форму, хотя некоторые их разновидности могут это делать лишь с помощью механических устройств либо подвергнувшись любопытной хирургической операции. Лишь немногие их виды имеют крылья, резистентные к космическому эфиру, что характерно именно для вермонтской разновидности. Существа же, населяющие наиболее удаленные горные пики Старого Света, попали на Землю иначе. Их внешнее сходство со зверями и сходство их структуры с тем, что у нас называется материей, есть результат параллельной эволюции, а не генетического родства. Способности их мозга превосходят способности любой из существующих ныне форм земной жизни, притом что крылатое семейство обитателей здешних гор считается отнюдь не самым высокоразвитым из их видов. Телепатия является их обычным способом общения, хотя они имеют рудиментарные органы речи, и после несложной

¹⁶ Уклад жизни (лат.).

операции (а все эти существа обладают навыками хирургии, которую они довели до высочайшего совершенства) они могут более или менее точно копировать речь тех разновидностей органической жизни, которые для общения все еще пользуются языком. Основное место их обитания – до сих пор еще не открытая и пребывающая во мраке планета на самом краю нашей Солнечной системы, за орбитой Нептуна. Как мы с Вами и предполагали, эта девятая от Солнца планета в некоторых древних запретных книгах имеет мистическое имя Юггот, и довольно скоро она станет источником концентрированного потока мысли, направленного на нашу планету с целью налаживания интеллектуального взаимопонимания. Не удивлюсь, если астрономы когда-нибудь смогут зафиксировать эти мыслепотоки и откроют Юггот, когда сами Пришлые этого пожелают. Но Юггот, разумеется, – это только перевалочный пункт. Основная масса существ населяет странно организованные бездны, которые не дано постичь человеческому сознанию. Пространственно-временная сфера, которую мы принимаем за единую космическую сущность, – это лишь атом в бесконечности, где они существуют. И многие глубины этой бесконечности – из тех, что доступны человеческому разуму, – рано или поздно откроются мне точно так же, как они открылись не более чем пяти десяткам выдающихся людей за всю историю человечества.

Вам, Уилмарт, все это поначалу может показаться безумием, но со временем Вы сполна оцените всю значимость дарованного мне феноменального шанса. Я хочу по возможности поделиться этим шансом с Вами, вот почему мне нужно поведать Вам в личной беседе нечто, чего нельзя доверить бумаге. Ранее я настрого запрещал Вам сюда приезжать. Но теперь, обретя полную безопасность, я с радостью отказываюсь от своего запрета и приглашаю Вас к себе.

Вы сможете приехать до начала очередного семестра в колледже? Было бы просто чудесно, если бы Вам это удалось. Захватите с собой фонографический валик с записью и все мои письма, чтобы мы вместе могли восстановить последовательность событий этой грандиозной истории. Привезите также и фотоснимки, так как я в этой суматохе куда-то задевал негативы и свои копии отпечатков. Знали бы Вы, какое обилие новых фактов я могу сейчас прибавить к своим прошлым догадкам и гипотезам – и каким потрясающим устройством я обладаю в дополнение к этим фактам!

Даже не сомневайтесь! Теперь за мной никто не шпионит, и Вы не найдете тут ничего сверхъестественного или пугающего. Просто приезжайте – на вокзале в Братлборо Вас будет ждать мой автомобиль – и приготовьтесь пробыть у меня столько, сколько пожелаете! Нас ждут многие вечера увлекательных бесед о вещах, не подвластных человеческому пониманию. Но разумеется, никому об этом не рассказывайте, ибо это не должно стать достоянием бестолковой публики.

Железнодорожное сообщение с Братлборо вполне надежно, можете ознакомиться с расписанием поездов в Бостоне. Садитесь на поезд Бостонско-Мэнской ветки до Гринфилда, там сделайте пересадку, после чего нужно будет проехать еще несколько станций. Рекомендую удобный поезд в 16:10 из Бостона. Он прибывает в Гринфилд в 19:35, откуда в 21:19 отправляется поезд на Братлборо, прибывающий туда в 22:01. Это

расписание для рабочих дней. Сообщите мне дату Вашего приезда, чтобы автомобиль был готов для встречи Вас на вокзале.

Извините, что печатаю письмо на машинке, но в последнее время, как Вам известно, моя рука стала нетверда, и мне трудно писать длинные тексты. Я приобрел эту «Корону» вчера в Братлборо – похоже, машинка в неплохом состоянии.

Жду от Вас вестей и надеюсь вскоре увидеть Вас лично, и фонографический валик, и все мои письма, и фотоснимки также.

Остаюсь Ваш, в предвкушении встречи,

Генри У. Эйкли

*АЛЬБЕРТУ Н. УИЛМАРТУ, ЭСК.
МИСКАТОНИКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
АРКХЕМ, МАСС.*

Не могу описать, сколь сложные эмоции нахлынули на меня, когда я читал, перечитывал и обдумывал это в высшей степени удивительное и абсолютно неожиданное письмо. Как уже было сказано, я почувствовал одновременно великое облегчение и тревогу. Но эти слова могут лишь весьма приблизительно описать сложные нюансы различных и по большей части подознательных движений души, вызвавших и мое облегчение, и мою тревогу. Начать с того, что сие послание полностью противоречило описанным в предыдущих письмах жутким кошмарам – и ничто не предвещало этой молниеносной и полной перемены настроения: от нескрываемого ужаса к невозмутимому благодушию и даже восторженной экзальтации. Я едва ли мог поверить, что столь мгновенная перемена в душевном состоянии человека, направившего мне нервический отчет о страшных событиях среды, могла произойти всего за один день, какие бы радостные открытия ему ни довелось пережить в ночь на четверг. В какие-то моменты ощущение явной ирреальности рассказа заставляло меня гадать, не было ли его маловразумительное описание космической драмы с участием фантастических существ чем-то вроде галлюцинации, родившейся в моем собственном сознании... Но потом я вспомнил о фонографической записи, и этот факт озадачил меня еще больше.

Я мог ожидать от Эйкли чего угодно, но только не такого аккуратно напечатанного на машинке письма. Проанализировав свои впечатления, я пришел к выводу, что в них можно выделить два момента. Во-первых, допуская, что Эйкли был и остается в здравом уме, произошедшая смена настроения представлялась мне чересчур стремительной и неправдоподобной. А во-вторых, изменения в общем настроении, в отношении к происходящему и даже в стилистике письма были очень уж неестественными и непредсказуемыми. В личности Эйкли, казалось, произошла болезненная мутация – мутация столь глубокая, что обе фазы его изменившегося душевного состояния трудно было примирить, исходя из допущения, что обе они в равной степени демонстрировали душевное здоровье.

Выбор слов, орфография – все было другим! А уж с моим тонким чувством прозаического стиля, приобретенным за долгие годы университетских занятий, мне было легко отметить глубокие различия в строении самых простых фраз и в общем ритмическом рисунке письма. Должно быть, он и впрямь пережил сильнейшее эмоциональное потрясение или открытие, которое вызвало столько радикальный переворот в его сознании! С другой же стороны, это вполне соответствовало характеру Эйкли. Все та же тяга к бесконечности – все та же пылкость ученого ума. Я ни на мгновение не мог допустить мысли, что это письмо – фальшивка или злонамеренный розыгрыш. И разве его приглашение – то есть именно желание, чтобы я лично удостоверился в правдивости его слов – не есть доказательство подлинности письма?

Всю ночь субботы я просидел в раздумьях о тайнах и чудесах, маячивших за строками полученного мною письма. Мой разум, утомленный быстрой сменой чудовищных теорий, с которыми он вынужден был столкнуться в последние четыре месяца, анализировал этот уди-

вительный новый материал, чередуя сомнение и согласие, которые сопровождали меня на протяжении всего моего знакомства с этими диковинными событиями. И вот уже ближе к рассвету жгучий интерес и любопытство постепенно преодолели разыгравшуюся в моей душе бурю замешательства и тревоги. Безумец Эйкли или нет, пережил ли он глубокий душевный перелом или просто испытал огромное облегчение, все равно было ясно, что он и впрямь совершенно иначе стал относиться к своим рискованным изысканиям. И эта перемена поборолла ощущение опасности – реальной или воображаемой – и одновременно открыла ему головокружительные просторы космического сверхчеловеческого знания. Моя страсть к неведомому, встретившись с его точно такой же страстью, вспыхнула с новой силой, и я словно заразился его желанием раздвинуть преграды познанного, сбросить с себя отупляющие, сводящие с ума оковы времени, пространства и законов природы, чтобы ощутить связь с безграничным пространством космоса и приблизиться к бездонным темным тайнам бесконечности и абсолютного знания. Ну конечно, ради этого стоило рискнуть жизнью, душой и рассудком! К тому же, как сказал Эйкли, опасности больше нет – не зря же он пригласил меня приехать к нему, хотя раньше умолял этого не делать. Я трепетал от одной только мысли, что Эйкли собрался поведать мне о неслыханных чудесах, – и ощущал невыразимое волнение, представив, как я окажусь в уединенном фермерском доме, совсем недавно пережившем жуткую осаду пришельцев, и буду вести беседы с человеком, общавшимся с настоящими посланцами космоса; и как мы будем вновь прослушивать ту жуткую запись и перечитывать письма, в которых Эйкли поделился со мной своими первыми соображениями...

Итак, воскресным утром я телеграфировал Эйкли, что встречаюсь с ним в Братлборо в следующую среду, 12 сентября, если его это устраивает. Лишь в одном пункте я не последовал предложенному им плану действий, а именно в выборе поезда. Честно сказать, мне не понравилась перспектива прибыть в мрачную вермонтскую глушь поздним вечером, поэтому я телефонировал на станцию и заказал билеты на другое время. Встав рано утром, я мог доехать до Бостона поездом в 8:07 и успеть на поезд, который отправлялся в 9:25, и прибывал в Гринфилд в 12:22. Далее меня ожидала очень удобная пересадка на поезд, прибывавший в Братлборо в 13:08, что меня устраивало куда больше, чем встреча с Эйкли на вокзале в начале одиннадцатого вечера и долгая поездка под покровом тьмы среди таинственных сумрачных гор.

Я телеграфировал Эйкли свое решение и из ответной телеграммы, которая пришла ближе к вечеру, с радостью узнал, что это вполне согласовывалось с планами моего гостеприимного хозяина.

Его телеграмма гласила:

**ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ВАРИАНТ УСТРАИВАЕТ ВСТРЕЧУ
ПОЕЗД 8:01 СРЕДУ НЕ ЗАБУДЬТЕ ЗАПИСЬ ПИСЬМА
И СНИМКИ ЗДЕСЬ ВСЕ ТИХО ЖДИТЕ ВЕЛИКИХ
ОТКРЫТИЙ ЭЙКЛИ**

Получив незамедлительный ответ на мою телеграмму, которую ему из Тауншенда либо доставил домой почтальон, либо продиктовали текст по телефону – линию, как я надеялся, уже восстановили, – я окончательно отмел все подсознательные сомнения относительно авторства предыдущего, столь поразившего меня письма. Теперь я был абсолютно спокоен – почему, я и сам вряд ли смог бы объяснить. Но как бы то ни было, все мои сомнения были отброшены. В ту ночь я быстро уснул и крепко проспал до самого утра, а последующие два дня посвятил приготовлениям к поездке.

VI

В среду, как и было уговорено, я отправился на вокзал, захватив с собой саквояж с личными вещами и нашим научным архивом, включавшим фонографическую запись, фото-

снимки и папку с полным комплектом писем Эйкли. Выполняя его волю, я никому ни словом не обмолвился о том, куда еду, ибо понимал, что это дело требует полной приватности, даже если все обернется благоприятным образом. Сама мысль об интеллектуальном контакте с иноземными существами была слишком ошеломительной даже для моего натренированного и готового ко многим открытиям мозга; можно себе представить, какое воздействие это событие могло бы оказать на мозги ничего не подозревающих обывателей. Сам не знаю, какое из чувств было сильнее – ужас или жажда приключений, – когда после пересадки в Бостоне началось мое долгое путешествие на северо-запад и поезд помчал меня прочь от знакомых мест к городкам, о которых я знал лишь по названиям на географической карте. Уолтхем... Конкорд... Эйер... Фичбург... Гарднер... Эйтол...

Мы прибыли в Гринфилд с семиминутным опозданием, но экспресс в северном направлении, на который мне предстояло пересесть, к счастью, еще не отбыл. Делая пересадку в попытках, я ощущал беспричинное волнение, когда смотрел, как освещаемый лучами утреннего солнца поезд направляется в ту часть страны, о которой я много читал, но где еще ни разу не был. Я размышлял о том, что скоро окажусь в ветхозаветной Новой Англии, куда более примитивной, чем механизированные и урбанизированные восточные и южные штаты, в которых прошла вся моя жизнь, – в девственной старомодной стране без иммигрантов и фабричного дыма, без придорожных рекламных щитов и бетонных шоссе, ставших уже привычными элементами современной цивилизации. Я готовился воочию увидеть чудесные проявления неизменного на протяжении веков жизненного уклада, который благодаря глубокой укорененности в местных обычаях дал самобытные всходы, оживляя странные стародавние предания и формируя благодатную почву для мрачных и фантастических суеверий.

Глядя из окна, я видел искрящиеся под полуденным солнцем голубые воды реки Коннектикут, а когда, выехав из Нортфилда, мы пересекли реку по мосту, впереди замаячили поросшие лесами таинственные горы. Я узнал у появившегося в вагоне проводника, что наконец-то мы в Вермонте. По его совету я перевел свой хронометр на час назад, поскольку жители северной части вермонтского высокогорья отказывались подчиниться новомодному установлению о переходе на летнее время. И когда я перевел стрелки часов вспять, мне подумалось, что одновременно я перелистнул календарь на столетие назад.

Железнодорожное полотно бежало вплотную к руслу реки, и на противоположном берегу, в Нью-Гэмпшире, я различил склоны крутых кряжей Вантастикета, о которых сложена не одна старинная легенда. Потом слева по ходу поезда показались улицы, а справа посреди реки мелькнул зеленый островок. Пассажиры встали с мест и потянулись к выходу, и я следом за ними. Поезд остановился – я вышел на крытую платформу вокзала Братлборо.

Увидев на привокзальной площади ряды автомобилей, я принялся искать глазами «форд» Эйкли, но меня опередили. Впрочем, встречавший меня джентльмен, который бросился ко мне с протянутой рукой и вежливо поинтересовался, не я ли мистер Альберт Н. Уилмарт из Аркхема, был явно не Эйкли, так как не имел ни малейшего сходства с седобородым ученым на фотографии. Мужчина выглядел куда моложе, и на его лице виднелись лишь небольшие темные усики; он был модно одет и имел вполне светские манеры. Звучание его хорошо поставленного приятного голоса навеяло некие смутные и отчасти тревожные воспоминания, хотя я никак не мог припомнить, где я его слышал.

Пока я его разглядывал, он представился другом моего будущего хозяина, который поручил ему приехать из Тауншенда встретить меня. Эйкли, добавил он, внезапно слег с жестоким приступом астмы и не может долго находиться на свежем воздухе. Он поспешил заверить меня, что болезнь не слишком серьезная и на моем визите никак не отразится. Навряд ли этот мистер Нойес – так он аттестовал себя – был в курсе научных занятий и открытий Эйкли; судя по его виду и поведению, они познакомились совсем недавно. Правда, вспомнив, каким затворником жил Эйкли, я был несколько удивлен столь неожиданным появлением у него подобного

знакомого. Поборов замешательство, я уселся в автомобиль, к которому меня подвел Нойес. Вопреки моим ожиданиям, это был не старенький драндулет, о котором не раз упоминалось в письмах Эйкли, а большой, сверкающий свежей краской автомобиль современной модели – явно принадлежащий Нойесу – с массачусетскими номерными знаками, украшенными забавной эмблемкой «священной трески» – приметой нынешнего года¹⁷. Из этого я заключил, что мой провожатый – один из тех самых дачников, что приезжают в Тауншенд на лето.

Нойес сел за руль и включил зажигание. Я был рад, что он не пустился в дальнейшие разговоры, так как из-за возникшего замешательства я не был склонен к беседам. Освещенный лучами послеполуденного солнца, город выглядел весьма привлекательно. Одолев короткий подъем, автомобиль свернул направо и покатил по главной улице. Это был типичный новоанглийский сонный городишко, какие памятливы нам с детства, и нагромождение черепичных крыш, церковных шпилей, печных труб и кирпичных стен словно коснулось потаенных струн моей души, пробудив давно спящие чувства. Могу сказать, что я очутился в заколдованном краю, в котором скопилась целая груда нетронутых временем сокровищ, – краю, где древние, странные обычаи и привычки получили возможность свободно развиваться и оставаться в неприкосновенности, потому как никто их тут не тревожил.

Когда мы выехали из Братлборо, мое нервное напряжение и мрачные предчувствия только усилились, ибо затерянный в дымке гористый пейзаж с подступающими к шоссе грозными лесными чащами и гранитными утесами смутно намекал на мрачные секреты и древние обычаи, исполненные враждебности к человеку. Теперь шоссе бежало вдоль широкой, но мелководной реки, бравшей начало где-то в северных горах, и я невольно поежился, когда мой спутник сообщил, что это Вест-ривер. А я помнил, что именно в ней, как писали газеты, после наводнения видели останки одного из жутких крабовидных существ.

Постепенно окружающий пейзаж становился все более диким и пустынным. Архаичные крытые мосты, словно суровые стражи седой старины, виднелись в прогалинах между горами, а над заброшенной железнодорожной веткой, что тянулась вдоль речного русла, казалось, витал туманный дух запустения. Я изумлялся поразительной красоте бескрайних долин, утыканных одинокими утесами – знаменитый новоанглийский гранит ядовито-серыми пятнами проглядывал сквозь венчавшую горные хребты зелень. Я видел ущелья, где своенравные ручьи низвергались с каменистых порогов, неся вниз к реке невообразимые тайны тысяч неприступных пиков. От шоссе то и дело ответвлялись узкие, едва заметные в траве проселки, пробирающиеся сквозь зеленые преграды лесов, где среди древних стволов, наверное, прятались целые сонмы древних духов стихий. Оглядываясь вокруг, я невольно вспоминал страшные рассказы Эйкли о засадах незримых посланцев во время поездок по этому шоссе – и теперь уже не удивлялся, что такое возможно.

Тихая живописная деревня Ньюфан, до которой мы добрались через час пути, была последним связующим звеном с тем миром, который человек мог бы по праву назвать своим, ибо он полновластно господствовал в нем. После Ньюфана мы словно расторгли всякую связь со знакомыми, осязаемыми и подвластными времени предметами и углубились в фантастический мир безмолвной ирреальности, где узкая ленточка дороги то карабкалась вверх, то сбегала вниз, то вилась, точно по чьему-то намеренному капризу, среди пустынных зеленых пиков и пустынных долин. Не считая мерного рокота тракторов и слабых признаков оживления на скотных дворах редких ферм, которые попадались нам по пути, единственным звуком, долетавшим до моего слуха, было торопливое бормотание диковинных вод невидимых родников в лесных чащобах. От вида гор, издаലെка казавшихся похожими на миниатюрные круглоголовые кексы, вблизи поистине захватывало дух. Крутые скалистые склоны оказались еще более вели-

¹⁷ Автомобильные номера, выпущенные в Массачусетсе в 1928 году, помимо буквенных и цифровых обозначений включали изображение «священной трески» – символа штата. (Прим. перев.)

чественными, чем я их себе представлял с чужих слов; ничто в привычном нам прозаическом мире не шло ни в какое сравнение с этими исполинами. Густые леса на недоступных горных склонах, где не ступала нога человека, казалось, скрывали невероятных, неведомых существ, и я чувствовал, что даже очертания здешних гор таили какой-то странный и давным-давно позабытый смысл, словно то были гигантские иероглифы, оставленные нам легендарной расой титанов, чья слава осталась жить лишь в глубоких снах немногих посвященных. Все предания прошлого и все ошеломительные намеки из исповедей Генри Эйкли сконцентрировались в моей памяти, чтобы еще более сгустить тревожную атмосферу напряжения и гнетущего чувства опасности. Мрачная цель моего визита, как и предвкушение открытий сверхъестественного свойства, внезапно вызвала в душе мертвящий холод, порядком умеривший мой исследовательский пыл.

Нойес, должно быть, заметил мое волнение, поскольку по мере того, как дорога, углубляясь в лесную чащу, становилась все более неровной и автомобиль сбавил скорость и запрыгал по рытвинам и ухабам, его редкие вежливые комментарии обратились в нескончаемый поток красноречия. Он с воодушевлением описывал чарующие красоты и прелесть этого края, выказав даже некоторое знакомство с фольклорными изысканиями мистера Эйкли. Из его тактично сформулированных вопросов мне стало ясно, что ему известна научная цель моего приезда, а также то, что я везу с собой некую важную информацию, но, судя по его речам, он едва ли представлял себе всю глубину того страшного знания, которое в конечном счете обрел Эйкли.

Он держался непринужденно, оживленно, даже весело, и его замечания, по-видимому, были призваны успокоить и приободрить меня, но странным образом они лишь разбредили мое волнение, пока машина неслась по ухабистой дороге, забираясь все глубже в безвестную пустынную страну гор и лесов. Временами казалось, что он старается выудить из меня все, что мне известно о чудовищных тайнах этих гор, и с каждой произнесенной фразой в его голосе я все острее угадывал едва уловимые и сбивающие с толку знакомые нотки. Да-да, его голос казался неуловимо знакомым, и, несмотря на всю его неподдельную естественность, это неотступное ощущение, что я его где-то уже слышал, произвело на меня неприятный и какой-то нездоровый эффект. Я странным образом связал его с давно позабытыми кошмарами и даже боялся, что могу сойти с ума, если узнаю его. Если бы я только мог придумать какую-то вескую отговорку, я бы с радостью вернулся обратно на станцию. Но в данных обстоятельствах уже ничего нельзя было изменить – и мне подумалось, что спокойная научная беседа с Эйкли по приезде на ферму поможет мне вновь обрести присутствие духа.

Кроме того, в первозданной красоте пейзажа, мимо которого бежало шоссе, то взбираясь вверх, то устремляясь вниз, было что-то странно умиротворяющее. В лабиринтах горной дороги время словно остановилось, и взору представляли воистину сказочные виды и заново обретенная прелесть исчезнувших веков – могучие дубравы, девственные луга с яркими осенними цветами да редкие фермерские угодья, притулившиеся среди огромных деревьев за зарослями душистого можжевельника и высоких трав. Даже солнечный свет здесь обрел неземное величие, точно здешние места были пронизаны некоей фантастической атмосферой или неведомым духом. Ничего подобного я никогда не видывал в своей жизни – за исключением разве что волшебных далей, которые порою можно увидеть на полотнах итальянских живописцев-примитивистов. Содома и Леонардо умели воссоздавать такие бескрайние пространства, но у них эти просторы виднелись всегда в отдалении, сквозь своды возрожденческих аркад. Мы же теперь буквально продирались сквозь живописный холст, и в этом заколдованном мире я находил то, что неосознанно знал или унаследовал раньше и чего всю жизнь тщетно искал.

Внезапно, обогнув вершину крутого склона, автомобиль затормозил. Слева от меня, на дальнем краю ухоженной лужайки, протянувшейся до самой дороги и огороженной выбеленными валунами, возвышался белый двухэтажный дом с надстройкой, который благодаря размеру и изяществу линий выглядел чужаком в здешней глуши; позади, справа от него, стояли

пристройки – соединенные аркадами сараи, амбары и мельница. Я сразу узнал этот дом по присланной мне фотографии и совсем не удивился, увидев имя Генри Эйкли на оцинкованном почтовом ящике на столбике у дороги. За домом виднелась болотистая равнина с чахлой растительностью, а за ней поросший густым лесом склон, круто убегающий к зубчатой зеленой вершине. Это, как я уже догадался, была вершина Темной горы, на полпути к которой мы остановились.

Выйдя из автомобиля и подхватив мой саквояж, Нойес попросил подождать, пока он сходит в дом и сообщит Эйкли о моем приезде. У него же, добавил он, еще есть одно дело в городе, и он сможет пробыть тут лишь минутку – не более. Он быстро зашагал по дорожке к дому, а я тем временем вылез из автомобиля, чтобы хорошенько размять ноги, прежде чем мы с Эйкли засядем за многочасовую беседу. Мое нервное напряжение вновь усилилось, стоило мне очутиться на месте жутких событий, подробно описанных Эйкли, и я, честно говоря, сильно нервничал по поводу предстоящих дискуссий о далеких и запретных мирах.

Близкие контакты с удивительным зачастую более ужасают, нежели вдохновляют, и меня совсем не радовала мысль, что вот этот клочок проселочной дороги и есть то самое место, где Пришлые оставляли свои следы и где после безлунных ночей, полных страха и смерти, Эйкли обнаружил лужицы зеленоватого студенистого вещества. Я невольно отметил про себя, что не вижу и не слышу собак. Может быть, Эйкли их всех продал, как только Пришлые заключили с ним перемирие? Но лично я, сколько ни старался, не мог уверовать в прочность и искренность этого перемирия, как уверовал в него Эйкли, судя по последнему, такому не похожему на все предыдущие письму. В конце концов, он был довольно простодушен и не имел большого опыта в мирских делах. Уж не таился ли за этим мирным соглашением какой-то скрытый зловеющий умысел?

Следуя своим мыслям, я опустил глаза на грунтовую дорогу, хранившую некогда страшные свидетельства. В последние несколько дней погода стояла сухая, и, несмотря на безлунную местность, неровная поверхность дороги была испещрена самыми разнообразными следами. С праздным любопытством я начал изучать очертания некоторых отпечатков, стараясь унять самые зловещие из моих макабрических фантазий, порожденных этим мрачным местом и моими воспоминаниями. В кладбищенской тишине, в приглушенном журчанье лесных ручьев, в громоздящихся вокруг зеленых пиках и поросших темным лесом горных склонах на горизонте мне чудилось что-то угрожающее и тревожное.

И тут в моем сознании возник образ, который заставил эти смутные угрозы и сумрачные фантазии показаться пустыми и незначительными. Я, как было сказано, с праздным любопытством рассматривал различные следы на дороге – но вдруг мое любопытство вмиг смыло волной неподдельного, холодящего ужаса. Ибо, хотя неясные следы на песке были плохо различимы и накладывались друг на друга, мой взгляд наткнулся на некоторые детали в том месте, где проезжая дорога смыкалась с ведущей к дому тропой. И я тотчас осознал – без сомнения или надежды – пугающее значение этих деталей. Увы, не зря я часами разглядывал присланные мне Эйкли фотографии с отпечатками клешней Пришлых. Я слишком хорошо помнил следы этих ужасных чудовищ и ту странную неопределенность направления их движения, что отличало их от всех прочих земных существ. И тут не было ни малейшего шанса на спасительную ошибку. Моему взору предстали объективные доказательства: по крайней мере три свежие, оставленные всего несколько часов назад, жуткие отметины, четко видневшиеся среди множества отпечатков башмаков, ведущих к дому и от дома Эйкли. Это были богомерзкие следы мыслящих грибов с Юггота.

Я с трудом сдержал вопль ужаса. В конце концов, разве я не ожидал увидеть здесь нечто подобное, коль скоро я на самом деле поверил всему, о чем писал мне Эйкли? Он сообщил, что заключил мир с тварями. Тогда стоит ли удивляться, что они навещали его? Но мой ужас был сильнее доводов рассудка. Да и кто из людей смог бы сохранить спокойствие, впервые в жизни

воочию увидев реальные следы живых существ, прилетевших на Землю из глубин космоса? И тут я заметил, что Нойес, выйдя из дома, быстро шагает ко мне. Следует, подумал я, сохранять спокойствие, ибо есть вероятность, что этому субъекту ничего не известно о глубоких и страшных погружениях Эйкли в запретные сферы.

Мистер Эйкли, поспешил уведомить меня Нойес, рад моему приезду и готов со мной встретиться, но внезапный приступ астмы не позволит ему в ближайшие день-два в полной мере выполнять функции гостеприимного хозяина. Эти приступы он переносит очень тяжело, и они всегда сопровождаются изнуряющей лихорадкой и общим недомоганием. В такие периоды он чувствует себя неважно и может разговаривать только шепотом, и, кроме того, ему трудно передвигаться по дому. У него распухают суставы на ногах, поэтому ему, точно страдающему подагрой старику, приходится их плотно перебинтовывать жгутами. Сегодня мистер Эйкли совсем плох, поэтому мне придется самому ухаживать за собой, но тем не менее он готов к разговору. Я найду его в кабинете слева от зала. В кабинете плотно затворены жалюзи. Дело в том, что в период обострения болезни мистеру Эйкли необходимо избегать солнечного света, на который его глаза очень болезненно реагируют.

Простившись со мной, Нойес сел в автомобиль и уехал, а я медленно зашагал по дорожке к дому. Дверь была приоткрыта, но прежде чем переступить порог, я внимательно огляделся, пытаясь найти объяснение овладевшему мной ощущению какой-то неосознанной странности этой фермы. Сараи и амбары выглядели как обычные сельские постройки, а в просторном открытом гараже я заметил старенький «форд» Эйкли. И тут я постиг секрет не покидавшего меня странного ощущения. Все дело было в гнетущей тишине. Обыкновенно на ферме всегда присутствует какофония звуков, издаваемых живностью. А тут – ничего! Ни кудахтанья кур, ни лая собак. Эйкли писал, что у него есть несколько коров – ну, коровы могут быть сейчас на пастбище; собак он, должно быть, продал. Но полное отсутствие каких-либо живых звуков вообще – ни птичьих голосов, ни единого писка – было в высшей степени необычно.

Я не стал задерживаться на дорожке, решительно распахнул дверь и, войдя в дом, плотно закрыл ее за собой. Для этого мне пришлось сделать над собой усилие, и теперь, оказавшись в доме за закрытой дверью, я на секунду ощутил сильнейшее желание тотчас отсюда сбежать. Не то чтобы я заметил какие-то зловещие признаки; как раз наоборот, со вкусом обставленный элегантный холл в позднем колониальном стиле радовал глаз, и я не мог не поразиться утонченному вкусу его хозяина. И все же мне хотелось поскорее убраться отсюда из-за чего-то почти неосознанного и неопределенного. Возможно, дело было в неприятном запахе, который сразу ударил мне в нос, – впрочем, характерный затхлый дух отнюдь не редкость даже в хорошо сохранившихся старых фермерских домах...

VII

Отгоняя от себя смутные сомнения и тревоги, я последовал наставлениям Нойеса, повернул из холла налево, толкнул белую дверь с медной задвижкой и, как и ожидалось, оказался в затемненной комнате. Здесь странный затхлый запах стал еще сильнее. Вместе с тем я ощутил некую легкую, едва ощутимую ритмичную вибрацию в воздухе. В первые мгновения я мало что смог разглядеть в сумраке кабинета: плотно закрытые жалюзи не пропускали дневного света. Но затем до моего слуха донеслись произнесенные свистящим шепотом извинения, и я различил большое кресло в дальнем, самом темном, углу комнаты. Там, в полутьме, я увидел бледные пятна лица и рук и в следующее мгновение пересек комнату, чтобы поприветствовать человека, пытающегося со мной заговорить. Несмотря на сумрак, я все же признал в нем хозяина фермы. Ведь я долго разглядывал его фотографию и теперь, узнав обветренное, резко очерченное лицо и коротко стриженную седую бороду, отбросил все сомнения.

Но, взглядываясь в это лицо, я невольно опечалился, ибо, несомненно, так мог выглядеть лишь тяжело больной человек. И мне сразу подумалось, что это напряженно-неподвижное, застывшее выражение лица и немигающих, словно остекленевших глаз вызвано причиной куда более серьезной, нежели астма, а в следующий миг я понял, что это зримый результат его пугающих открытий, ужасное бремя которых он взвалил на себя. Не было ли одного этого достаточно, чтобы сломить любого человека – даже куда более молодого и сильного, чем этот смельчак, отважившийся заглянуть в бездну запретного знания? Боюсь, странное и внезапное избавление от страха снизошло на него слишком поздно и уже не могло спасти от сильнейшего нервного истощения. Его безжизненные руки, неподвижно лежащие на коленях, выглядели особенно жалкими. На нем был просторный домашний халат, а голову и верхнюю часть шеи скрывал ярко-желтый шарф или капюшон.

Эйкли продолжил разговор тем же свистящим шепотом, которым он меня приветствовал. Поначалу мне было трудно разобрать слова, тем более что седые усы прикрывали его едва шевелящиеся губы, а тембр его голоса почему-то пробудил во мне тревогу; но, сконцентрировав внимание, я скоро смог вполне сносно его понимать. Говор выдавал явно не деревенского жителя, а сама речь оказалась даже более рафинированной, нежели привычная мне манера его письма.

– Мистер Уилмарт, я полагаю? Простите, что не встаю. Я серьезно болен, о чем мистер Нойес, должно быть, вам сообщил. Тем не менее я не мог отказать себе в удовольствии принять вас в этом доме. Как я писал в последнем письме, мне надо многое вам рассказать – но это произойдет завтра, когда мне станет немного лучше. Не могу выразить словами, как я счастлив видеть вас лично после нашей столь длительной переписки. Вы, конечно, привезли с собой всю подборку писем? И фотоснимки, и фонографическая запись тоже при вас? Нойес оставил ваш саквояж в холле – полагаю, вы его там заметили. Что же до сегодняшнего вечера, то, боюсь, вам придется поухаживать за собой самому. Вам отведена спальня наверху – прямо над этим кабинетом, – а рядом с ней дверь в ванную комнату. В столовой для вас накрыт стол и приготовлена трапеза – можете пройти туда, когда пожелаете, через дверь по правую руку от вас. Завтра я смогу лучше выполнять обязанности хозяина дома – но сейчас из-за слабости я совершенно беспомощен.

Чувствуйте себя как дома – и будьте добры, прежде чем отнести наверх свой саквояж, выложите письма, фотоснимки и фонографическую запись на стол в центре кабинета. Здесь мы и будем их обсуждать – вы можете видеть мой фонограф на комод в углу. Спасибо за заботу, но вы ничем не сможете мне помочь. Я уже давно испытываю эти приступы. Просто наведайтесь ко мне ненадолго перед сном, а потом отправляйтесь к себе в спальню, когда сочтете нужным. Я же побуду здесь и, возможно, просплю в этом кресле всю ночь, как я это часто делаю. А утром мне значительно полегчает, и мы сможем целиком посвятить себя нашим делам. Вы осознаете, конечно, всю величайшую важность стоящей перед нами задачи. Нам, как мало кому из живших на Земле, откроются глубины времени и пространства, превосходящие все, что смогла охватить человеческая наука и философия.

Знаете ли вы, что Эйнштейн ошибся и некоторые объекты все же способны перемещаться со скоростью, превосходящей световую? С должной помощью я надеюсь сам перемещаться вперед и вспять во времени и воочию увидеть Землю далекого прошлого и будущего. Вы не можете даже вообразить себе, какого высочайшего уровня развития достигла наука у этих существ! Нет ничего такого, чего бы они не могли сотворить с сознанием и физической оболочкой живых организмов. Я надеюсь посетить иные планеты и даже иные звезды и галактики. Первое мое путешествие будет на Юггот, ближайший к нам мир, полностью населенный внеземными существами. Это таинственная темная планета на самом дальнем краю Солнечной системы, до сих пор неизвестная нашим астрономам. Но я, должно быть, писал вам об этом. Когда придет время, тамошние обитатели направят на нас свои мыслепотоки и позволят зем-

лянам себя обнаружить – и, может быть, дадут возможность одному из своих земных союзников указать нашим ученым верный путь.

На Югготе множество огромных городов, где высятся гигантские башни с многослойными террасами, сложенными из черного камня вроде того, что я пытался вам переслать. Этот камень прибыл с Юггота. Солнце там светит не ярче, чем самая далекая звезда, но населяющим планету существам оно и не нужно. У них тонко развиты иные органы чувств, и в их огромных домах и храмах нет окон. Свет вреден для них, он слепит и пугает их, ибо в черном космосе по ту сторону времени и пространства, откуда они происходят, света нет вовсе. Путешествие на Юггот сведет с ума любого слабого человека – и все же я туда собираюсь. Там под таинственными циклопическими мостами – а их возвела некая древняя, вымершая и забытая раса задолго до того, как эти существа прибыли на Юггот из бездн космоса, – текут черные смоляные реки, и любой человек при виде их вдохновится подобно Данте или Эдгару По, если только ему удастся сохранить здоровый рассудок, дабы потом рассказать об увиденном.

Но запомните: этот темный мир грибных садов и безоконных городов вовсе не ужасен. Это нас он приводит в ужас. Но наверное, столь же ужасным показался наш мир Пришлым, когда они впервые высадились здесь в стародавние времена. Знаете, ведь они появились на Земле задолго до конца легендарной эпохи Ктулху, и они помнят о затонувшем Р'льехе, когда он еще возвышался над водами. Они обитали также в недрах Земли – существует немало тайных входов в пещеры, о которых земляне ничего не знают; некоторые из них расположены здесь, в горах Вермонта, и там, на глубине, скрываются великие миры неизвестной жизни: голубоцветный К'ньян, красноцветный Йот и мрачный бессветный Н'кай. Именно из Н'кая пришел страшный Цатоггуа – то самое бесформенное жабовидное божество, что упоминается в Пнакотикских рукописях, и в «Некрономиконе», и в цикле мифов «Коммориом», который сохранил для нас верховный жрец Атлантиды Кларкаш-Тон.

Но мы поговорим об этом позже. Уже, должно быть, четыре или пять часов пополудни. Принесите мне вещи, которые вы привезли, перекусите, а потом возвращайтесь для продолжения нашей приятной беседы...

Я медленно повернулся и, выйдя из комнаты, в точности выполнил просьбу хозяина дома: принес саквояж, выложил из него на стол в центре кабинета все, что он хотел видеть, и, наконец, поднялся в отведенную мне комнату наверх. При воспоминаниях о свежем впечатлении клешни на дороге и о произнесенной шепотом странной тираде Эйкли, а также об упомянутом им неведомом мире грибовидной жизни – запретном Югготе – у меня по коже забегали мурашки. Болезнь Эйкли сильно меня расстроила, но, признаться, его свистящий шепот вызвал у меня скорее омерзение, чем жалость. И что это ему приспичило так бурно восторгаться Югготом и его мрачными тайнами!

Отведенная мне спальня оказалась довольно уютной и изысканно меблированной, причем здесь я не ощущал ни затхлого запаха, ни неприятной вибрации. Оставив свой саквояж, я снова спустился вниз, зашел в кабинет Эйкли пожелать ему доброй ночи и отправился обедать. Столовая располагалась сразу за кабинетом, и я заметил, что кухня находится рядом за стенкой. На столе я обнаружил щедрое изобилие сэндвичей, пирог и сыр, а термос и стоящая рядом чашка с блюдцем свидетельствовали, что мой хозяин не забыл позаботиться о свежем кофе. Сытно поев, я налил себе полную чашку кофе, но с огорчением понял, что кулинарные навыки моего хозяина именно здесь обнаружили небольшой дефект. С первым же глотком я ощутил на языке неприятный едкий привкус, так что дальше дегустировать этот кофе не стал. За обедом я постоянно думал об Эйкли, безмолвно сидящем в огромном кресле в затемненной комнате по соседству.

В какой-то момент я даже встал и, войдя к нему, предложил разделить со мной трапезу, но в ответ он прошептал, что сейчас не в состоянии есть. Чуть попозже, перед сном, добавил Эйкли, он выпьет стакан солодового молока – это все, чем ему можно питаться сегодня. Покон-

чив с едой, я вызвался сам убрать со стола и вымыть посуду на кухне и, воспользовавшись этой уловкой, тихонько вылил в раковину мерзкий кофе, который не пришелся мне по вкусу. Вернувшись в темный кабинет, я придвинул стул к креслу Эйкли и приготовился к продолжению разговора, на который, как я надеялся, он был настроен. Привезенные мною письма, восковой валик и фотоснимки все еще лежали на столе посреди кабинета, но обратиться к ним предстояло, видимо, позднее. И я быстро забыл даже о странном запахе и загадочной вибрации в воздухе.

Как я уже говорил, в ряде писем Эйкли – особенно во втором, наиболее подробном – было сказано немало такого, о чем я бы не посмел не то что рассуждать вслух, но даже пытаться выразить словами на бумаге. Это нежелание безмерно усилилось после новых откровений, озвученных свистящим шепотом из тьмы кабинета в фермерском доме среди безлюдных гор. Я не могу ни намеком поведать о тех кошмарных космических тварях, которых описывал этот силплый голос.

По его словам, он и раньше знал о многих страшных вещах, но то, что открылось ему после заключения пакта с Пришлыми, было непосильным бременем для здорового рассудка. Даже в тот момент я отказывался верить в его трактовку устройства предельной бесконечности, о пересечениях измерений, о местоположении известного нам пространственно-временного мира в бесконечной цепи взаимосвязанных космосов-атомов, составляющих некий суперкосмос искривлений, углов и элементов с материальной и полуматериальной электронной структурой.

Никогда еще находящийся в здравом уме человек не подбирался столь близко к сокровенной тайне основной сущности мироздания – никогда еще органический мозг не оказывался на грани полной аннигиляции в хаосе, чуждом всякой формы, энергии и симметрии. Я узнал, откуда происходит Ктулху и почему вспыхнули и угасли мириады звезд в космической истории. Я угадал – но лишь по косвенным намекам, которые даже моего собеседника заставили малодушно умолкнуть, – тайны Магеллановых Облаков и Шаровидной туманности и постиг мрачную правду, спрятанную под покровом древней аллегории о Дао. Мне доходчиво объяснили природу Доэлов и поведали о сущности (но не происхождении) Гончих Псов Тиндала. Легенды об Инге, Повелителе Змей, утратили для меня метафорический смысл, и я содрогнулся от отвращения, услышав о чудовищном ядерном хаосе по ту сторону угловатого пространства, которое в «Некрономиконе» с милосердной уклончивостью именуется Азатотом. Я испытал подлинный шок, когда самые омерзительные чудовища запретного мифа предстали въяве, обретя конкретные имена, когда мне открылась суть ужасных и отвратительных явлений, превосходящая самые смелые догадки античных и средневековых мистиков. Неотвратимо я был вынужден поверить, что самые первые сказители, нашептавшие эти проклятые предания, общались, подобно Эйкли, с Пришлыми и, возможно, сами посещали далекие космические области, как это теперь предложили сделать моему собеседнику.

Он рассказал мне про черный камень и про его значение и был несказанно рад, что посылка так и не дошла до меня. Мои догадки относительно иероглифов подтвердились! И все же Эйкли теперь вроде бы примирился с той дьявольской системой, которая ему открылась, и не только примирился, но и был готов проникнуть еще глубже в разверзшуюся перед ним чудовищную бездну. Я мог лишь гадать, с какими существами он побеседовал уже после написания последнего письма и многие ли из них имели человеческий облик, как тот их эмиссар, о котором он упоминал. У меня разболелась голова, и я строил всевозможные предположения, одно безумнее другого, об источнике витающего в воздухе неприятного запаха и еле заметных вибраций в темном кабинете.

Сгустилась ночь, и, вспоминая, что писал мне Эйкли о предшествующих ночах, я с содроганием подумал, что сегодня луна в небе не появится. И меня пугало уединенное расположение этого фермерского дома с подветренной стороны лесистого склона Темной горы, круто

взбегавшего вверх к неприступному хребту. С позволения Эйкли я зажег небольшую масляную лампу, прикрутил фитиль и поставил ее на книжную полку около бюстика Мильтона, призрачно белеющего во мраке. Но я сразу же пожалел об этом, так как мой хозяин заметно напрягся, и его недвижимое лицо и безвольно лежащие руки поразили меня неестественной, даже трупной, бледностью. Как я заметил, Эйкли едва мог двигаться, лишь время от времени кивал.

Выслушав его рассказ, я даже не мог вообразить, какие еще страшные тайны он приберегает на завтра; но в конце концов выяснилось, что темой следующей беседы станет его путешествие на Юггот и в глубины космоса – как и мое возможное участие в нем. Полагаю, Эйкли позабавило, с каким нескрываемым ужасом я воспринял предложение сопровождать его в космическом путешествии, потому что, как только мое лицо исказила гримаса страха, его голова сильно затряслась – от беззвучного смеха? Потом он весьма учтиво заговорил о том, как люди могут совершить – а некоторые из них уже совершали – на первый взгляд невообразимые полеты сквозь межзвездную пустоту. По его словам выходило, что живые человеческие тела в действительности не совершали этих путешествий, но недюжинные способности Пришлых в области хирургии, биологии, химии и механики помогли им найти способ перемещать в космосе живой мозг человека независимо от остального тела.

Существует безвредный способ извлечения мозга и сохранения жизнедеятельности тела в его отсутствие. Чистое же мозговое вещество погружалось в периодически обновляемую жидкость, находящуюся в воздухо непроницаемом цилиндре из особого металла, добываемого на Югготе, а погруженные в эту жидкость электроды, подключенные к мозгу, соединялись с высокоточными инструментами, способными дублировать три основные функции мозговой деятельности: зрение, слух и речь. Для крылатых грибоподобных организмов переносить такие мозговые цилиндры через космическое пространство не составляло большого труда. На всех планетах, куда проникла их цивилизация, имелось достаточно функциональных аппаратов, которые можно было подключать к мозгу в цилиндре, и после некоторой наладки путешествующий интеллект обретал способность полноценного – хотя и бестелесного – существования, с применением органов чувств и речи, на каждом этапе путешествия в пространственно-временном континууме и даже за его пределами. Это было не сложнее перевозки воскового валика с записью и ее воспроизведения на любом фонографе нужной модели. В успехе предстоящей миссии Эйкли не сомневался и никакого страха не испытывал. Ведь подобные путешествия уже не раз блестяще осуществлялись в прошлом. И тут впервые за все время его бессильная рука приподнялась и указала на высокую полку у дальней стены кабинета. Там, аккуратно выстроившись в ряд, стоял десяток или больше цилиндров из неведомого мне металла – эти цилиндры были в фут высотой и чуть меньше фута в диаметре, а спереди, на выпуклой стороне, виднелись три розетки, расположенные в виде равнобедренного треугольника. От двух розеток одного из цилиндров тянулись провода к паре необычных приспособлений в глубине полки. Об их назначении можно было бы даже не спрашивать, и я поежился от охватившего меня озноба. Потом я заметил, что рука Эйкли указывает на ближний угол комнаты, где громоздились замысловатые приборы с проводами и штепселями, причем некоторые из них были точь-в-точь как два приспособления на книжной полке позади металлических цилиндров.

– Здесь вы видите четыре разновидности приборов, Уилмарт, – послышался шепот из тьмы. – Четыре разновидности – и каждый выполняет три функции, итого их тут двенадцать. Смотрите: в металлических цилиндрах на полке представлены четыре вида живых существ: три человеческие особи, шесть грибовидных, не способных телесно перемещаться в пространстве, два существа с Нептуна (Боже! Видели бы вы, в какой телесной оболочке обитает это существо на своей планете!), а остальные существа водятся в глубоких пещерах на удивительных темных звездах за пределами нашей галактики. В главной колонии в недрах Круглого холма можно найти такие же цилиндры и машины – при этом в цилиндрах содержится внекосмический мозг,

обладающий неизвестными нам органами чувств, – это мозг союзников и исследователей из самых далеких глубин Потустороннего, – а особые машины помогают им получать впечатления извне и выражать свои мысли различными способами, которые подходят одновременно и для них, и для осмысленного общения с разного рода слушателями. Круглый холм, как и большинство колоний этих существ в разных уголках мироздания, стал пристанищем для самых разнообразных видов. Но разумеется, лишь наиболее распространенные из них были переданы мне для проведения экспериментов.

Прошу вас, возьмите те три машины, на которые я указал, и поставьте их на стол. Вон та высокую машину с двумя стеклянными линзами спереди... затем ящик с вакуумными трубками и звукоусиливающей коробкой, а теперь тот аппарат с металлическим диском сверху. Так... теперь цилиндр с наклеенной этикеткой В-шестьдесят семь. Встаньте на тот виндзорский стул, чтобы добраться до полки. Тяжело? Не бойтесь. Обратите внимание на номер В-шестьдесят семь. Ни в коем случае не прикасайтесь к новому сверкающему цилиндру с моим именем, подсоединенному к двум контрольным приборам. Поставьте цилиндр В-шестьдесят семь на стол рядом с машинами – и проследите, чтобы поворотные переключатели на всех трех машинах находились в крайнем левом положении.

А теперь присоедините провод от машины с линзами к верхней розетке на цилиндре – вон там! Подключите машину с трубкой к нижней левой розетке, а аппарат с диском – к верхней розетке. Теперь переведите все поворотные переключатели на верхней машине в крайнее правое положение – сначала на машине с линзой, затем на машине с диском и, наконец, на машине с трубкой. Правильно! Должен, кстати, предупредить вас, что это человеческое существо, подобное нам с вами. Завтра я покажу вам кое-что еще!

До сего дня не могу понять, почему я так покорно повиновался указаниям Эйкли и считал я его безумцем или нет. После всего случившегося до того вечера я, вероятно, был готов к чему угодно; но эта нелепая возня с машинами настолько смахивала на причуды обезумевшего изобретателя, что в моей душе вновь зародились сильные сомнения, которые не возникали даже во время нашей беседы. Все, о чем разглагольствовал этот шептун, выходило за грань человеческого разума – хотя разве иные вещи, еще дальше выходящие за эту грань, не кажутся менее нелепыми только по причине отсутствия конкретных осязаемых доказательств их существования?

Пока эти хаотичные мысли роились в моем мозгу, я обратил внимание на странное урчание и поскрипывание трех машин, которые я подключил к металлическому цилиндру, – но вскоре урчание и поскрипывание стихло и машины стали работать совершенно бесшумно. И что же должно произойти? Услышу ли я человеческий голос? И если так, то как я определю, что это не хитроумный трюк со встроенным радиоприемником и не голос спрятавшегося где-то человека, который тайком наблюдает за всем происходящим в кабинете? Даже и теперь я не могу сказать с полной уверенностью, что за голос я слышал и на самом ли деле имел место феномен, свидетелем которого я стал... Впрочем, нечто и впрямь имело место.

Попросту говоря, машина с трубками и со звукоусилителем заговорила, причем столь осмысленно, что у меня не было ни малейшего сомнения, что говорящий присутствует здесь и видит нас. Голос был громкий, монотонный, безжизненный и, судя по тембру и интонациям, абсолютно механический. Он скрежетал, с мертвенной точностью и неспешностью выбирая слова, на одной ноте, не выражая никаких эмоций.

– Мистер Уилмарт, надеюсь, я не испугал вас. Я такой же человек, как и вы, хотя мое тело в настоящий момент пребывает в безопасном месте и получает надлежащие питательные вещества для поддержания его жизнедеятельности в недрах Круглого холма, в полутора милях к востоку отсюда. Я же нахожусь с вами в этой комнате – мой мозг заключен в цилиндре, и я могу видеть, слышать, говорить с помощью электронных вибраторов. Через неделю я отправлюсь в космическое путешествие, как уже бывало не раз в прошлом, и я надеюсь иметь удовольствие

совершить его в обществе мистера Эйкли. Буду рад, если и вы присоединитесь к нам, ибо я знаю вас и вашу репутацию, и я внимательно следил за вашей перепиской с нашим общим другом. Как вы, наверное, уже поняли, я один из тех людей, кто заключил союз с внеземными существами, прибывшими на нашу планету. Сначала я встретил их в Гималаях и оказал им разнообразную помощь. В знак благодарности они даровали мне возможность познать то, что ведомо мало кому из людей.

Вы только представьте себе такое – побывать на тридцати семи небесных телах: планетах, темных звездах и совсем неопикуемых объектах, включая восемь космических тел за пределами нашей галактики и два – за пределами искривленного пространственно-временного континуума! И все эти путешествия не нанесли мне ни малейшего вреда. Мой мозг был изъят из моего тела путем клеточной фрагментации, столь тонкой, что было бы несправедливо назвать эту виртуозную операцию хирургическим вмешательством. Пришлые существа обладают методами, благодаря которым такие изъятия просты и почти обыденны. И ваше тело, когда мозг изъят из него, не подвержено процессу старения. Должен сказать, что мозг остается практически бессмертным, сохраняя способность к восприятию окружающего мира посредством механических органов чувств и получая необходимую дозу питательных веществ при каждом обновлении жидкости, в которой он хранится.

Я искренне надеюсь, что вы решитесь отправиться в путешествие вместе со мной и мистером Эйкли. Пришельцы стремятся ближе познакомиться с учеными вроде вас и готовы показать им великие бездны, о которых многие из нас могут лишь грезить в своем неведении. Встреча с ними поначалу может вас озадачить, но я уверен, вы сумеете преодолеть все предубеждения. Думаю, к нам присоединится и мистер Нойес – тот самый, кто привез вас сюда на автомобиле. Уже многие годы он – один из нас. Я полагаю, вы узнали его голос – это он звучит на фонографической записи, которую вам прислал мистер Эйкли.

Я вздрогнул – и говорящий осекся на мгновение, а затем продолжил:

– Итак, мистер Уилмарт, решение за вами. Мне остается лишь добавить, что такой человек, как вы, с вашей страстью ко всему необычному и с вашей любовью к фольклору, не должен упустить столь редкую возможность. Вам нечего бояться. Все перемещения совершенно безболезненны, а механические органы чувств имеют свои преимущества. При отключении электродов вы просто уснете и будете видеть невероятно яркие и фантастические сны... А теперь, если не возражаете, мы прервем нашу беседу до завтра. Доброй ночи – просто поверните все выключатели в крайнее левое положение, – вы можете проделать это в любом порядке – и не забудьте: последней надо выключить машину с линзой. Доброй ночи, мистер Эйкли, обращайтесь с нашим гостем хорошо! Ну что, вы готовы повернуть выключатели?

На том наше общение закончилось. Я тупо повиновался и повернул все три выключателя. Тем не менее этот странный монолог заставил меня усомниться в реальности происшедшего. Моя голова все еще шла кругом, когда я услышал шепот Эйкли, просившего меня оставить всю аппаратуру на столе. Он никак не прокомментировал то, что произошло, но, по правде сказать, мое воспаленное сознание вряд ли было способно воспринять какой-либо здравый комментарий. Шепотом он попросил меня забрать с собой в спальню масляную лампу, из чего я заключил, что ему хочется побыть в темноте. Наверное, для него настала пора отдыхать, так как его пространная речь, с которой он обратился ко мне днем и вечером, могла бы утомить даже физически крепкого человека. Все еще пребывая в сильном волнении, я пожелал моему хозяину доброй ночи и поднялся вверх с лампой, хотя с собой у меня был мощный карманный фонарик.

Я был рад покинуть наконец кабинет Эйкли, где витал странный затхлый запах и ощущалась легкая вибрация, но, разумеется, не мог избавиться ни от обуявшего меня ужаса, ни от чувства скрытой опасности и чудовищной ненормальности происходящего, когда думал о фермерском доме и о потусторонних силах, с которыми мне пришлось здесь столкнуться. Лесистый

склон Темной горы, который почти вплотную подступал к затерянному в безлюдной глухомани Вермонта дому, загадочные следы на дороге, неподвижный больной, шепчущий из тьмы, сатанинские цилиндры и машины и, самое жуткое, приглашение подвергнуться уму непостижимой хирургической операции и отправиться в уму непостижимое путешествие – все эти необычные события столь внезапно обрушились на меня, буквально парализовав мою волю и почти что подорвав мои физические силы.

Особенно сильным потрясением для меня стало известие, что мой провожатый Нойес был участником омерзительного древнего обряда, записанного на восковом валике, хотя я и раньше отметил смутно знакомые нотки в его голосе. Другое сильное потрясение я испытал, проанализировав свое отношение к Эйкли. Ибо если раньше, ведя с ним интенсивную переписку, я инстинктивно испытывал к нему симпатию, то теперь она превратилась в явную неприязнь. Его болезнь должна была бы вызвать во мне жалость; вместо того она вызвала у меня отвращение. Он был так неподвижен и пассивен, так похож на живой труп – и его нескончаемый шепот был таким мерзостным и... нечеловеческим!

Мне пришло в голову, что этот шепот не похож ни на один из скрипучих сиплых голосов, какие мне доводилось слышать в своей жизни, и что, несмотря на странную неподвижность его губ, прикрытых густыми усами, в шепоте угадывалась скрытая сила и энергия, едва ли присущая жалкому хрипу астматика. Я слышал все им сказанное, стоя в дальнем углу кабинета, и пару раз ловил себя на мысли, что этот тихий голос – признак отнюдь не бессилия, а, напротив, намеренно сдерживаемой силы! Но для чего он старался приглушить голос – это так и осталось для меня загадкой! С самого первого момента звучание его шепота из тьмы вызвало в моей душе некую необъяснимую тревогу. И теперь, пытаясь вновь все осмыслить, я понял, что меня подсознательно встревожило знакомое звучание этого голоса – то же самое показалось мне таким знакомым и смутно зловещим в голосе Нойеса. Но где и когда я встречался с обладателем этого знакомого шепота, я вспомнить не смог.

Одно для меня было несомненно: я проведу здесь только одну ночь, не более. Мой научный азарт улетучился под влиянием страха и отвращения, и меня обуревало лишь одно желание – поскорее высвободиться из жутких силков сверхъестественных откровений. Я узнал достаточно. Возможно, так оно и есть и некая необъяснимая космическая связь существует – но нормальный человек не должен иметь с этим ничего общего.

Богомерзкие силы, казалось, опутали меня своей паутиной и мертвой хваткой вцепились в мой разум. О том, чтобы заснуть в этом доме, решил я, даже думать не стоит; поэтому я просто затушил пламя лампы и, не раздеваясь, упал на кровать. Конечно, это было глупо, но я приготовился к любому развитию событий. Я сжал в правой руке револьвер, который захватил с собой из дома, а в левой – карманный фонарик. Снизу не доносилось ни звука, и я мысленно представил себе Эйкли, сидящего во тьме неподвижно, точно труп.

Где-то в глубине дома тикали часы, и я, сам не зная почему, благодарно вслушивался в этот вполне обычный звук. Он, правда, напомнил мне еще об одной тревожной особенности этой фермы – полном отсутствии здесь живности, столь привычной для сельской местности. И тут я осознал, что не слышу даже ночных звуков диких лесных обитателей. Если не считать зловещего журчания невидимых лесных вод, эта гробовая тишина казалась ненормальной и я стал гадать, под властью какого звезднорожденного неосязаемого заклатья находится это место. Я вспомнил, что, если верить старинным преданиям, собаки и другие животные на дух не выносят Пришлых, и задумался, что бы могли означать те следы на дороге.

VIII

Только не спрашивайте меня, сколько длился внезапно сморивший меня сон и много ли из того, о чем пойдет речь дальше, мне приснилось. Если я вам скажу, что в какой-то момент

я пробудился и услышал и увидел нечто, вы сочтете, что я и не просыпался вовсе и что все это было сном ровно до того момента, как я выскочил из дома, бросился к сараю, где ранее заметил старенький «форд», и помчался на старом драндулете по лабиринтам лесных дорог среди призрачных гор, пока наконец в финале безумной многочасовой гонки не попал в деревушку, оказавшуюся Тауншендом.

Вы можете, конечно, отмахнуться от всех подробностей в моем рассказе и объявить, что и фотоснимки, и голоса на фонографическом валике, и голос из металлического цилиндра и звуковоспроизводящей машины, как и прочие вещественные доказательства, были лишь элементами грандиозной мистификации, которой подверг меня исчезнувший Генри Эйки. Вы можете даже предположить, что он подговорил нескольких эксцентричных знакомых принять участие в этом дурацком, но очень ловко разыгранном надувательстве – что он сам устроил похищение посылки из поезда в Кине и сам попросил Нойеса сделать ту пугающую запись на восковом валике. Но странно, однако, что Нойеса так до сих пор и не нашли и что его никто никогда не видел в деревнях по соседству с фермой Эйки, притом что он, должно быть, частенько наезжал в те места. Жаль, я не удосужился запомнить номер его автомобиля – хотя, с другой стороны, может быть, оно и к лучшему. Ибо независимо от того, что вы думаете обо всем этом, и независимо от того, что я сам об этом думаю, мне точно известно, что мерзкие внеземные силы обитают в малоизвестных вермонтских горах и эти силы имеют своих шпионов и эмиссаров в человеческом мире. И я прошу лишь об одном: в будущем держаться как можно дальше и от этих зловредных сил, и от их эмиссаров.

Выслушав мой взволнованный рассказ о происшествии, местный шериф направил отряд вооруженных людей на ферму Эйки, но того уже и след простыл. Его поношенный домашний халат, желтый шарф и бинты для ног валялись на полу в кабинете рядом с креслом в углу, и никто не мог сказать, пропала ли вместе с ним еще какая-то его одежда. Ни собак, ни живности на ферме и правда не обнаружили, зато нашли на стенах дырки от пуль – снаружи и внутри; но, помимо этого, ничего необычного не выявилось. Ни металлических цилиндров, ни диковинных машин, ни предметов, которые я привез в саквояже... Пропал мерзкий запах, пропала вибрация, исчезли следы на дороге и те три загадочных предмета, которые привлекли мое внимание напоследок.

После бегства я провел в Братлборо целую неделю, опрашивая местных жителей, знавших Эйки, и в результате убедился в том, что все приключившееся со мной – не сон и не обман. Эйки на самом деле многократно покупал собак, ружейные патроны и химикалии, кто-то действительно многократно перерезал ему телефонные провода; при этом все знавшие его – в том числе и его сын в Калифорнии – показали, что он часто упоминал о своих странных исследованиях. Образованная часть местного общества считала его безумцем и без колебаний объявляла все так называемые вещественные доказательства мистификацией, результатом его безумных проделок, в которых, возможно, участвовали его эксцентричные подручные. Зато невежественная деревенщина подтверждала все его заявления до последней мелочи. Эйки показывал кое-кому из них и фотоснимки, и черный камень, а также проигрывал им жуткие записи; и все уверяли, что следы клешней на дороге и жужжащий голос один в один похожи на описания этой дьявольщины в старинных поверьях. Старожилы также говорили, что появление подозрительных фигур и голосов вблизи фермы Эйки участилось после того, как он нашел черный камень, и что в последнее время его ферму обходили стороной все, кроме почтальона и горстки самых отчаянных смельчаков. Всем было известно, что и на Темной горе, и на Круглом холме частенько появляются привидения, но я не мог найти никого, кто бы исследовал те места. Случаи регулярного исчезновения местных жителей за всю историю округа тоже нашли подтверждение, и в число пропавших теперь включали Уолтера Брауна, чье имя упоминалось в письмах Эйки. Я даже встретил одного фермера, который божился, что лично видел в Вест-

ривер во время наводнения тело странного очертания, но его рассказ был слишком сбивчив, чтобы счесть его ценным свидетельством.

Покинув Братлборо, я твердо решил никогда не возвращаться в Вермонт, и я абсолютно уверен, что сдержу данное себе обещание. Эти безлюдные лесистые горы и впрямь являются форпостом ужасающей космической расы, в чем я все меньше сомневаюсь с тех пор, как прочитал об открытии за Нептуном новой, девятой планеты Солнечной системы – в точности как то и предсказывали жуткие твари. Астрономы, сами о том не подозревая, с пугающей провидческой точностью называли планету Плутоном. Я же, безусловно, считаю, что это и есть мрачный Юггот, и с содроганием размышляю о том, почему чудовищные пришельцы пожелали, чтобы их мир был обнаружен землянами именно сейчас. Я тщетно пытаюсь убедить себя в том, что эти демонические создания не изберут новую политику, вредоносную для Земли и ее обитателей.

Но я должен еще поведать, чем завершилась та ужасная ночь на ферме. Как я уже сказал, в конце концов меня сморил беспокойный сон, и в обрывках сновидений мне привиделись страшные картины. Что меня разбудило, я так и не понял, но я точно помню момент своего пробуждения. И помню свое первое смутное впечатление: скрип половиц – в холле за дверью кто-то шел крадучись, а потом я услышал приглушенное звяканье дверной щеколды, которую кто-то неловко пытался открыть. Но эти звуки почти сразу прекратились; и затем я услышал – это я помню совершенно четко – голоса из кабинета на первом этаже. Мне почудилось, что я различаю голоса нескольких собеседников, и подумал, что там о чем-то спорят.

Вслушиваясь в голоса в течение несколько секунд, я окончательно проснулся: при таких звуках было просто смешно думать о сне. Тональности голосов заметным образом различались, и всякий, кто хоть раз слышал ту мерзейшую фонографическую запись, безошибочно смог бы определить природу по крайней мере двух из этих голосов. Ибо, сколь бы пугающей ни была моя догадка, я понял, что нахожусь под одной крышей с безымянными тварями из космических бездн: два собеседника говорили тем самым мерзким жужжащим шепотом, который Пришлые использовали для речевого контакта с людьми. И хотя эти два голоса заметно отличались – и по тембру, и по темпу, и по выговору, – оба принадлежали одному и тому же окаянному виду.

Третий же голос совершенно точно звучал из речевой машины, соединенной с изъятым мозгом в металлическом цилиндре. В этом у меня не было ни малейшего сомнения, ибо этот скрежещущий безжизненный голос, громко произносивший слова с монотонной точностью и неторопливостью, забыть было невозможно. В первый момент я даже не задумался, не является ли этот механический скрежет голосом того самого разума, который вчера вечером вел со мной беседу, а позднее пришел к выводу, что любой мозг способен подавать точно такие же голосовые сигналы, если его соединить с аналогичным механическим источником речи, – не считая, конечно, различий в языке, ритме, темпе и дикции. Наконец, последними участниками этого сверхъестественного диспута были, несомненно, два человека – один из них, судя по грубоватому выговору, был неизвестный мне деревенский житель, а в другом, обладателе приятного бостонского акцента, я сразу узнал своего загадочного провожатого Нойеса.

Силясь разобрать слова, приглушаемые старыми толстыми половицами, я, помимо них, отчетливо слышал шарканье, топот и скрежет и не мог избавиться от ощущения, что в кабинете внизу полным-полно живых существ – гораздо больше, чем голосов, которые я смог различить. В точности описать это шарканье и скрежет я вряд ли смогу, ибо мне просто не с чем их сравнить. Но, судя по звукам, в кабинете двигались разумные существа; звук их шагов слегка напоминал легкий цокот, как бывает при соприкосновении с твердой поверхностью изделий из кости или твердой резины. Или, если воспользоваться более наглядным, хотя и менее точным сравнением, как если бы люди, обутые в грубые деревянные башмаки, шаркали по гладкому паркету. Я даже не мог мысленно себе представить, как выглядят существа, производящие при движении столь диких звуки.

Вскоре я понял, что уловить сколько-нибудь связный разговор мне не удастся. Отдельные слова – в том числе имя Эйкли и мое собственное – то и дело всплывали в потоке речи, особенно четко их произносила речевая машина; но их истинное значение терялось в отсутствие внятного контекста. Я и сейчас, задним числом, не берусь судить о содержании того разговора, а тогда его устрашающий эффект был результатом скорее моих неосознанных предположений, нежели ясного понимания. Я не сомневался, что внизу подо мной собрался ужасный, противоестественный конклав чудовищ, но какова была кошмарная цель сего собрания, я понятия не имел. Мне стало даже любопытно: почему меня сразу охватило ощущение злонамеренности этого собрания, несмотря на все заверения Эйкли в дружелюбии Пришлых.

Терпеливо вслушиваясь в приглушенные речи, я начал наконец различать отдельные голоса, хотя и не мог уловить смысла произносимых слов. Мне показалось, что я даже угадываю некоторые характерные эмоции, сопровождающие те или иные реплики. Один из жужжащих голосов, например, говорил с очевидными властными интонациями, в то время как механический голос, несмотря на его искусственную громкость и размеренность, выдавал подчиненное положение его носителя и временами звучал даже просительно. А в голосе Нойеса слышались примирительные интонации. Интонации других голосов я и не пытаюсь как-то интерпретировать. Я не слышал знакомого шепота Эйкли, хотя понимал, что столь слабый звук вряд ли проникнет сквозь толстые половицы моей спальни.

Все же постараюсь воспроизвести несколько бессвязных фрагментов фраз и иных звуков и, насколько смогу, соотнесу их с разными собеседниками. Первые внятные фразы, которые я смог уловить, звучали из речевой машины:

(Речевая машина)

«... и возложил на себя... отослал назад письма и запись... этому конец... захвачен... видеть и слышать... проклятие... безличная сила, в конце концов... новый сверкающий цилиндр... Великий Бог...»

(Первый жужжащий голос)

«... раз мы сделали остановку... маленький человеческий... Эйкли... мозг... говорит...»

(Второй жужжащий голос)

«Ньярлатхотеп... Уилмарт... Записи и письма... дешевое надувательство...»

(Нойес)

«... (непроизносимое слово или имя, что-то вроде «Н'гах-Ктун») безвредный... мир... пара недель... слишком театрально... говорил же вам об этом раньше...»

(Первый жужжащий голос)

«... нет смысла... первоначальный план... последствия... Нойес может наблюдать за Круглым холмом... Новый цилиндр... Автомобиль Нойеса...»

(Нойес)

«... что ж... к вашим услугам... вот сюда... остальные... на место...»

(Несколько голосов говорят одновременно, неразборчиво)

(Слышен топот многих ног, в том числе странное шарканье или цокот)

(Непонятные хлопки)

(Громкий звук автомобильного двигателя, постепенно затихающего вдали)

(Тишина)

Вот, собственно, конспект того, что я смог расслышать, когда, затаив дыхание, лежал на кровати в зловещем фермерском доме среди демонических гор и холмов, – полностью одетый, с револьвером в правой руке и карманным фонариком в левой. Я, как уже было сказано, окончательно проснулся, но меня словно поразил непонятный паралич, заставив лежать без движения до тех самых пор, пока не стихли последние звуки. Где-то далеко внизу мерно тикали старые коннектикутские часы. И тут до моего слуха донесся прерывистый храп спящего. Это,

должно быть, задремал Эйкли, утомленный странным консилиумом, – что ж, его можно было понять.

Я же не знал, что думать и что предпринять. В конце концов, разве я услышал нечто такое, к чему не был уже подготовлен? Разве я не знал, что безымянные Пришлые теперь преспокойно могли разгуливать по фермерскому дому? Хотя, разумеется, Эйкли не мог не удивить их непрошенный визит... И все же что-то в подслушанном бессвязном разговоре меня безмерно напугало, в очередной раз породив жуткие сомнения, – и мне оставалось лишь молить Господа, чтобы я пробудился и понял, что все это было дурным сном. Думаю, мое подсознательное постигло нечто, чего еще не уразумел мой рассудок. А что Эйкли? Разве он не был моим другом, разве он бы не возмутился, случись со мной что-то ужасное? И его мирное похрапывание словно высмеивало все страхи, внезапно охватившие меня с новой силой.

Возможно ли, что Эйкли стал пассивным инструментом в чьем-то зловещем замысле и его заставили заманить меня в горы вместе со всеми письмами, фотографиями и фонографической записью? И не собирались ли эти твари уничтожить нас обоих, ибо мы узнали о них слишком много? И вновь я задумался о до странности резкой и неестественной смене настроения Эйкли, произошедшей между его предпоследним и самым последним письмом. Я интуитивно чувствовал: что-то тут не так... Все не то, чем кажется... И этот едкий кофе, который я вылил в раковину, – уж не пыталось ли неведомое существо отравить меня? Надо обсудить это с Эйкли тотчас и помочь ему вновь взглянуть на все происходящее трезвым взглядом. Твари затуманили ему голову своими обещаниями космических открытий, но теперь-то он должен прислушаться к голосу разума. Нам нужно выпутаться из этой истории, пока еще не поздно. Если ему неостанет силы воли обрести свободу, я ему помогу. А если мне не удастся убедить его бежать отсюда, то я, по крайней мере, смогу сам спастись бегством. Полагаю, он не откажется одолжить мне свой «форд», который я оставлю потом у кого-нибудь в гараже в Братлборо. Автомобиль стоял в сарае, и теперь, когда все опасности миновали, дверь сарая была распахнута настежь, оставалось надеяться, что машина исправна. Мимолетная неприязнь к Эйкли, которую я ощутил во время нашего общения накануне вечером, уже прошла. Бедняга оказался в том же положении, что и я, поэтому нам следовало держаться вместе. Учитывая, что его беспомощность вызвана болезнью, мне не хотелось будить его в столь поздний час, хотя я понимал, что сделать это придется. В сложившихся обстоятельствах я просто не мог себе позволить оставаться в доме до утра.

Наконец я был готов к решительным действиям. Прежде чем встать с кровати, я несколько раз потянулся, чтобы восстановить подвижность мышц. Стараясь действовать с осторожностью, скорее инстинктивной, нежели осознанной, я надел шляпу, подхватил саквояж и тихонько спустился по лестнице, освещая себе путь фонариком. По-прежнему находясь в сильнейшем нервном напряжении, я не выпускал из правой руки револьвер и ухитрился зажать левой и фонарик, и ручку саквояжа. Зачем я предпринял все эти предосторожности, я и сам не мог понять, так как даже если сейчас я и мог кого-то разбудить в доме, то только его хозяина.

Прокравшись на цыпочках по скрипучим ступеням в холл, я еще отчетливее услышал храп спящего и подумал, что он, вероятно, в комнате слева – в гостиной, куда я еще не заходил. Справа от меня была крошечная тьма кабинета, откуда ранее доносились разбудившие меня голоса. Отворив незапертую дверь гостиной, я посветил фонариком туда, откуда доносился храп, и луч света вырвал из мрака лицо спящего. В следующую же секунду я поспешно отвел фонарик в сторону и медленно, по-кошачьи ретировался назад в холл, – причем теперь меры предосторожности я предпринял по велению не только рассудка, но и инстинкта. Ибо на кушетке спал вовсе не Эйкли, а мой старый знакомец Нойес.

Я терялся в догадках, что бы все это значило. Но здравый смысл мне подсказывал, что самое правильное – как можно больше разузнать самому, прежде чем вызвать подмогу. Вернувшись в холл, я бесшумно затворил и запер дверь в гостиную, чтобы уж наверняка ничем не

потревожить сон Нойеса. После этого я осторожно вошел в кабинет, где ожидал увидеть Эйкли – спящим или бодрствующим – в угловом кресле, его излюбленном месте отдыха. Покуда я перемещался по кабинету, луч фонарика осветил большой круглый стол с дьявольским цилиндром, присоединенным к зрительной и слуховой приставкам и к речевой машине, готовой к работе. По моему разумению, это был извлеченный из тела мозг, который участвовал в ужасном собрании; на какую-то секунду у меня возникло извращенное желание запустить речевую машину и посмотреть, что она мне скажет.

Мозг, думал я, уже осознал мое присутствие, потому что зрительные и слуховые приставки не могли не зафиксировать свет моего фонарика и легкое поскрипывание половиц под моими ногами. Но я так и не осмелился возиться с мерзким приспособлением. Я только заметил на столе новый сверкающий цилиндр с наклейкой, на которой было написано имя Эйкли, – тот самый, который я заметил на полке накануне вечером и к которому хозяин дома попросил меня не прикасаться. Сейчас, думая об этом, могу лишь посетовать на свою робость и пожалеть, что не отважился заставить аппарат заговорить. Одному Богу ведомо, на какие тайны он мог пролить свет, какие ужасные сомнения рассеять! Но, с другой стороны, может быть, в том и состояло милосердие Божье, что я к нему не притронулся.

Я отвел луч фонарика от стола и направил его в угол, где, как я думал, сидит Эйкли, но, к своему изумлению, обнаружил, что старое кресло пусто – там не было никого, ни спящего, ни бодрствующего. Знакомый мне поношенный халат валялся на кресле, чуть свешиваясь на пол, а рядом на полу лежал желтый шарф и поразившие меня своими размерами жгуты для ног. Я замер, раздумывая, куда пропал Эйкли и почему он снял облачение больного, и поймал себя на том, что больше не ощущаю в помещении ни мерзкого запаха, ни легкой вибрации. Но что же было их причиной? И тут мне пришло в голову, что и то и другое ощущалось лишь в присутствии Эйкли. Причем сильнее всего – около кресла, где он сидел, а вот в других комнатах и в коридоре и запах, и вибрация пропадали полностью. Я обвел лучом фонарика стены темного кабинета, пытаясь найти объяснение столь разительной перемене.

О господи! Надо было тихо уйти отсюда до того, как луч фонарика вновь упал на пустое кресло! Но, как оказалось, мне суждено было покинуть этот дом не тихо, а с воплем ужаса, который, наверное, потревожил, хотя и не разбудил, спящего стража в комнате напротив. Мой вопль и мерный храп Нойеса – вот последние звуки, услышанные мною в ужасном фермерском доме под поросшей темным лесом призрачной горой, в этом обиталище транскосмического кошмара среди уединенных зеленых холмов и угрожающе бормочущих ручьев зачарованного деревенского захолустья.

Удивительно, что во время беспорядочного бегства я не выронил ни фонарик, ни саквояж, ни револьвер. Я умудрился выбежать из кабинета и из дома, не издав ни единого звука, а потом благополучно забросил вещи в старый «форд», стоящий в сарае, сел за руль, завел мотор и помчался под покровом безлунной ночи в поисках безопасного места. Вся последующая поездка была как пьяный бред сродни иным рассказам Эдгара По, или стихам Рембо, или гравюрам Доре, но, как бы то ни было, я добрался до Тауншенда. Вот и все. И если после всех этих приключений я сохранил душевное здоровье, считайте, что мне крупно повезло. Иногда меня посещают страхи относительного того, что ждет всех нас в будущем, особенно если учесть недавнее открытие планеты Плутон.

Итак, обследовав с помощью фонарика стены кабинета, я направил луч на пустое кресло. И только тогда я впервые увидел там предметы, которые ранее не заметил из-за того, что они затерялись в складках поношенного халата. Это были три предмета, которые не обнаружили полицейские дознаватели, позже побывавшие в этом доме. Как я сказал в самом начале, на первый взгляд в них не было ничего ужасного. Ужас заключался в выводах, которые напрашивались при виде этих предметов. Даже сегодня я переживаю мгновения полуосознанных

сомнений – мгновения, когда я склонен согласиться со скептическими оценками тех, кто приписывает все случившееся со мной сновидениям, расшатанным нервам или галлюцинациям.

Эти три предмета оказались дьявольски хитроумными конструкциями, снабженными тонкими металлическими зажимами, с помощью которых они, по-видимому, крепились к органическим устройствам, о природе которых я даже не хочу задумываться. Я лишь надеюсь – искренне надеюсь, – что, вопреки моим сокровенным страхам, это были восковые изделия работы изощренного мастера.

Великий Боже! Этот шепчущий из тьмы, с его омерзительным запахом и вибрациями! Чародей, эмиссар, двойник, Пришлый... Это жуткое приглушенное жужжание... выходит, он все время находился в том новеньком сверкающем цилиндре на полке... бедняга!

«Недужинные способности в области хирургии, биологии, химии и механики...»

Ибо в кресле я увидел микроскопически точно, до последней мельчайшей детали, воспроизведенное подобие – или подлинник – лица и кистей рук Генри Уэнтворта Эйкли.

1930

Хребты безумия

I

Нижеследующий рассказ я публикую вынужденно, поскольку представители науки отвергли мой совет, сочтя его бездоказательным. Я решительно предпочел бы умолчать о причинах, заставляющих меня противиться грядущему вторжению в Антарктику с его последствиями: безудержной охотой за окаменелостями, бурением множества скважин, растапливанием полярных льдов, — тем более что к моим словам, возможно, никто не прислушается. Факты, о которых я должен поведать, неизбежно будут встречены с недоверием, но, если выпустить из рассказа все необычное и невероятное, останется одно пустое место. Подкреплением им послужат прежде не публиковавшиеся фотографии, сделанные как на земле, так и с воздуха, — на редкость четкие и наглядные. Критики, однако, усомнятся и здесь, объявив снимки искусным фотомонтажом. Чернильные зарисовки уж точно никого не убедят, а вызовут лишь ухмылки, притом что над их необычным характером стоило бы задуматься искусствоведам.

В итоге мне остается положиться на проницательность и авторитет тех немногих выдающихся ученых, кто, с одной стороны, мыслит достаточно независимо, чтобы оценить, сколь несокрушимо убедительны сами по себе представленные мною данные, или же сопоставить их с некоторыми древнейшими и весьма загадочными мифологическими циклами; с другой же стороны, эти ученые должны быть достаточно влиятельны, дабы удержать исследователей от чересчур поспешных и опрометчивых предприятий в регионе Хребтов безумия. К несчастью, когда речь идет о предметах столь противоречивых и далеко выходящих за рамки обыденного, известным сотрудникам заштатного университета, каковыми являемся мы с коллегами, едва ли можно надеяться на внимание научных кругов.

И дополнительный фактор, нам не благоприятствующий: мы не являемся в строгом смысле специалистами непосредственно в тех научных областях, которые в данном случае более всего затронуты. Передо мной, как геологом и руководителем экспедиции Мискатоникского университета, была поставлена задача добыть в разных точках Антарктического континента образцы пород глубокого залегания, для чего предполагалось воспользоваться замечательным буром, который был сконструирован профессором Фрэнком Пейбоди, сотрудником нашего технического факультета. На роль первопроходца в каких-либо иных областях я не претендовал; надежды мои ограничивались тем, чтобы, не удаляясь от ранее исследованных путей, при помощи упомянутого механического устройства отобрать в ряде пунктов образцы, прежде, до изобретения нового метода, недоступные. Буровая установка Пейбоди, как уже знает публика из наших сообщений, превосходит все аналоги по таким качествам, как легкость и компактность, а эффективное сочетание принципов вращательного и ударного бурения позволяет ей легко справляться с породами различной твердости. Стальная насадка, буровые штанги, бензиновый двигатель, разборная деревянная вышка, принадлежности для взрывных работ, такелаж, шнек, составная бурильная колонна диаметром пять дюймов и общей глубиной до 1000 футов — все это, с дополнительными принадлежностями, помещалось на трех санях, по семь собак в упряжке, благо большая часть металлических конструкций была изготовлена из легких алюминиевых сплавов. Имелись четыре больших самолета Дорнье, специально спроектированных для полетов на огромной высоте (поскольку летать предстояло над антарктическими плоскогорьями) и дополненных устройствами для подогрева горючего и ускоренного запуска двигателя (разработки того же Пейбоди). Эти машины предназначались для доставки участников экспедиции из базы на краю Большого ледяного барьера к различным точкам в

глубине материка, а дальше можно было перемещаться на собаках, которые имелись в достаточном количестве.

Мы рассчитывали проработать один антарктический сезон (при крайней необходимости и дольше) и исследовать за это время как можно большую область преимущественно в горах и на плоскогорье к югу от моря Росса, то есть в регионах, в той или иной степени изученных Шеклтоном, Амундсеном, Скоттом и Бэрдом. Часто меняя лагерь, достигая с помощью самолетов отдаленных друг от друга и различных по геологии областей, мы рассчитывали собрать беспрецедентно обширный научный материал – особенно в докембрийских слоях, антарктические образцы которых в распоряжении ученых были наперечет. Предполагалось также собрать коллекцию самых разнообразных поверхностных пород с окаменелостями: знание древней истории этих безжизненных льдистых пределов послужило бы солидным подспорьем при изучении прошлого всей нашей планеты. Уже ни для кого не секрет, что в незапамятные времена на Антарктическом континенте царил умеренный и даже жаркий климат, процветала разнообразная флора и фауна, от которой в наши дни уцелели только лишайники, морские животные, паукообразные и пингвины, да и те лишь на северной кромке материка; мы же надеялись существенно пополнить и уточнить эти сведения. Если обнаружатся признаки окаменелостей, мы планировали перейти к буровзрывным работам, чтобы добыть образцы нужного размера и качества.

Поскольку в низинах толщина ледяного панциря составляла от мили до двух, мы решили ограничиться голыми – или почти голыми – склонами и вершинами гор, выявлять многообещающие участки и там бурить на разную глубину. Мы не могли себе позволить проходку большой ледовой толщи, хотя Пейбоди придумал просверливать частые отверстия, опускать туда медные электроды и, запитывая их от работающей на бензине динамо-машины, растапливать таким образом участок льда. Именно этот метод (проверить его можно было только в ходе такой экспедиции, как наша) намереваются применить участники будущей экспедиции Старкуэзера – Мура; ко мне они не прислушиваются, хотя я после возвращения из Антарктики неоднократно уже выступал в печати с предостережениями.

О Мискатоникской экспедиции публика осведомлена благодаря нашим частым радиogramмам в газету «Аркхем эдвертайзер» и агентство «Ассошиэйтед пресс», а также позднейшим заметкам, которые публиковали мы с Пейбоди. В составе ее были четверо сотрудников университета: Пейбоди, Лейк с биологического факультета, Этвуд с физического (он же был нашим метеорологом) и я – представитель геологической науки и номинальный глава экспедиции, – а также шестнадцать ассистентов: семеро аспирантов и девять мастеров-механиков. Двенадцать человек из названных шестнадцати были квалифицированными пилотами, и все, за исключением двоих, умели обращаться с радиопередатчиком. Восемь ассистентов, а также мы с Пейбоди и Этвудом, разбирались в навигации и умели обращаться с компасом и секстантом. Добавьте сюда два бывших китобойных судна (с усиленным, для плавания среди льдов, деревянным корпусом и вспомогательным паровым двигателем) и их полностью укомплектованные экипажи. Экспедицию финансировал Фонд Натаниэля Дерби Пикмана, было сделано и несколько дополнительных пожертвований, поэтому даже в отсутствие особой огласки подготовка была проведена самая основательная. В Бостон для погрузки на суда были доставлены собаки, сани, механизмы, лагерное оборудование и припасы, а также, в разобранном виде, наши пять самолетов. Мы обеспечили себя всем необходимым для достижения своих целей, и во всем, что касается припасов и экипировки, организационных вопросов, перевозки, оборудования лагеря, был использован ценнейший опыт наших недавних – и блестящих – предшественников. Именно потому, что их было много и их достижения широко обсуждались, наша экспедиция, при всех ее масштабах и значимости, прошла относительно незамеченной.

Как сообщалось в газетах, мы отплыли из Бостонской бухты 2 сентября 1930 года, взяли курс вдоль берега на юг, прошли Панамский канал, сделали остановку на островах Самоа и

далее в Хобарте, на острове Тасмания, где взяли на борт последнюю партию припасов. Никто из тех, кто готовился заниматься научными исследованиями, не бывал прежде в полярных широтах, поэтому нам оставалось только положиться на опыт капитана брига «Аркхем» Дж. Б. Дагласа (он командовал морским этапом экспедиции), а также капитана барка «Мискатоник» Георга Торфиннсена; оба они долгое время промышляли в Антарктике китов. Обитаемые земли остались позади, солнце с каждым днем все ниже и все дольше висело над северным горизонтом. Приблизительно на 62° южной широты мы впервые видели айсберги, плоские, как стол, с отвесными стенками, а незадолго до 20 октября, когда с надлежащими, весьма причудливыми церемониями состоялось пересечение полярного круга, впервые натолкнулись на труднопроходимые ледовые поля. После долгого плавания в тропиках я никак не мог приспособиться к низким температурам, однако приходилось держаться, поскольку главные испытания были еще впереди. Частенько я, восхищенный и зачарованный, наблюдал необычные атмосферные явления; однажды это был поразительно правдоподобный мираж (первый в моей жизни): отдаленные айсберги вдруг обратились укреплениями грандиозных, немыслимых замков.

Пробившись через льды (к счастью, не очень протяженные и плотные), мы на 67° южной широты и 175° восточной долготы достигли открытого водного участка. Утром 26 октября на южном горизонте показался желтоватый отблеск – знак, что близок снежный берег, и еще до полудня мы с трепетом завидели впереди могучую, одетую снегом горную цепь, заступавшую весь горизонт. Это был долгожданный аванпост обширного неисследованного континента, загадочного мертвого царства мороза. Перед нами, очевидно, простиралась Адмиралтейская гряда, открытая Россом, и теперь нам нужно было обогнуть мыс Адэр и вдоль восточного побережья Земли Виктории следовать до места, где мы планировали устроить базу: на берегу пролива Мак-Мердо, у подножия вулкана Эребус, 77° 9' южной широты.

Заключительный отрезок пути поражал воображение: на западе теснились таинственные нагие пики, солнце (полуденное – низко над северным горизонтом, полуночное – и того ниже над южным) бросало бледно-розовые лучи на белый снег, голубоватый лед, разводья, черный гранит крутых склонов. На пустынные вершины порывами налетал жуткий антарктический ветер, в его завываниях чудились иной раз живые ноты отчаяния; затрагивая какие-то подсознательные воспоминания, этот разноголосый плач будил во мне смутные страхи. Чем-то этот пейзаж напоминал странные, тревожные азиатские полотна Николая Рериха и даже еще более странное и тревожное описание зловещего плоскогорья Ленг из «Некрономикона», написанного безумным арабом Абдулом Альхазредом. Позднее мне пришлось пожалеть о том, что я вообще ознакомился в библиотеке колледжа с этой чудовищной книгой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.